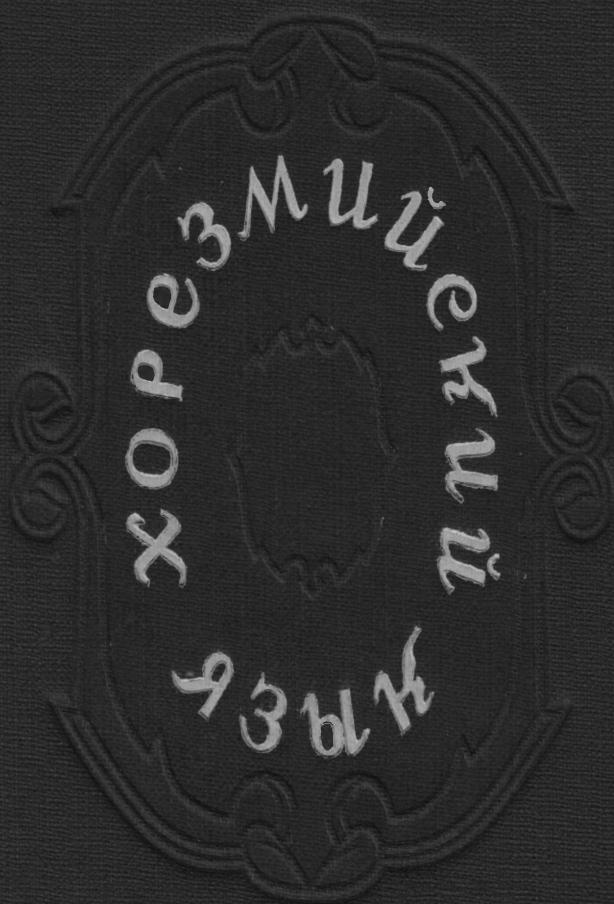

АНДРИМОНЪ ВЪЛУХЪ СЪСЪРЪ

А. А. ФРЕЙМАН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.А. ФРЕЙМАН

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ЯЗЫК

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1951

Ответственный редактор
С. П. ТОЛСТОВ

ОТ АВТОРА

Настоящий сборник является первой частью работы «Хорезмийский язык». В основе сборника лежат хорезмийские глоссы сочинения «Қыңйат ал-мунйа . . .» хорезмийского языковеда XIII в. Наджм ад-Дйн Абу-р-Раджа . . . ал-Газмйнй.

Сохранившийся в этих глоссах словарный материал (около 3000 слов) позволил издателю воссоздать систему этого языка XIII в., вскоре после этого вымершего, а также родственные связи этого языка с другими восточно-иранскими языками.

Помимо глосс, в сборник включены четыре статьи, написанные автором в разное время (1937—1941) и появившиеся в печати в изданиях Института востоковедения АН СССР и Ленинградского Государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова в течение 1939—1948 гг. Статьи посвящены истории вопроса и исследованию отдельных грамматических категорий хорезмийского языка.

Первая из этих статей под заглавием «Хорезмийский язык» является предварительным сообщением, прочитанным в Институте востоковедения АН СССР осенью 1936 г. Помещение этой статьи в сборнике вызвано желанием отметить начало работы.

Остальные три статьи посвящены отдельным вопросам грамматических категорий хорезмийского языка и их сравнению с соответственными категориями другого среднеазиатского иранского языка — согдийского.

Статья, содержащая глоссы из двух первых глав сочинения «Қыңйат ал-мунйа», напечатанная в VI томе Советского востоковедения (1949), в сборнике отдельно не воспроизводится, так как материал указанной статьи почти без изменения включен в последнюю статью настоящего сборника, в которой содержатся глоссы всех шести глав указанного выше сочинения.

Сборник заканчивается глоссами, их грамматическим и лексикографическим анализом.

Вторая часть работы «Хорезмийский язык» будет посвящена в основном исследованию хорезмийской лексики.

Книга подписывается к печати в дни, когда вся наша страна и все ее друзья за ее пределами отмечают знаменательную годовщину выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», создавшего новый, сталинский, этап в развитии нашей науки.

В своей работе автор руководствовался положениями сталинского учения о языке. Рассматривая свое задание как лингвистическое исследование сравнительно-исторического характера, он старался устанавливать и показывать «внутренние законы развития» хорезмийского «языка». Автор полагает, что элементы хорезмийского языка были заложены еще в глубокой древности.

Открытия, сделанные товарищем Сталиным, касающиеся отношения языка к базису и надстройке, позволили автору спокойно выполнять свою задачу, твердо отличая лингвистическое исследование от культуроведческого, ибо «культура и язык — две разные вещи».¹

Автор считает, что сравнительно-историческая грамматика иранских и индо-иранских языков устанавливает наличие ираноязычных племен, а значит и хорезмийцев, в Средней Азии в первой половине второго тысячелетия до н. э. Он считает также, согласно сталинскому учению о языке, что исчезновение хорезмийского языка как нормы к XIV в. н. э. произошло не в результате стадийного взрыва, а путем постепенного вытеснения хорезмийского языка языком другого народа в хорошо известных исторических условиях.

Ленинград
Июнь 1951 г.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 20.

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

Культурное строительство народов Советского Союза вызывает усиленный интерес к историческим проблемам, понимаемым в самом широком смысле этого слова. История народов, населяющих ныне территорию СССР, включает также исследование их культурных связей с зарубежными народами, начиная с самой глубокой древности.

История Средней Азии должна изучаться и изучается в широкой исторической перспективе. Культурные оазисы Средней Азии, как показали, например, раскопки в Анау, были очагами высоко развитой культуры в доисторическую эпоху. Культура Анау была одним из звеньев в цепи культурных очагов Передней Азии и Ирана, давность которых, по мнению компетентных специалистов, может быть прослежена до 4000 лет до н. э., а развитие ее в керамике продолжалось почти до современности.²

Одним из наиболее важных исторических документов являются язык, история языка и языков с их письменностями, памятниками языка, фольклором — вплоть до современных живых говоров. В языке отражаются и вскрываются исторические судьбы его носителей, их племенные и культурные связи в прошлом в самых причудливых, неожиданных для исследователя сплетениях. В истории науки известно много случаев, когда постулированные историей языка факты подтверждались впоследствии документами другого порядка. Поэтому вполне понятно то внимание, которое историческая наука уделяет языкознанию, а с другой стороны ясно, что языковедческие занятия без исторической базы перестают быть наукой.

Многоязычно население Средней Азии. Оно относится преимущественно к двум языковым группам: тюркской и иранской. Вопросы изменения языковой карты, языковых взаимоотношений самым тесным образом связаны с историей народов Средней Азии. В настоящее время численно преобладают тюрко-язычные народы (узбеки, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки и др.). Некоторая часть ирано-язычных народностей Средней Азии становилась постепенно «двуязычной» с таджикским и узбекским

¹ Сообщение, прочитанное в Институте востоковедения Академии Наук СССР в 1936 г. Печатается с некоторыми изменениями. См. Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 306—319.

² Раскопки лауреата Сталинской премии А. П. Окладникова обнаружили в южной части Узбекистана культуру неандертальского человека. Это свидетельствует о давности истории культуры народов Средней Азии.

языками (таково, например, население Самарканда). Этот процесс постепенного распространения тюркских языков за счет иранских действовал по тем же причинам и раньше, в течение многих веков. Аналогичные процессы параллельно с вышеуказанным действовали и внутри иранской группы, где таджикский язык практически внедрялся в среду местного населения, говорившего на восточно-иранских языках.

Если древнейшие памятники материальной культуры народов Средней Азии относятся ко временам за несколько тысячелетий до н. э., то значительно хуже здесь положение в отношении письменных документов на языках народов Средней Азии. Они значительно моложе и относятся в основном к первой четверти VIII в. н. э. Это — открытые в 1933 г. в Таджикистане, на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, остатки архива согдийского Тархуна-Дэвāшпича, написанные согдийско-буддийским курсивом на согдийском языке.¹ Открытие этих документов в развалинах здания вместе с памятниками материальной культуры *in situ* в обстановке, о которой говорят арабские нарративные источники (Табари), не оставляет места сомнению в подлинности этих документов, в точности их датировки, в том, что язык этих документов — язык согдийский. Эти документы дали возможность подтвердить правильность высказанного ранее другим взглядом (на основании согдийских календарных названий у Бируни), что подобные документы, добытые в начале этого столетия в Синь-Цзяне, написаны на согдийском же языке, на котором, повидимому, говорило население согдийских торговых колоний в Китае. Поскольку среди этих документов оказалось несколько писем, которые должны быть датированы на несколько столетий раньше остальных документов (относящихся к VIII в.), то *terminus a quo* согдийских документов, происходящих не из Средней Азии, но написанных на согдийском языке, одном из языков Средней Азии, может быть отодвинут на несколько веков назад, к первым векам нашей эры.² Найденный в 1936 г. в старом Мерве обломок сосуда (хума) с согдийской надписью на нем, относящейся приблизительно к тому же времени, что и большинство других согдийских документов, т. е. к VIII в., имеет значение как показатель распространения согдийского языка в то время, но не углубляет наших знаний по истории его. Значительно большее значение имеют найденные во время раскопок в Нисе (М. Е. Массона) надписи с письменами, характер которых близок к письменам текста авроманского пергамента. Мы имеем в этих надписях (они должны быть, по всем данным, отнесены ко времени около начала нашей эры) образцы парфянского письма. К сожалению, эти надписи мало увеличивают пока наши познания в парфянском языке, но имеют большое значение как свидетельство существования парфянской культуры в южном Туркменистане.

Таким образом, наука, даже учитывая древне-хорезмийские документы, найденные в раскопках С. П. Толстова, не обладает пока подлинными пись-

¹ См.: Согдийский сборник. Академия Наук СССР, Л., 1934.

² Как ныне выясняется, к началу IV в. н. э.

менными документами на языках Средней Азии, которые были бы древнее начала нашей эры. К счастью, историческая наука, историческое языкознание обладают рядом данных, которые позволяют судить с достаточной точностью об этнолого-лингвистической карте Средней Азии и ее изменениях за столетия до нашей эры. К этим данным относятся: древне-персидские надписи Ахеменидов и Авеста, сравнительная и историческая грамматика иранских, индо-иранских языков, свидетельства историков и языковые свидетельства: ассиро-вавилонские, греческие, латинские, армянские, китайские.

Ахеменидские надписи, Авеста и греческие историки дают нам представление о провинциях (землях), народностях Средней Азии, об их материальной культуре. Сравнительная грамматика иранских и индо-иранских языков и свидетельства греков говорят о чрезвычайной близости древне-иранских языков; отношение их друг к другу было отношением говоров, они *διόλωτοι παρὰ μικρόν*.

Совокупность этих данных позволяет сказать, что мы ничего не знаем о языке населения, создавшего культуру Анау. Около начала II тысячелетия до нашей эры в Средней Азии начинают говорить на древне-иранских, мало отличавшихся друг от друга говорах. Основные народности ее: в западной части (нижнее течение Аму-дарьи) — хорезмийцы (др.-перс. *ḫwārazmīya*), к востоку от них (Самарканд, течение Зеравшана и прилегающие области) — согдийцы (*suguda sóydoi*), далее к востоку и к северу — саки (*saka skáda*). К IV—III вв. до н. э. в истории иранских языков кончается стадия развития, характеризуемая богатой флексией, и начинается или продолжается распад последней, упрощение, постепенное усиление аналитических элементов — стадия развития, которую принято называть средне-иранской. Интенсивность развития этих процессов различна по языкам: наиболее сильна она в языке персидском, менее сильна в языках Средней и Центральной Азии, где в согдийском и сакском (хотанском) языках еще в VIII в. н. э. отмечаются, в противоположность персидскому, остатки нескольких падежей.

К началу нашей эры, как следствие недостаточно еще выясненных событий в Центральной Азии, начинается из глубин ее, от границ Китая, движение народов, которое затронуло Среднюю Азию и Иран. Оно привело к обоснованию по верхнему течению Аму-дарьи тохаров, от имени которых названа и страна Тохаристан. За ними пошли хэфталиты и, наконец, тюрки, тормозившие в VIII в. продвижение и упрочение власти арабов над Средней Азией, поддерживая или обещая поддержку враждебным арабам элементам из среды согдийцев. Начиная с VIII в., мы видим в Средней Азии относительно быстрое продвижение, после потери персами политической независимости, таджикского языка, таджикских говоров и постепенное вытеснение ими восточно-иранских языков.

Наброшенная только что схема изменения этнолого-лингвистической карты Средней Азии относится в полной мере и к Хорезму, к языку его населения.

Раскопки лауреата Сталинской премии проф. С. П. Толстова вскрыли самобытную древне-хорезмийскую культуру с памятниками древне-хорезмийской письменности, относящимися, по мнению ученого, к III в. н. э. Эти документы имеют чрезвычайно важное значение, поскольку самыми старыми памятниками хорезмийского языка служили до сих пор названия дней, месяцев, праздников, некоторых созвездий в написанном на арабском языке сочинении (Хронологии) хорезмийца Бируни. Эти термины свидетельствуют о хорезмийском языке X в.

Хорезмийские фразы имелись в одном сочинении по фикху (автор — ат-Тарджумани).¹ Сочинение написано в первой половине XII в.² В главах этого сочинения, посвященных браку, разводу, клятве и т. п., оказались формулы на хорезмийском языке, но без перевода. Это сочинение имеется в нескольких новых и неисправных рукописях в стамбульских библиотеках. Новые данные по хорезмийскому языку, о которых речь ниже, дают возможность удовлетворительно установить в значительной части текст и перевести его. В журнале «Islamica» за 1927 г. приведены также по одной стамбульской рукописи около 40 слов (13 фраз) на хорезмийском языке из словаря Замахшари.

В 1936 г. в Институт востоковедения была прислана из Астрахани С. А. Алимовым, вместе с другими рукописями, рукопись XIV в. — сочинение хорезмийского законоведа («Кыният ал-мунья. . .» 'Приобретение желанного. . .') XIII в. Наджм ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар аз-Захиди ал-Газмини. Описание этой и некоторых других рукописей этого сочинения и словаря, о котором речь идет ниже, дано С. Л. Волиным в указанной выше статье. Это сочинение является собранием фетв по главам: о браке, разводе, клятве и т. д. В сочинении большое количество хорезмийских фраз и отдельных слов (всего около 3000 слов). Здесь имеются формулы развода, брака, клятвы и т. д., отдельные слова и названия предметов и даже небольшие диалоги. Обильная огласовка значительно помогает установлению надлежащего чтения хорезмийских слов. Особенную ценность присланной рукописи составляет пришитая позже к ней тетрадь в 22 листа, написанная другим почерком и заключающая три сочинения Джелал ал-Ймади, в том числе словарь: объяснение слов, приведенных по-хорезмийски в только что названной книге. Последняя рукопись написана в XIV в. с автографа. После каждой хорезмийской фразы дан ее перевод на арабский или таджикский язык.

Такое количество хорезмийских слов (довольно большое их число, правда, повторяется), притом приведенных в контексте фразами, с огласовками, дает возможность уже составить известную картину хорезмийского языка. Данное сочинение (XIII в., рукописи XIV в.) заставляет сделать важный для иранского языкознания и истории Средней Азии вывод, что в XIII—XIV вв., несмотря на отюречение, в Хорезме еще не вымер

¹ Islamica, III, 1927, стр. 190—213.

² См.: С. Л. Волин. Новый источник для изучения хорезмийского языка. Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 79—91.

хорезмийский язык. Это обстоятельство позволяет по аналогии предположить, что в это время и соседний согдийский язык не вымер еще в гористой Согдиане, где и по сегодняшний день продолжает бытовать один из ново-согдийских говоров — агнобский. В настоящее время Институт востоковедения готовит издание арабского текста с русским переводом и исследование о хорезмийском языке. Уже теперь, в виде предварительного сообщения, могут быть указаны некоторые основные его черты.

Письмо

Упомянутые хорезмийские фразы в сочинениях на арабском языке написаны, конечно, арабским алфавитом. Бейхаки свидетельствует о наличии письменности в Хорезме в XI в. Открытия проф. С. П. Толстова отодвигают эту дату до III в. н. э. Алфавиты ирано-язычных народов Средней Азии и Ирана представляют собою развитие арамейских алфавитов. Арамейское письмо было в ахеменидскую эпоху деловым письмом, письмом делопроизводства, распространенным во всей Передней Азии. Древнейшим документом арамейского письма у ирано-язычных народов являются остатки надписи Артаксеркса I (в Накш-и Рустем), обнаруженные Херцфельдом.¹

Начиная с ахеменидской эпохи, арамейские алфавиты утвердились прочно в Средней Азии и Иране и бытовали там до арабского завоевания. Одна из разновидностей этих алфавитов, именно согдийский алфавит, вышла далеко за пределы Средней Азии на восток, дав начало через посредство уйгур монгольскому и манчжурскому алфавитам. Нам хорошо известны иранские алфавиты: средне-персидский (неправильно называемый обыкновенно пехлевийским), парфянский, манихейский и согдийский, отныне (с открытия древне-хорезмийской культуры) также и хорезмийский, близкий к согдийскому, насколько можно пока судить по хорезмийским монетам.

Наши хорезмийские глоссы написаны арабским алфавитом, специально приспособленным при помощи особых диакритических знаков — точек к хорезмийской фонетике. Некоторые из этих знаков идентичны с теми, которые употребляются в арабской графике при применении ее к таджикскому и персидскому языку, например: **ب** три точки внизу, **پشکاب** *pickab* 'стена'. Для некоторых других звуков, не имеющих ни в арабском, ни в таджикском и персидском языках, применяется та же система, те же знаки, что и в других иранских (восточно-иранских) языках, в которых представлены те же звуки, например в афганском, где для *c (ts)* употребляется арабский **خ**, но с тремя точками наверху — **خ** (см. пример выше). Эти примеры, общие для разных языков, могут свидетельствовать о выработанной системе, имеющей свою традицию, широко распространенную среди ирано-язычных народов.

¹ См.: E. Herzfeld. *Altpersische Inschriften*. 1938, стр. 12. — F. Altheim. *Weltgeschichte Asiens*, I, 37, 38, 137. — F. Altheim. *Awestische Textgeschichte*, 1949, стр. 8.

Тем не менее наличие большого количества разночтений в рукописях свидетельствует не только о небрежности переписчиков, но также и о колебаниях в употреблении графем, о некоторой неустойчивости в этом отношении самой традиции. Это естественно имеет отношение прежде всего к гласным, для выражения которых имеются в арабском алфавите *matres lectionis*: **ا**, **و** и **ي** и так называемые «харакаты» (т. е. надстрочные и подстрочные знаки для них). Так же как это мы наблюдаем в согдийском, здесь может быть отмечена большая неустойчивость в употреблении *matres lectionis*. Наличие **ا**, **و** или **ي** отнюдь еще не свидетельствует о долготе гласных. И, наоборот, долгие гласные могут быть выражены без *matres lectionis*; так, например, **ذغام** 'хорошая моя дочь' с **ا** (алифом) после **ب** отнюдь не имеет долгого гласного во втором слоге первого слова, как мы это знаем из истории иранских языков, иранских энклитических местоимений. Вторым моментом, затрудняющим определение хорезмийского вокализма по данным текста, является то обстоятельство, что последние, отражая живую речь, передают ее, в меру умения писцов, со всеми комбинаторными изменениями звуков. Таким образом, не всегда легко установить вокализм отдельных слов, но общая картина хорезмийского вокализма может быть выяснена и по данным текстам, конечно, при помощи исторической грамматики со всеми вытекающими из такого положения оговорками. Могут быть установлены следующие гласные фонемы: 5 долгих: \bar{a} , \bar{i} , \bar{u} , \bar{o} , \bar{e} и 3 кратких: *a*, *i*, *u*.¹ Вокализм хорезмийского языка, таким образом, подобен вокализму согдийского, персидского и других иранских (среднеиранских) языков.

Значительно легче, проще выяснить картину хорезмийского консонантизма, так как согласные графемы арабского алфавита, при всей их многозначности, устойчивее надстрочных и подстрочных знаков для гласных. В хорезмийском языке существовали следующие согласные фонемы, неизвестные в арабском, для которых требовалось изобрести новые знаки, видоизменяя их посредством точек. Это — наличные также в таджикском и персидском языках *p* и *č*, которые передаются посредством арабских **ب** и **ج**, но не с одной, а с тремя точками внизу — **ب̣** и **ج̣**; а также свойственные специально восточно-иранским языкам: губно-губное *β* и зубная аффриката *s* (последняя отсутствует лишь в согдийских говорах). Обе эти фонемы передаются в наших хорезмийских материалах соответственно через **ڤ** и **ڤ̣** с тремя точками сверху. Фонологическая функция этих графем как губно-губного спиранта и зубной аффрикаты определяется сравнением их с соответственными афганскими, где они выполняют ту же роль, а также историко-сравнительной фонетикой иранских языков. Фонема *s* в хорезмийском языке соответствует согдийскому *č*, с одной стороны, а с другой, — отражает, так же как в осетинском языке, в ряде

¹ К ним также, повидимому, можно отнести обозначенное в ряде случаев кесрой *e* краткое. (Приписка 1951 г.).

случаев глухой взрывной зубной *t* перед передними гласными *i*, *e*; например: *picakamb* < **patiškamba* 'стена', согдийское *ptšknb* и *aβāc* 'пусть будет', древне-иранское *bavāti*. Последний переход *t* > *c*, сближающий хорезмийский язык с осетинским, является лишним подтверждением происхождения алано-асов из Хорезма. Одной из особенностей всех восточно-иранских языков, начиная с афганского и кончая осетинским, является исчезновение иранского придыхательного *h* после гласного: ср. ав. *xvāhayati* 'бьет', осет. *xuayuy*, согд. *γw'y*. Хорезмийский язык в этом отношении является исключением, сохраняя эту фонему в любом положении: *کاناد دها* 'если я тебя ударю' (*h* в середине слова между гласными), *پراخ هافاخ که کابین* 'пусть будет разведенной та, на которой я женюсь' (точнее 'за которую я заплачу [букв. сделаю] калым') (*h* в начале слова).

Согласные звуки хорезмийского языка могут быть установлены в следующем составе:

Задненёбные: *k, g, x, γ*.

Палатальные аффрикаты: *č, ĵ*; шипящая *š*.

Зубная аффриката *c*; свистящая *s*.

Соответственный звонкий *dz*, наличный в сакском и осетинском языках, не имел особенного графического выражения, но может быть обнаружен.

Зубные: *t, d, θ, δ, n*.

Губно-зубной спирант *v*.

Губные: *b, p, f, β, m*.

Сонанты: *y, r, l*.

Более подробное фонологическое описание исторических корреспонденций в хорезмийском языке будет дано в готовящемся исследовании.

Имя

Развитие флексии имен в хорезмийском языке не представляет никаких неожиданностей. Если осетинский язык, в окружении горских языков, отчасти уже на Кавказе выработал морфемы из своих же собственных языковых материалов (послелогов и т. д.), то хорезмийский язык пошел по тому пути общего обеднения и ослабления флексии, по которому пошли и другие средне- и ново-иранские языки с персидским во главе.

Показателей множественности можно отметить три. Один — *na*, восходящий к древнему родительному падежу множественного числа как результат наличия в средне-иранскую эпоху страдательного оборота в переходных глаголах, засвидетельствованный на известной стадии развития во всех почти иранских языках; другой — *c*, отражающий один из абстрактно-коллективных суффиксов, а именно *t*, отмеченный в этой функции и форме для осетинского и согдийско-ягнобского; и третий, идентичный с согдийским, — *ē*.

Таким образом, первый показатель множественности, восходящий к древне-иранскому родительному падежу множественного числа на *-ānām*,

-īnāt, -īnāt, включает в себе согласный *n* с предшествующим гласным или без него в зависимости от конечного звука основы древне-иранского слова; например: *اَمَّا پَسَنَدَخَ پِي سَدَ دِينَارَنَ* 'довольна ли ты мною за сто динаров', *هَاقَرَنَدَ يَا دَغْدَامَ پِي سَدَ دِينَارَنَ کَلِیْن* 'я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра', *هَزار پَرَاشَنَ* 'тысяча разводов'. Окончанием косвенного падежа ед. ч., восходящего к древнему родительному падежу, является *i* (e?); окончание падежа прямого объекта *-a*, *-u* восходит к *-am*. Имя, определенное препозитивным артиклем, часто сопровождается постпозитивным артиклем. Последний восходит к указательному местоимению, например: *حاجَتِ زَادکاوِي مِي* 'сделай нам необходимым этот сад', *مِنَّا اِکْ اِي قَاغِکْ نِي* 'мы вырастили эту рабыню вместо (своего) ребенка'. Косвенный объект может выражаться показателем *ذار*; например: *کامِبَدَ رَاغِيانَ* 'если такому-то скажешь (сделаешь) это (слово)', *اِي ناناَمَ ذارَ اِکْغِ* 'для работ, которые бывают вне города'.

Как и во всех других иранских языках: древне-иранских, средне- и ново-восточно-иранских, за исключением большинства западно-иранских, где имеется изафетная конструкция, требующая постановки определения после определяемого слова, в хорезмийском языке определение предшествует определяемому слову, например *خوبامَ دَغْد* 'хорошая моя дочь'.

Указательное местоимение мужского рода в хорезмийском языке *اِي* 'этот' и женского рода *يَا* 'эта' с ослабленной семантикой употребляется в функции определенного артикля. Помимо падежных окончаний синтаксические отношения слов выражаются рядом послелогов и предлогов: *پَر*, *فِي*, *بِ* и т. д.

Местоимение

Могут быть отмечены личные, указательные и относительные местоимения, историческое толкование которых не представляет особых затруднений и будет дано в специальном исследовании.

Местоимение 1-го лица: *از* 'я' — прямой падеж; *مِي*, *ما* — косвенный падеж.

Местоимение 2-го лица: *اوتک* 'ты' — прямой падеж, *قا* — прямой объект; *دی* — косвенный падеж; например: *اِي پَرْدِزِکْ نِي دِي پَارْدَن* 'я продал тебе этот баштан'.

Местоимение 3-го лица в косвенном падеже *هی* 'ему, ей; его, ее'. Относительное местоимение *که* 'который'.

Количественные числительные *ایو* 'один', *ذو* 'два', *شی* 'три', *پنچاس* 'пятьдесят', *سد* 'сто', *اُخسَد* 'шестьсот', *هزار* 'тысяча' и др.

Глагол

Могут быть отмечены следующие формы глагола: настоящее время, прошедшее (от основы настоящего времени), будущее время, 2-е будущее, перфект, желательное наклонение, повелительное наклонение.

Окончание 1-го лица настоящего времени *-m*, как в других иранских языках. В прошедшем и желательном *-n*, как в осетинском. В желательном *-n* может отсутствовать. Окончание *-n* отражает *-ni* древне-иранского желательного наклонения; ср. др.-перс. *kitavāni* 'пусть я сделаю', осет. *кæнон* (желат. накл.), *кодтон* (пр. вр.).

Окончание 2-го лица настоящего времени *-i*, как в персидском, в прошедшем и желательном *-ix*, в котором конечное *x* исторически соответствует персидскому *یای حکایت* и *یای شرط*; обе части окончания (*x* и *i*, ср. пер. *hē*) представляют отражение древнего optativ'a от глагола *ah* 'быть'

Окончание 3-го лица настоящего времени и желательного наклонения *-c* восходит к *-t*, например *افاغ < bavāti*; ср. согд. *γсу* 'есть'.

Окончание 1-го лица множественного числа *-mni*, *-mna*. Это окончание восходит, повидимому, к окончанию древне-иранского медиального причастия; подобное образование окончания 1-го л. мн. ч. может быть отмечено и для согдийского языка, например: *čwšw rttu ḡh w'p'r'qzt Zknymn 'ny'wr L' byrt 'st rtyšw nwr byr'ymn*. Перевод в издании:¹ «was für Edelsteine (sind), die so vortrefflichen, die ein andres Mal nicht erlangt worden sind und die wir jetzt erlangt haben» — следует исправить на: 'что это за столь великолепные жемчуга, которые нами в другой (предыдущий) раз не получены, а которые теперь мы получаем'. *byr'ymn* есть 1-е л. мн. ч. с окончанием *-ymn*, образованным по аналогии с медиальным причастием.

Во 2-м л. мн. ч. настоящего времени окончание *-βi*, восходящее к местоимению 2-го л., и в желательном — то же с прибавлением *x*, известного уже из форм единственного числа. В 3-м л. мн. ч. окончания на *-r* с различными огласовками. Эти окончания сближают хорезмийский язык с рядом других языков иранских и неиранских: с авестийским, ягнобским, сакским, латинским. Общий признак желательного наклонения — долгий гласный перед окончанием, как в таджикском и персидском, *باد* 'пусть будет', также отражает древний показатель этого наклонения.

Будущее время образуется, как в согдийском языке, посредством присоединения частицы *کم* к настоящему времени. Перфект, так же как в согдийском, образуется посредством соединения глагола *ذار* 'иметь' с причастием прошедшего времени.

Прошедшее время с частицей *منجا*, восходящей к глаголу *tan* 'оставлять', образует второе будущее.

¹ H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

Примеры: 1. *أَجيومَ قَارِيغٍ مَاءٍ پَرَا دِينَارَ* 'согласна ли ты на это за динар', буквально 'приняла'. *قَارِيغٍ* — 2-е л. пр. вр. с окончанием *-ix*.

2. И она сказала: *قَارِيغٍ* 'я согласна', буквально 'приняла' — 1-е л того же времени с окончанием *-n*.

3. *از فامس باجغازين* 'я также пожелал тебя' — 1-е л. пр. вр. глагола *غاز* с префиксом *pac-*, согд. *pc*; *از* 'я', *فامس*; *βā* 'тебя', *mis* 'также'.

4. И сказал он: *اَقَارِ نَانٍ* 'пусть будет так'. *اَقَارِ* — 3-е л. мн. ч. желат. накл. от глагола *αβα-* 'быть', окончание *-[ā]ri*; *نَانٍ* — указ. мест. в косв. п. в значении наречия.

5. *هافرند يا ذغدام پی سد دینارن کابین* 'я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра'. *hāβrin* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от глагола *haβar* 'давать', соответствует согд. *θβr*, ягноб. *tifar* с удлинением основного гласного, как в согдийском. *ذغدام* 'моя дочь' с определенным артиклем *یا*.

6. *آهی هافرئغ* 'отдал ли ты ее' — 2-е л. пр. вр. того же глагола.

7. *امیه هافرئغ ای زرد فی نکاح* 'имеешь ли ты склонность (букв. 'сердце') к браку со мною', буквально 'дала ли ты сердце'. Та же глагольная форма. *زرد* 'сердце' с определенным артиклем мужского рода.

8. *فی جغتاکو فی دللاوک اهافرئغ* 'отдал ли ты ее в состоянии дозволенности и способности к браку' — та же глагольная форма. *جغتاکو* и *دللاوک* — персидское (*جغت*) и арабское (*حلال*) — слова с суффиксом абстрактности *-āvak*, соответствующим средне-перс. *-ēvaγ* и осет. *-euag*.

9. *حلال می پاروزد* 'стала разрешенной мне' — 3-е л. пр. вр. от глагола *vart* с префиксом и удлинённым гласным *ā*. *می* — косв. п. мест. 1-го л.

10. *کاہ فضولیک نکاح اگا فیثلاث* 'если я женюсь на ней браком фузули, то (она разведена) трижды'. *اگا* — 1-е л. желат.-усл. накл. с отпавшим *n* в конце слова. *کاہ* — союз *ka* и местоимение 3-го л. в косв. п. Три арабских слова: *فضول* с суффиксом *-īk*, образующим прилагательное, *نکاح* и *ثلاث*.

11. *اِفاغِ کَامِ یا نانام وذا اِفاغِ* 'если будет такая-то женой для меня'. *اِفاغِ* —

3-е л. ед. ч. желат.-усл. накл.; *وذا* 'жена', ср. согд. *wδw*.

12. *هفئغ دی پاروزد* 'дан тебе'. *هفئغ* — прич. пр. вр. от *haβar* 'давать' с выпадением *r* перед согласным, как часто в хорезмийском (и в христианско-согдийском), и с переходом *t > c*.

13. *فانچین* 'я привязал' — 1-е л. пр. вр. с удлинением основного гласного *c* из *t*. Глагол *βnd* 'вязать'.

14. *اگر تو به تو نیاز است غواغی خرنان* 'если тебе нужен один развод, я съел, если нужны три развода, я съел'. *ایو* 'один' *شی* 'три', *غواغ* — 3-е л. ед. ч. желат.-усл. накл. *غواغی* — то же во мн. ч. от глагола *غو* 'быть нужным', согд. *γw-* и осет. *γseuun*. *خرنان* — 1-е л. пр. вр. от глагола *خر* 'есть'.

15. *فاجعتی انبغ بوارخیمین* 'я и моя супруга отделились друг от друга'. *بوارخیمین* — 1-е л. мн. ч. пр. вр. с окончанием *-man; vart* 'вращаться', с переходом *t > c* перед *i*. Префикс *pa < ara; vart* — перс. *گردیدن*.

16. *سکند خر خازر غواغ* 'покланись какой хочешь клятвой' (букв. 'покланись, как тебе нужно'). *سکند خر* — перс. *سوگند خور*. *غواغ* — 3-е л. ед. ч. желат. накл.

17. *و ذ دالم و ذ حلال ما افاغ* 'то да не будет мне жена дозволенной'. *و ذ* 'жена', *ما* — отрицание при желат. накл.: *افاغ* — 3-е л. желат. накл. от глаг. *افا* 'быть'.

18. *بیزار قا اگم پا شیک د می چک اگ* 'я освобожу тебя (от махра) за три, сделай мне документ'. *اگم* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. от глаг. *ikk- < kar* — перс. *کنم*; *اگ* — пов. накл. *قا* вин. п. личн. мест. 2-го л., восходит к древне-иранскому *θvām*.

19. *بیزار قا مکن خی حق بی سکند* 'я освободил тебя от (моего) права клятвой'. *مکن* — пр. вр. от глаг. *ikk-*; *-n* — оконч. 1-го л. Подобно согдийскому языку, глаголы с гласным в начале слова принимают *m*, восходящее к *mat*.

20. *د ما اخاصی* 'так отпусти меня'. *اخاصی* — пов. накл., глагол восходит к древне-иранскому *hrz* = персидскому *هشتن*; *ما* — вин. п. личн. мест. 1-го л. в краткой форме; *د* — союз, вводящий независимое предложение, соответствует согдийскому *rty*, по смыслу здесь — перс. *پس*.

21. *دماپر سکند خر* 'покланись надо мною'. *دماپر* винит. п. мест. 1-го л. с послелогом *پر*.

22. *شیک قابر خرامکام و ابا خرخ پاروزد* 'я три развода съем над тобой или съедены'. *خرامکام* — буд. вр., об образовании которого уже сказано было выше; *خرخ* — прич. пр. вр. — форма, этимологически соответствующая персидскому *خورد*.

23. اگر تو نپسندى خويشنى دى پرمك خر 'если ты не поклянешься о моей сопернице, то поклянись обо мне'. خرينى — 2-е л. желат. накл.

24. اگر تو نپسندى زانيه 'если ты не выйдешь замуж' (букв. 'если ты не сделаешь связи'). زيند от *band*; نيكيخكام — буд. вр., 2-е л. от глаг. *ikk*.

25. يا غد كسكام دى زينار هفرا مكام 'как только ты придешь, я дам тебе динар'. اسكام — 2-е л. буд. вр. от глаг. *as* 'приходить'. هفرا مكام — 1-е л. буд. вр. от глаг. *havar* 'давать'.

26. Она сказала ему по-хорезмийски: اقار يم پراغ ابو 'разведена ли я от тебя одним разводом'. Он сказал: اما هزار ياوير 'напротив, тысячу раз', и т. д.

Словарь

Хорезмийский словарь, как можно было убедиться даже на этих примерах, включает в себе довольно большое число слов, заимствованных из таджикского, персидского и арабского языков; имеются заимствования и из тюркского языка (целые фразы). Эти заимствования не внешнего, литературного порядка, а прочно вошедшие в толщу языка, поскольку встречаются образования от этих слов с суффиксами. Такой характер словаря совершенно понятен, если учесть, что мусульманство, внесшее арабские и таджикские словарные элементы, господствовало в стране уже пять столетий. Тюркские языки в Хорезме вытесняли уже местные (население было уже к тому времени двуязычным) и вскоре вытеснили их окончательно. Окончательно ли? Нет ли в словаре местных говоров словарных остатков, элементов среднеазиатских восточно-иранских языков, так как они несомненно имеются в таджикских говорах? Ответ на этот вопрос должна дать диалектология узбекских говоров, изучение которых должно идти рука об руку с историей иранских языков. Изучение хорезмийского языка в нашей стране должно показать, наряду со всеми вначале отмеченными моментами, и пути сложения современных среднеазиатских языков, дать материал для истории народов братских республик СССР.

Настоящая статья имеет целью дать лишь краткое предварительное сообщение о новых важных материалах по истории одного из среднеазиатских языков, на базе которых советские востоковеды обязаны выполнить поставленные выше задачи.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ХОРЕЗМИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Обнаружение арабского сочинения по фикху хорезмийского законоведа XIII в., которое представляет собрание фетв о браке, разводе, клятве и т. д., с фразами на хорезмийском языке, в особенности же находка словаря к этим фразам, переводов на арабский, таджикский и персидский языки — всего около 3000 слов (из них некоторые, правда повторяются)² — дает возможность составить себе довольно отчетливую картину хорезмийского языка того времени, вскоре после этого вымершего окончательно. Само собою разумеется, что эта возможность представляется не на основании лишь одних хорезмийских фраз с их переводом. Историко-грамматическое осмысление хорезмийской грамматики становится возможным лишь благодаря сравнительно-исторической грамматике иранских языков, неперемного учета исторического иранского языкознания как единой науки. Это осмысление нуждается в привлечении не только фактов соседнего с хорезмийским согдийского языка, историческая судьба которого подобна хорезмийскому, но также и отдаленных по времени и месту иранских языков, составляющих единую систему: древне-иранских, осетинского, памирских и др. Настоящая статья, будучи посвящена образованию прошедшего времени в хорезмийском языке, служит иллюстрацией сказанного выше.³

Парадигма прошедшего времени⁴

Единственное число

1-е л.	هافرین	<i>hāvrin</i>	‘я дал’
	قارین	<i>qārin</i>	‘я нашел, получил’
	پاخغازین	<i>pāxgāzin</i>	‘я принял’

¹ Статья напечатана в сборнике «Учен. зап. ЛГУ», № 60, 1940 г. Печатается здесь без изменений.

² См.: Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 79—91, 306—319; также W. Henning, ZDMG, т. 90, стр. *30—*36, где даны предварительные сведения о хорезмийском языке на основании этого памятника.

³ Очень большое значение, разумеется, будет иметь в этом отношении дешифровка древне-хорезмийских документов, обнаруженных в 1948—1949 гг. проф. С. П. Толстовым во время и на месте его раскопок в Хорезме. (Приписка 1950 г.).

⁴ Применяемая здесь система знаков — обычная в иранистической науке и не требует пояснений.

کاخین	<i>kācin</i>	'я бросил, дал'
خارنا	<i>xārinā</i>	'я отступился, ушел'
فانخین	<i>βāncin</i>	'я привязал'
قاخیند	<i>βāxindi</i>	'я подарил тебе'
قاخناق	<i>βāxinaβ</i>	'я подарил тебе'
مکن	<i>mikkin</i>	'я сделал' (тебя?)
مکیند	<i>mikkindi</i>	'я сделал тебе'
مکناه	<i>mikkināh</i>	'я сделал его'
مکینناق	<i>mikkinināc</i>	'я сделал его'
خرین	<i>xurīn</i>	'я съел'
دهناد	<i>dihinādi</i>	'я бил тебя'
مین	<i>miyin^a</i>	'я был'
پاروزین	<i>pārūzin^a</i>	'я стал'
پارذن	<i>pārādin</i>	'я продал'
ماسن	<i>māsīn^a</i>	'я взял'
مخاسین	<i>muxxāsīn</i>	'я отпустил'
مخاسناه	<i>muxxāsīnāhi</i>	'я отпустил ее'
پارین	<i>pārīn</i>	'я оставил'
مسیامینا	<i>muspāmīna</i>	'я вообразил'
ذارینامین	<i>darīnāmīna</i>	'я имела (это?)'
غاقیین	<i>γāβyin^a</i>	'я счел'
انبیرسین	<i>anbīrsin</i>	'я удовлетворился'
قاریخ	<i>βārix</i>	'ты нашла, получила'
پاسندخ	<i>pāsīndix</i>	'ты одобрила'
هاقریخ	<i>hāβrix</i>	'ты дал(а)'
وازیخ	<i>vāzix</i>	'ты вышел'
می	<i>miyi</i>	'ты была'
پیناخ	<i>pēnix^a</i>	'ты удалил(а)'
پارذخ	<i>pārādex</i>	'ты продал'
نیق	<i>nēββa</i>	'ты не был(а)'

	یاواریخ	<i>yāvāriḥ</i>	‘ты узнал(а)’
	مکّیخ	<i>mikkix</i>	‘ты сделал’
3-е л.	هاڤرد	<i>hāḡird^a</i>	‘он дал’
	پاروژد	<i>pārvuzd^a</i>	‘он стал, превратился’
	مخّاست	<i>muxxāst</i>	‘он устал’
	میت	<i>miyitta</i>	‘он был’
	مکد	<i>mikkid</i>	‘он сделал’
	مقید	<i>maḡid</i>	‘он был’
	منغندد	<i>manḡundad</i>	‘он надел, бросил на’
	پاخکند	<i>pāckand</i>	‘он уплатил, удовлетворил’
	منغست	<i>manḡast</i>	‘дошло, поднялось’
	وس	<i>vussa</i>	‘она сказала’
	نپیسید	<i>nībēsid</i>	‘он написал’
	واسید	<i>vāsīd</i>	‘она провозгласила’
	میزید	<i>mēzīd</i>	‘помочилось’
	مرغند	<i>marḡund</i>	‘он обратился к..., позвал’
	پاروژید	<i>pārvuccid</i>	‘он крутил’
	خرد	<i>xurd</i>	‘он выпил’
	رویدید	<i>rūbidid</i>	‘похитил(а)’
	پساوید	<i>pissāvid</i>	‘он молол’

Множественное число

1-е л.	پوارخیمن	<i>pavārcimmani</i>	‘мы отделились’
	واخیامن	<i>vāxxiyāmna</i>	‘мы вырастили’
	نیثامن	<i>nīḡāmna</i>	‘мы сели’
	مکامن	<i>mikkāmna</i>	‘мы сделали’
	خفامنان	<i>xifāmāna</i>	‘мы взяли их’
	پاروزامین	<i>pārvuzāmini</i>	‘мы стали’
3-е л.	مخّیار	<i>māxxiyār</i>	‘они заплакали’
	مکار	<i>mikkār</i>	‘они сделали’

Как можно усмотреть из вышеприведенной парадигмы, простое прошедшее время в хорезмийском языке образуется, подобно соседнему согдийскому языку, от основы настоящего времени, а не от причастия прошедшего времени, как в других средне- и ново-иранских языках.

Историческое развитие спряжения прошедшего времени в хорезмийском языке представляет ряд явлений, известных в отдельности по ряду других иранских языков. Они отражают материальные возможности, унаследованные от древности, изменяясь соответственно новым условиям.

Окончание 1-го л. ед. ч. *-in* представляет отражение древнего optativ'a с его признаком *i* и окончанием *-n* и формально соответствует осетинскому optativ'у; напр. *канин* 'я сделал бы'. Модальная функция optativ'a еще в древнее время, в Авесте, превращалась во временную, выражая сначала возможность совершения действия, итеративность: *paoiryāt gərəzām gərəzāēta ašiš* 'первой жалобой жалуется (жаловалась) Аши' (Yt, 17, 57). Модально > временное значение optativ'a представлено и в согдийском языке: *γwr'ynt* 'они ели' (VJ, 973). В ягнобском языке гласный *i* optativ'a служит, как в хорезмийском, для образования претеритальной формы: *акуним* 'я сделал'. Персидское *yāi hikāyat*, присоединяясь к форме прошедшего времени, образует прошедшее итеративное: *pursīdamī* 'я спрашивал'. *Yāi hikāyat* — *i* отражает optativ существительного глагола и восходит к **haim*, **haih*, **hait*, ср. перс. *hē*.

К этой же форме **haih*, 2-му л. optativ'a, восходит и окончание 2-го л. ед. ч. *-x* в хорезмийском языке, присоединенное к унаследованному окончанию 2-го л. *-i*. Таким образом, этот признак optativ'a отличает в хорезмийском языке окончание 2-го л. ед. ч. пр. вр. от настоящего: в настоящем *-i*, в прошедшем, как указано в парадигме, *-ix*. Исключения составляют глаголы 'быть, бывать' с засвидетельствованными формами 2-го л. без *x*: *miyi* 'ты была' и *neββa* 'ты не был(а)'. *Miyi* восходит к глаголу \sqrt{ah} -, *neββa* — к форме *na abavah*.

Окончание 3-го л. ед. ч. *-d* и (после глухих) *-t* отражает древнее окончание 3-го л. ед. ч. *-t*.

Окончания 1-го л. мн. ч. *-mna*, *-m'ni* (первое — активного залога, второе — медиального?) отражают, повидимому, окончание древнего медиального причастия. В качестве окончания 1-го л. мн. ч. оно известно из сакского языка: *hāmātane*. Это окончание может быть показано и для согдийского языка, хотя и не отмечено в согдийской грамматике Benveniste'a: *βyr'ymt* 'мы получили'.¹ Такого же происхождения окончания 2-го л. мн. ч. *verba deponentia passiva* в латинском яз.: *proficiscimini* 'вы отправляетесь'.

3-е л. мн. ч. оканчивалось на *-ār*. Это — унаследованное от древности окончание, известное также из авестийского и сакского языка (а из не-

¹ Н. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

иранских: из латинского и псевдо-«тохарского»), сохранилось по нынешний день в ягнобском *-ōr*: *akunōr* 'они сделали'.

Из 44 представленных в парадигме глагольных основ прошедшего времени 19 имеют в первом слоге *ā*, 12 — в анлауте *m-* (в том числе одна имеет в то же время *ā* в первом слоге) и 13 не обладают указанными признаками. Очевидно, что оба признака, *ā* в первом слоге и *m-* в анлауте, должны быть определены как признаки образования основы прошедшего времени двух групп, качественно отличающихся друг от друга. Сравнение с согдийским языком позволяет легко заметить, что *ā* основы пр. вр. должно чередоваться с *a* в основе наст. вр. (напр. *yāvar-* || *yavar-*) и что *ā* представляет собою отражение аугмента (первоначально ставившегося между приставкой и глаголом) в глаголах с приставками.¹ Чередование, встречавшееся первоначально лишь в глаголах с приставками (так в согдийском, — в этом случае *ā* может чередоваться и с другим гласным: *hāβr* || *hiβr*), распространилось в хорезмийском и на другие глаголы, имеющие в первом слоге *a*. Согдийские примеры:

θβr- || *θ'βr-* 'давать', *'psp-* || *p'spy-* 'отбрасывать', *pryc-* || *p'ruc-* 'оставлять', *'wyz-* || *w'yz-* 'спускаться', *'wyr-* || *w'yr-* 'откидывать', *'wpt-* || *w'pt-* 'падать', *'wsty-* || *w'sty* 'класть, ставить', *'wzγd-* || *w'zγd-* 'спускаться'.

В хорезмийском же языке это чередование распространилось и на коренные гласные, что легко видеть на ряде приведенных глаголов. Так, *hāβrīn* 'я дал' имеет в наст. вр. основу *hiβr*, соответствует согдийскому *θβr*, др.-ир. **ati-bara*; чередование *ā* || *i* в приставке.

βārīn 'я нашел, получил' — каузатив к *βar* 'нести' (соответственная согд. параллель *βyr*), имеет уже в основе наст. вр. *ā*; чередование отсутствует, точнее *ā* || *ā*.

pācyāzīn 'я принял' — глагол с приставкой *pac-* < *pati* — удлинение в приставке; *pacyāz-* || *pācyāz*; *a* || *ā*.

kācīn 'я бросил, дал' — каузатив к др.-ир. **kaft* 'падать' с выпадением спиранта в группе согласных, как в ряде других ново-иранских языков, и переходом *t* перед *i* в *s*, как в осетинском языке. Случай такой же, как в глаголе *βārīn* — чередование отсутствует *ā* || *ā*.

xāwīnā 'я отступился, ушел' — согд. *γr* 'итти', удлинение коренного гласного, чередование *ā* || *ā*.

βāncīn 'я привязал', согд. *βnt* < др.-ир. **band*; удлинение коренного гласного, чередование *a* || *ā*.

βāxīn 'я подарил' < др.-ир. **baχš* — то же, что в двух предыдущих глаголах.

pārvuzīn 'я стал' — 3-е л. ед. ч. *pārvuzā*^d (употребляется в качестве вспомогательного глагола при образовании нового, вторичного *passiv'a*) — др.-ир. **paravart-*, согд. *prw'st* (VJ, 1107) — в том же значении, с па-

¹ На аугмент в согдийском обратил внимание Н. Reichelt в статье «Beiträge zur soghdischen Grammatik» (в сборнике: «Studia Indo-Iranica», Leipzig, 1931, стр. 248—255). Согдийские примеры приведены из статьи Рейхельта.

дением *r* в группе согласных < *prw'rst*¹ (ср. выше *kācin*); удлинение гласного *a* префикса.

pāradin 'я продал', согд. *pr'dt*; удлинение гласного *a* префикса.

pārīn 'я оставил' < др.-ир. **par*; удлинение коренного гласного *a*.

dārīn 'я имел(а)', согд. *δ'r*, др.-ир. **dār*-. Основа пр. вр. = основе наст. вр. Тот же случай, что в глаголе *βārīn*.

γābyūn 'я счел', согд. *γβ*, др.-ир. **grby*; удлинение коренного гласного.

pāsīndix 'ты одобрил(а)', согд. *pts'ynt* < др.-ир. **patisand*-; удлинение гласного *a* префикса.

vāzix 'ты вышел' < др.-ир. **vaz*; удлинение коренного гласного.

yāvārīx 'ты узнал(а)'; то же лицо в наст. вр. *yāvārī* 'ты знаешь'; удлинение коренного гласного.

pāckand 'уплатил, удовлетворил' < др.-ир. **pati-kan*-; удлинение гласного *a* префикса.

vāsīd 'провозгласила', согд. *w's*, осет. *yacyn* 'кричать'; совпадение долгого гласного в обеих основах.

pārvcīd 'крутил' < др.-ир. **pari-vart*; удлинение гласного *a* префикса.

vāxxyātma 'мы вырастили' < др.-ир. *vaxš*-. Удлинение коренного гласного *a* в хорезмийском для образования основы прошедшего времени или отражение старого удлинения при образовании каузатива < др.-ир. **vāxšay*-. Ввиду наличия *y* в хорезмийском глаголе, более вероятно вторая причина: *vāxxy-* < **vāxšay*-.

Итак, из числа приведенных выше 19 глаголов, образывавших основу прошедшего времени посредством подъема гласного первого слога в *ā* (в том числе 4—5 глаголов, уже имевших в основе наст. вр. *ā*), имеется 7 глаголов с префиксами и 12 без префиксов.

К второй группе относятся глаголы, начинающиеся в пр. вр. с *m*-. Уже одно процентное отношение этих глаголов к другим (11 из 43) показывает, что *m*- является формантом прошедшего времени, присоединявшимся к глаголам с определенным признаком. Из числа представленных здесь 12 глаголов с *m*- в аналауте следует исключить *mēzīd* 'помочилось' — глагол с коренным *m* < др.-ир. **māeza*-.

Общим признаком корней основ настоящего времени остальных одиннадцати глаголов является гласность их аналаута к моменту образования этого форманта. Поэтому необходимым условием выяснения генезиса этого форманта является история, этимология слов, в которых он засвидетельствован. К этим одиннадцати глаголам следует присоединить также и соответственные согдийские глаголы с аналаутом *m*- в пр. вр., удовлетворительное объяснение которых не достигнуто ни в согдийской грамматике, ни в указанной статье Рейхельта.

mīkkīn 'я сделал'. Основа наст. вр. этого глагола в хорезмийском языке *ikk*; 1-е л. *ikkām*, где два *k* < *kr*, *i* — протетический гласный, ср. согд.

¹ E. Benveniste. Essai de Grammaire Sogdienne, 2-me partie. Paris, 1929, стр. 22. — C. Saleman n. Manichaica, V, Petersburg, 1913, стр. 1128.

kr- < *'krt*, ср. ягноб. *ikta* < др.-ир. $\sqrt{kar-}$; анлаут основы наст. вр. — гласный.

miyin^a 'я был'. Основа наст. вр. *iy-*; 1-е л. *iyām*; 2-е л. *iyahi*; 3-е л. *iyat*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

māsin 'я взял', согд. 's- 'брать'; анлаут основы наст. вр. — гласный.

muxxāsīn 'я отпустил'. Основа наст. вр. *uxxāsīy*, пов. накл. *uxxāsīyam* 'отпусти меня' < др.-ир. **us-* *hrz-*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

muspāmīn^a 'я вообразил'. Основа наст. вр. *s^urāmīy*, пов. накл. *s^urāmīya* 'думай' < др.-ир. **us-* *pātī-* *māy-*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

muxxāst 'устал', ср. осет. *xuāyūn*, *xuast* 'бить', ср. перс. *x^aast*, авест. *hwāhayati*. Основа наст. вр. *xwāh*; анлаут — гласный.

maβid 'был'; основа наст. вр. *aβ*, ср. согд. 'β' 'был', где *a*, как показывает хорезмийская форма, не было аугментом, вопреки грамматике Benveniste'a (стр. 45) и статье Рейхельта, а протетическим гласным; анлаут основы наст. вр. — гласный.

manūndad 'надел', 'накинул', ср. согд.-христ. *m^urwnt* 'покрыл', согд. *n^urwnt* 'надел' и т. д. Основа наст. вр. *anūnd*; анлаут — гласный.

manūast 'дошло, поднялось', ср. согд. 'nūz 'подниматься'; пр. вр. 3-е л. ед. ч. — *m^unūz*. (VJ, 91, 105), 3-е л. мн. ч. *m^unūz^unt*; основа наст. вр. — *anūaz*; анлаут — гласный.

marūnd 'обратился к . . . , позвал', ср. осет. *unærizun* 'звучать, стонать, вопить'; основа наст. вр. *arūn-*, осет. *unærz*, ср. согд. *w^un^ur* 'голос', осет. *unær* 'гул'; анлаут — гласный.

maxxiyār 'заплакали'; основа наст. вр. *axxiy*, др.-ир. **grz* с обычным оглушением звонкого, ассимиляцией и выпадением согласного в группе, ср. ново-перс. *girū*; анлаут — гласный.

К приведенным выше одиннадцати *m*-претеритам могут быть присоединены еще следующие согдийские, не засвидетельствованные в хорезмийском.

'ns''ēt 'он соединяет', согд.-христ. *mns'ē^und* — 3-е л. мн. ч. пр. вр.

'nč^u 'переставать', ср. осет. *senčaiyūn* — то же, пр. вр. 3-е л. ед. ч. — *m^unč^u* (VJ, 374, 436).

'nkr^ur 'подниматься'; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *m^unkr^ur* (VJ, 1000).

'npt 'падать'; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *m^unpt*.

'nšt^u 'указывать'; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *m^unšt^u*.

Чередование основ настоящего и прошедшего времен выше приведенных 16 глаголов сводится, таким образом, к чередованию анлаута: гласный || *m* + гласный. Это чередование позволяет вывести следующее правило — закон образования основы прошедшего времени этой группы глаголов: глаголы с гласным анлаутом образуют в согдийском и хорезмийском языках основу прошедшего времени посредством присоединения в начале слова форманта *m*. Природа этого форманта должна была заключаться в его модально-временной значимости. Такой семантикой обладало авест. наречие

mat, др.-инд. *smat* со значением 'всегда, постоянно'. Авест. *mat* и должно было отразиться в хорезмийском и согдийском языках в положении перед гласным как *m-*.

Остальные 13 глаголов нашего списка не изменяют в прошедшем времени основы; соответственные личные формы дифференцируются лишь окончаниями. Эти глаголы не вошли в две первые группы, они: 1) не имеют в первом слоге гласного (или *r sonans*), 2) не начинаются префиксом и 3) не начинаются гласным. Под эту отрицательную характеристику легко подойдут глаголы:

xurīn 'я съел' < др.-ир. **x^har* с гласным *u* в первом слоге и согласным *x* в анлауте.

dihīn 'я бил' — глагол, широко распространенный в современных живых иранских языках, вероятно, восходящий к индо-ир. *√dhā* 'класть, ставить'; в восточно-иранских языках, отражающих древне-иранское начальное *d* междузубным спирантом, наличие этого глагола с начальным *d* может быть объяснено заимствованием; глагол с гласным *i* в первом слоге и согласным анлаутом.

rēnīx^a 'ты удалила' < др.-ир. **ara-nau*; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

nēβva 'ты не был(а)' < *nē + aβ* в одном сочетании; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

vussa '(она) сказала', ср. согд. *γβst* || *γwβ?*; гласный *u* в первом слоге и согласный анлаут.

nībēsīd 'написал' — хорошо известный иранский глагол, представляет, вероятно, заимствование из таджикского языка. Гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

mēzīd 'помочилось' < др.-ир. *maēza*; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

rūbīdīd 'похитил(а)' — вероятное заимствование из таджикского языка; гласный *u* в первом слоге и согласный анлаут.

nīdātma 'мы сели', согд. *nyd*; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

xifātma 'мы взяли' < др.-ир. **gr^hb* < согд. *γrβ* с оглушением первого согласного, ср. *γāβyīn* 'я съел' — тот же глагол с сохранением звонкости *γ* в переносном значении; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

riśśāvīd 'молол'; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

Оставшиеся два глагола: *ravārcimāni* 'мы отделились' и *anbīrsīn* 'я удовлетворился' представляют как бы исключение из общего правила. Первый глагол < др.-ир. **ara- vart-* имеет удлинение гласного *a* не в первом слоге, слоге префикса, а во втором слоге. Основа прошедшего времени второго глагола должна была бы начинаться с *m-*.

Возможно, что написание первого глагола *بوارخیمن* представляет описку вместо *بوارخیمن*, т. е. что удлиненным был первый слог. Второй

глагол этимологически не ясен, и, быть может, представляет позднее заимствование, описку или то и другое вместе. Во всяком случае оба эти глагола не могут изменить силу правила, выведенного на основании учета всех остальных, до сих пор засвидетельствованных и разъясненных хорезмийских глаголов.

Настоящая статья представляет первый в науке опыт анализа одной из грамматических категорий хорезмийского языка, вновь воскресшего языка советской Средней Азии. Концепция ее состоялась на основании учета исторического иранского языкознания как единой науки. Результаты этой концепции должны показать обоснованность данного положения.

СОГДИО-ХОРЕЗМИЙСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ¹

(Опыт сравнительной характеристики)

Согдийский и хорезмийский языки, представители восточной группы иранских языков, засвидетельствованы в основном документами: первый — VIII в. и второй — XIII в.² По своей стадии развития согдийский язык относится, вместе с средне-персидским, парфянским и сакским (хотанским) языками, к языкам так называемого нами иранского языкового средневековья. Эта стадия развития характеризуется в основном разной степенью распада, упрощения древне-иранской морфологии и отчетливо выраженным аналитическим характером глагольных образований, а также, в разной степени, и выражением падежных отношений. Постепенное усиление аналитических тенденций является основным стержнем развития иранских языков. Оно отчетливо обнаруживается в средне-иранских языках, памятники которых отделены от языка памятников древне-иранских языков несколькими столетиями.

Ценность сравнительной характеристики согдийского и хорезмийского языков заключается прежде всего, как и всякой характеристики, в научно-теоретическом ее значении. Она позволяет установить аналогичные, типологически сходные способы выражения сходных языковых знаков, иллюстрируя тесную связь двух сторон единого процесса: мышления, выраженного в языке. Она, помимо этого, проливая свет на историю этих языков, способна показать развитие их языковой ткани. Но историческое сравнение древних языков одной системы имеет, кроме того, еще практическое значение, являясь иногда единственным и во всяком случае основным способом проникновения в структуру этих языков. Оно помогло расшифровать древне-персидские клинописные надписи, хеттские документы. Историческая и сравнительная грамматика иранских языков помогла и помогает дешифровке согдийских и хорезмийских документов. Сравнение согдийского

¹ Статья печатается с незначительными поправками. См.: Сов. востоков., т. IV, 1944, стр. 157—170.

² Древне-хорезмийские документы, открытые в археологических раскопках проф. С. П. Толстова, окажутся после их дешифровки весьма существенным материалом для построения истории хорезмийского языка.

и хорезмийского языков в этом отношении особо ценно, несмотря на скудость документов, в которых последний засвидетельствован, и на то, что документы этих языков отделены друг от друга промежутком в пять столетий. Многовековое непосредственное соседство согдийцев и хорезмийцев не могло не сказаться на особой близости этих языков. Эта близость столь велика, что когда будут прочтены хорезмийские документы, открытые проф. С. П. Толстовым, то можно предположить, что отношение этих языков друг к другу будет определено как отношение не языков, а диалектов. И вообще иранские языки представляют собою тесную группу языков. Отношение древне-персидского к авестийскому языку, по устранении кажущихся отличий, обусловленных письменностью, вскрывается как отношение диалектов. Отношение восточно-иранских языков друг к другу в эпоху раннего языкового средневековья было также отношением диалектов, как свидетельствует об этом Страбон, говоря, что их носители *διούλωτοι παρὰ μικρόν*. Лишь ново-иранские языки являются языками, далеко разошедшимися, и связь их устанавливается только исторически.

Иранская диалектография и диалектология находятся еще только в зачаточном состоянии. Современные живые иранские языки недостаточно изучены и описаны. Лингвистическая география только еще намечается. Языковые документы прошлого не изданы. Новые открытия делают необходимым пересмотр давно установленных взглядов на языки и их отношения. Совершенно естественно поэтому, что установление историко-диалектологических вех в нашей науке может быть сделано только *grosso modo*.¹ Тем не менее от подобного пути отказаться невозможно, так как эта работа вносит некоторую предварительную ориентировку и помогает, в частности, работе по дешифровке документов прошлого, имеющих большое лингвистическое и историческое значение.

Согдийский язык, язык Согда, как было сказано, засвидетельствован в основном документами VIII в. Эти документы, по преимуществу религиозного содержания — буддийского, христианского и манихейского, — были добыты уже в нынешнем столетии археологическими экспедициями СССР и некоторых стран Европы вместе с памятниками других языков, иранских и неиранских, и памятниками искусства в древних очагах культуры Центральной Азии. Сразу было замечено, что эти документы написаны на каком-то иранском языке. Но лишь сравнение некоторых календарных терминов, сохранившихся в манихейско-согдийских текстах, с данными календарной и астрономической терминологии согдийцев и хорезмийцев, сохранившейся у арабоязычного писателя X в. Бируни, хорезмийца по происхождению, позволило прийти к заключению, что язык этих документов — согдийский. Транслитерация этих документов не представляла затруднений, так как они написаны шрифтами северно-семитического происхождения: буддийские (основные документы) — шрифтом, уже известным по уйгурским

¹ В общих чертах.

документам,¹ христианские — также известным сирийским, манихейские — особым манихейским, которым написаны и персидско-парфянские манихейские документы. Наличие этих трех письменностей у согдийцев Центральной Азии вызывалось особыми культовыми и связанными с последними особыми культурными запросами и условиями. В 1933 г. экспедицией АН СССР в Таджикистане на горе Муг, о которой мы уже упоминали выше, на территории древнего Согда были найдены в засвидетельствованной арабскими нарративными источниками (Табари) исторической обстановке остатки архива «Согдийского царя, Самаркандского государя Деваштича», как называет Деваштич себя сам и как его называют его корреспонденты.² Эти документы написаны тем же шрифтом, что и согдийско-буддийские документы Центральной Азии, лишь несколько более курсивным. Они могут быть точно датированы первой четвертью VIII в. Они написаны, очевидно, на обычном для того времени согдийском языке деловых документов согдийских владетелей. Поскольку этот язык идентичен с языком согдийских (буддийских) документов Центральной Азии (за исключением, конечно, стиля), то этим самым окончательно подтверждается правильность высказанного ранее взгляда о языке этих документов как о языке согдийском. Находки на горе Муг вызвали усиление интереса к истории Согда и прилегающих областей. Они стимулировали новые археологические экспедиции и привели к появлению некоторых новых находок, а также исследовательских работ: из которых, в особенности работы в области согдийской нумизматики, в свою очередь, помимо своих специальных исторических установок, также укрепляли за языком всех названных выше документов определение «согдийского».³

Изучение согдийского языка шло параллельно с изданием документов. Уже издана и согдийская грамматика.⁴ Однако, если основная линия исследования намечена и ведется правильно, то, как и следовало ожидать, это изучение не может считаться ни законченным, ни вполне нас удовлетворяющим в частях уже завершенных. Здесь весьма у места поговорка: «*dies diem docet*».⁵ Почти каждый вновь изданный документ вносит новые факты, пополняющие наши сведения. Последние проливают новый свет на старые и заставляют отказаться от прежних, казалось бы, удовлетворительных толкований.

Наши сведения о конкретном хорезмийском языке относятся, как было сказано, к XIII в. и базируются в основном на обнаруженных в 1936 г.

¹ Согдийский алфавит дал начало уйгурскому, последний — монгольскому и далее — манчжурскому.

² Согдийский сборник, Л., 1934.

³ А. А. Фрейман. К имени согдийского ихшида Гурека. Вестник древней истории, 1938, № 3. — О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах. Вестник древней истории, 1939, № 1. — О. И. Смирнова. Новые данные по истории Согда VIII в. Вестник древней истории, 1939, № 4.

⁴ R. Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne, 1-e partie (Phonetique). Paris, 1914—1923. — E. Benveniste. Essai de Grammaire Sogdienne, 2-me partie (Morphologie, syntaxe et glossaire). Paris, 1929.

⁵ День учит день.

хорезмийских фразах, формулах брака, развода, клятвы, иска и т. п. в сочинении, написанном на арабском языке, хорезмийского законоведа XIII в. ал-Газмийи.

К приобретенной, как указано было выше, в 1936 г. Институтом востоковедения АН рукописи этого сочинения была пришта тетрадь, заключающая в себе, между прочим, словарь Джелал ал-Имади к указанному сочинению. В этом словаре хорезмийские фразы переведены частью на арабский, частью на персидский язык: Хорезмийский текст, написанный как и все сочинение арабским алфавитом, огласован. В сочинении свыше 3000 хорезмийских слов, причем некоторые из них повторяются. Все же этот материал, изучаемый сравнительно с другими иранскими языками, прежде всего с согдийским, позволяет составить себе известную картину хорезмийского языка XIII—XIV в.

Подробному анализу этого сочинения и предварительной характеристике хорезмийского языка посвящены две статьи в VII томе «Записок Института востоковедения» (ЗИВ); (в настоящее время в ИВ подготовлено к печати издание этого сочинения с переводом, а также исследование содержащегося в нем хорезмийского языкового материала). Краткие предварительные сведения об этом источнике и языке напечатаны также в журнале ZDMG (Bd. 90, *30—*36).

Перед этим источником отступают на второй план другие, ранее известные. В 1927 г. в журнале «Islamica» (III, стр. 190—213) была напечатана статья об одном, аналогичном нашему, сочинении VIII в. Хорезмийские слова в этом тексте искажены. Однако теперь наши знания позволяют уяснить себе и восстановить искаженные слова. В этой же статье приведено несколько фраз на хорезмийском языке, находящихся в одной рукописи известного арабско-персидского словаря *مقدمة الأدب*. Автор этого словаря Замахшари (XI—XII в.), хорезмиец по происхождению, знал, конечно, хорезмийский язык. Эти фразы представляют, таким образом, образец хорезмийского языка XI—XII в., но они совершенно недостаточны для каких-либо выводов сравнительного характера. Кроме того, как было ранее сказано, хорезмийские календарные и астрономические термины приведены Бируни, отдельные слова — у других писателей.

Хорезмийской археологической экспедицией в числе других ценнейших находок и достижений обнаружены недавно на территории Хорезма монеты.¹ Значительное их количество, несомненно, должно быть признано местными, хорезмийскими. Эти монеты после их издания окажутся весьма ценными языковыми документами независимо от их значения как исторических документов. Шрифт на легендах хорезмийских монет северно-семитического, арамейского происхождения. Он весьма напоминает шрифт уже изданных согдийских монет. В этом нет ничего удивительного, поскольку известно, что все иранские шрифты домусульманской эпохи — одного указан-

¹ С. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма. Вестник древней истории, 1938, № 4.

ного происхождения. Шрифты двух соседних среднеазиатских народов должны быть особенно близкими, если не идентичными. Историческая палеография этой области — задача столь же увлекательная, сколь и актуальная, — с несомненностью покажет тесную связь этих алфавитов, начиная с открытых во время раскопок Чикагского восточного института в Персеполе остатков древне-персидской надписи арамейским алфавитом (V в. до н. э.),¹ вплоть до курсива согдийских документов с горы Муг (VIII в. н. э.) или уйгурских, монгольских и манчжурских документов. Тогда окажется, что дифференциация этих алфавитов шла по общему пути развития, изменяясь больше исторически-вертикально, чем географически-горизонтально — национально. Тогда объяснится, почему шрифт древнейшей согдийской надписи из находок в Тали-барзу (I в.)² или согдийских писем, найденных в Дунь-хуане,³ хотя они согдийские (в особенности первой), ближе к арамейскому шрифту древне-персидской надписи V в. до н. э., чем к шрифту согдийских же документов VIII в.

В вопросах развития письма особую, хорошо известную палеографам роль играет материал, на который нанесены те или другие знаки, и условия, в которых производилась работа. Последнее в полной мере относится и к нумизматике. Отличия в шрифтах легенд домусульманских монет Средней Азии, относящихся приблизительно к одному и тому же времени (VII—VIII вв. н. э., как в данном случае), должны быть приписаны больше создавшимся штампам, технологии литья и т. д. в различных городах Средней Азии, чем коренному различию в шрифтах, которое могло бы быть отражено в документах на коже, бумаге или дереве. Не следует поэтому ожидать, что письменность Хорезма (Курдара, Ургенча) или Бухары (Варахша, Пунджиката), если она будет найдена в документах на коже или бумаге, будет как-нибудь особенно отличаться от письменности Самарканда, Шахрисабза (Каша), Пянджикента (с горы Муг) или Центральной Азии (буддийские документы).

Давно известно, что в языках, обладавших письменностью разной давности или распространенности, устанавливался известный письменный шаблон, так называемая историческая орфография. (Положение, в разной степени присущее современным письменным языкам). Эта историческая орфография, с одной стороны, помогает выяснению исторических процессов, предшествовавших данной, определенной стадии языка; с другой стороны, она же служит серьезным препятствием к установлению реальной структуры языка, в особенности его звуковой стороны, фонетики, если не фонологии. Коррективами здесь служат следующие моменты: 1) непоследовательность орфографии, недостаточная грамотность писца, вносящего в моменты ослабления его внимания «неграмотные», т. е. фонетически верно отобра-

¹ E. Herzfeld. *Altpersische Inschriften*. Berlin, 1938, стр. 12.

² А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. *Вестник древней истории*, 1939, № 3.

³ H. Reichelt. *Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums*, II Teil. *Die nichtbuddhistischen Texte*. Heidelberg, 1931.

жающие его произношение приемы письма; 2) свидетельства иностранцев, воспроизводящих средствами своего языка и письменности живое слово или фразу данного языка; 3) по значению аналогичный предыдущему моменту переход по тем или другим причинам на новый алфавит. Последнее мы в значительном количестве наблюдаем после Великой Октябрьской социалистической революции при переводе языков народов Советского Союза или зарубежных стран, ранее имевших свою графику (главным образом арабскую), на латинскую и ныне на русскую или грузинскую графику.

Этот переход на новую графику, точнее, создание новых письменностей, наблюдался в истории ирано-язычных народов и стран неоднократно. В разные исторические периоды этот переход имел разное (принципиальное) значение. В древности к древне-персидскому языку была приспособлена клинопись, были составлены древне-персидские клинообразные надписи. Наряду с клинописью, как показывает остаток надписи арамейским алфавитом, получил распространение арамейский алфавит. Последний употреблялся, очевидно, в записях более обыденного, менее лапидарного характера, в записях, не предназначенных для увековечения царей, в переписке и т. п.

Это письмо арамейского происхождения мы застаем в средне-персидских надписях, в средне-персидской, так называемой пехлевийской литературе и т. п., в парфянских параллельных переводах сасанидских надписей, в согдийском и манихейском алфавитах, в ныне засвидетельствованном монетами и рукописями хорезмийском. Эти документы подтверждают наши общие данные о распространении арамейских алфавитов в ирано-язычных странах.

После завоевания ирано-язычных стран арабами, включения их в состав Халифата, экономика и вся надстроечная сторона жизни этих стран были вовлечены в культурно-экономический обмен Халифата. Арабский язык, арабская письменность, арабский алфавит получили распространение в ирано-язычных странах, в том числе и в Средней Азии. Среднеазиатские ученые пишут по-арабски. Как на один из моментов, иллюстрирующих внедрение арабской культурной стихии, арабского языка и алфавита в Средней Азии, может быть указано на названный уже остаток архива Деваштича: вся внутренняя переписка Деваштича ведется по-согдийски, согдийским алфавитом, его же письмо к арабскому правителю Хорасана — по-арабски, арабским алфавитом. Письмо было написано лицом, по-арабски вышколенным. Арабский алфавит, соответственно приспособленный путем диакритических знаков, вытесняет алфавиты арамейского происхождения. Арабским алфавитом пишут таджики, персы, курды, афганцы. Известны отдельные записи арабским алфавитом и на других языках (на осетинском). Наши хорезмийские цитаты свидетельствуют о внедрении арабского алфавита в подвергшемся мусульманизации Хорезме. По аналогии можно предполагать, что и в соседнем Согде применялся после мусульманизации арабский алфавит к согдийскому языку, пока он в культурных центрах не был вытеснен таджикским языком.

Внедрение новых алфавитов на смену старым позволяет, как было сказано, лучше наблюдать изменение наших языков, чем это можно бы было сделать, если бы они сохраняли письменность, введенную 2500 лет назад. Наши хорезмийские фразы XIII в., написанные арабским алфавитом, употребляющимся для этой цели, повидимому, недавно, без традиции, которая могла бы получить более или менее широкое распространение, представляют собою, очевидно, безыскусственные записи в противоположность согдийским текстам (согдийско-буддийским, национально-согдийским с горы Муг), где уже имеется установившаяся историческая орфография, кое-где нарушаемая непоследовательностями (ср., например, выражение *š* двумя знаками: исторически *dr* или фонетически через *š*, например в слове *dry*, *šy* 'три'; *kdry*, *qšy* 'теперь', и т. п.). Некоторые непоследовательности в огласовках объясняются, как можно судить, не столько ошибками или колебаниями переписчика XIV в., а затруднениями самого автора XIII в., не имевшего перед собою твердых орфографических норм, затруднениями, которые вставали перед ним на каждом шагу при любом комбинаторном изменении звуков. Но эти колебания не являются слишком серьезным препятствием в установлении основных фонем хорезмийского языка XIII в., основных морфологических категорий. Безыскусственность же записи дает гарантию, что перед нами живой хорезмийский язык XIII—XIV в., вскоре после этого вытесненный окончательно тюркским. Отдельные тюркские слова, в особенности же целые выражения, вставленные в наш скудный текст, говорят о том, что население, говорившее еще в XIII в. по-хорезмийски, было уже двуязычным. Монгольское нашествие, приведшее повсюду к усилению тюркской стихии, было основной причиной этого процесса исчезновения хорезмийского языка как языковой нормы. Исследование словаря узбекских говоров Хорезма поможет выяснить остатки хорезмийского словаря, сохранившиеся в этих говорах.

Аналогия с хорезмийским языком, а также сохранение по сей день одного из согдийских говоров, так называемого ягнобского языка, на котором в настоящее время говорит весьма незначительное число людей (около 1500), заставляет отказаться от ранее существовавшей точки зрения, главным образом на основании «Хронологии» Бируни, о том, что согдийский язык вымер к XI столетию. Согдийский язык территории Согда и близкие к согдийскому говоры прилегающих областей лишь постепенно уступали место таджикским говорам, а те и другие — тюркским. Города, центры культурной, экономической жизни, торговые пути уступали этой волне раньше; но до сих пор сохранился еще в трудно доступной, высокой долине Ягноба согдийский говор. Когда Бируни говорит о некоторых календарных терминах и институтах хорезмийцев и согдийцев, как о чем-то исчезнувшем из быта, забытом, то необходимо принять во внимание ту аудиторию, к которой он адресовал свои сочинения — широкую аудиторию арабо-язычного или во всяком случае объединяемого арабским языком, как языком науки, ученого образованного мира Халифата. Для этой ауди-

тории согдийское и хорезмийское захолустье, двуязычное, сохранявшее свой язык лишь в своей среде, было *quantité négligeable*,¹ оно для него не существовало, его на столбовой дорожке общей мусульманской учености могли не замечать, замечали его лишь отдельные пытливые географы или историки.

Изучение нашего советского собрания согдийских документов с горы Муг сравнительно с терминами, приведенными у Бируни, и нашими хорезмийскими фразами дает лишние основания полагать, что иранские языки Средней Азии того времени представляли в сущности ряд переходных говоров. В 1938 г. в «Вестнике древней истории» (№ 2) был издан один согдийский документ этого собрания, содержащий календарь (названия месяцев, дней месяца, дней недели) и названия лунных станций. Подобные календари представляли для того времени известный материал для составления гороскопов, без которых не могло обходиться ни одно более или менее серьезное предприятие. Оказалось, что названия, приведенные у Бируни, как хорезмийские, представлены в нашем согдийском списке и, наоборот, в нашем списке отсутствуют некоторые названия, имеющиеся в согдийском списке Бируни. Точно так же не идентичны, как выяснилось в связи с этим, календарные термины даже у самих согдийцев в собственной Согдиане (в наших документах с горы Муг) и в центрально-азиатских колониях (в манихейских документах).

При изучении языка согдийских документов необходимо, конечно, учитывать среду и место их составления. Согдийско-буддийские тексты писались, переводились с китайского и других языков буддийской культуры в уединении буддийских монастырей Центральной Азии; согдийско-манихейские тексты составлялись в иранских манихейских общинах Центральной Азии, где языком манихейской церкви был, повидимому, персидский язык, а население говорило по-согдийски; согдийско-христианские тексты (Евангелие и др.) переводились с сирийского. Лишь наши документы с горы Муг и письма из Дунь-Хуана представляют неперевожную литературу, если этот род письменности может быть назван литературой. Эти обстоятельства безусловно должны быть учтены при анализе стиля, синтаксиса, фразеологии и словаря соответственных текстов. Согдийско-христианские тексты (в особенности Евангелие) представляют рабский перевод, почти кальку, с сирийского. Недоразумения в согдийско-буддийских текстах часто объясняются тем же влиянием оригинала, с которого делался перевод, иногда его непониманием. Относительно большое количество персизмов и парфянизмов в согдийско-манихейских религиозных текстах обусловлено указанным уже симбиозом иранцев различных языков в одной общине с преобладанием персидского языка как языка церкви и согдийского как обиходного.

В одной из названных статей в ЗИВ уже было приведено краткое описание фонологической системы хорезмийского языка. Сравнительно с системой согдийского языка, она отличается от последней, особенно

¹ Т. е. не имело значения.

в отношении отражения древне-иранской палатальной аффрикаты *š*. Согдийский язык, насколько можно судить по имеющимся данным, во всех говорах сохранил древне-иранскую палатальную аффрикату, не изменяя ее в зубную *s*. Имея только один ряд переднеязычных аффрикат, он является в этом отношении исключением из восточно-иранских языков (согд. *ptš*'s, хорезм. *ptšās* 'пятьдесят', осет. *фондз* 'пять'). В западной группе восточно-иранских языков отмечается перед передними гласными (*i*) смягчение зубного взрывного (*t*). Это смягчение может быть отмечено уже для VIII в., поскольку оно (спорадически) засвидетельствовано в согдийских документах. И в отношении этого последнего согдийский язык обнаруживает такое же отличие от хорезмийского и осетинского, как и в отношении отражения древне-иранской палатальной *š*, а именно: в согдийском она представлена как *š*, в хорезмийском и осетинском как *s*, например: согд. преф. *pš-*, *γšy* 'есть', ягнобск. *wiši* 'есть', хорезм. преф. *pis-*, *akis* 'делает', *is* 'идет', осет. *канынч* 'делают' (во всех последних примерах — 3-е лицо, ед. или мн. ч. наст. вр., оканчивавшееся в древне-иранских языках на *-ti*, *-nti*). Так же как и в других восточно-иранских языках, в хорезмийском языке палатальная аффриката *š* может быть показана в заимствованных словах, в данном случае из таджикского и тюркского (например *چارطاق* 'навес', *چرم* 'кожа').

Историческое развитие др.-ир. *θ* склонялось к упрощению и к стяжению в один звук — линия развития, наблюдаемая уже в древнюю эпоху в древне-персидском, где этот звук отражался в качестве какого-то близкого к зубному, но точнее не определяемого сибиллянта (напр. др.-пр. **pudʰa* 'сын', др.-перс. *pudʰa*, средн.-перс. *pus*). Это отражение сказалось в хорезмийском так же, как и в согдийском, неодинаково, в зависимости, очевидно, от положения (в анлауте или инлауте, перед разными по качеству гласными, ударными или неударными). Так, *θ* отражено через *š* в таком слове, как *šē* 'три', в том же самом слове в сложении с другим словом: *arcivak* 'треть', где поддержанный протетическим гласным сохранился древний комплекс *θ* с перестановкой, как в осетинском *æртæ* 'три', и смягчением. Третье отражение *θ* — это переход его в *hr*, как в парфянском *hrē* 'три', *hrēton* 'Феридун', напр. *purak* 'сын' (с утерей *h*) — переход общий для северо-западных говоров Ирана, ср. средн.-перс., заимствованное из северо-западных говоров *puhr*. Эти три отражения др.-ир. *θ* налицо и в согдийском (цитированное ранее *qšy* 'теперь' < *kdry*, где *š* < *θ*, *mrtšr* 'сюда', др.-пр. < **imadrasara*, и перс. *فغفور* 'богдыхан', очевидно, как показывает начальный спирант, — заимствование из согдийского *βy + pwr* 'божий сын' или, точнее, из согдийско-парфянского, так как само слово *pwr* не засвидетельствовано в согдийском, в котором 'сын' — *z'tk*). Хорезмийский вместе с согдийским и другими восточно-иранскими языками отразил древний звонкий взрывной соответственным звонким спирантом: др.-ир. *gauša* 'ухо' > согд. *γwš*, осет. *гзос*, др.-пр. *grab* 'брат, понимать' > согд. *γrβ*, хорезм. *γiβya* 'считать' и *xif* (с оглушением) 'брат'.

Вместе с согдийским и большинством других восточно-иранских языков сохранил хорезмийский язык древние зубные спиранты, звонкую *ḍ* и глухую *ṭ*: хорезм. *بَا وَدُ* 'жена', согд. *wḍw id*. Хорезм. *ḍayd* نَعْدُ 'твердый', авест. *ḍaxta-*, перс. سَخْت; в согд. многочисленные примеры: *wḍu* 'там', *ḍḥr* 'давать' и т. д.

Формы, подобные приведенной только что *ḍayd* — прич. пр. вр., со звонким зубным в конце после звонкого спиранта уже обратили на себя внимание в согдийском (*swrt, w'rt*),¹ но не получили объяснения. Подобные причастия известны из гатского диалекта авестийского языка, а также из осетинского и других восточно-иранских языков, напр. осет. *саргд*. Эти формы представляют собою закономерное отражение причастия прошедшего времени в корнях, оканчивавшихся на звонкие спиранты, в индо-иранских языках — по закону Бартоломе, согласно которому звонкие спиранты таких корней теряли придыхание, а зубная конечной морфемы причастия *-ta* превращалась в звонкую аспирату; так, в санскрите, напр., от *budh-* — прич. пр. вр. *buddha-* и т. д. Эти формы уже в древне-иранских языках (персидском, авестийском) претерпевали изменения, выравниваясь по типу причастий с глухим конечным согласным корня, вследствие чего и образовались в персидском формы: *suxta-*, *saaxta-*, *gufta-* вм. *suḍa-*, *saḍa-*, *guḍa-*. Сохранение таких форм в согдийском, хорезмийском и осетинском, наряду с гатским диалектом, в противоположность древне- и ново-персидскому и авестийскому, указывает на диалектальный характер этих чередований *ḍayd* || *saxt*. Формы со звонким взрывным зубным в конце и звонким щелевым перед ним, первоначально причастные, получили в этих языках (согдийском, хорезмийском, осетинском) распространение и на другие категории слов, подобные им в исходе (Auslaut'e), напр. согд. 'βt 'семь', хорезм. افس, осет. *авд*, шугн. *wuud* в противоположность тадж. *хафм* 'семь'.

Огласованность хорезмийских фраз позволяет установить в этом языке, между прочим, склонность к переходу гласного *a* к более передней и верхней артикуляции перед переднеязычными согласными или после них, ср. *fitmick* 'первый', др.-ир. **fratamačaka*, согд. *prtmc̣yk* или *sid* 'сто'. Эта тенденция наблюдается и в других иранских языках, но не в такой степени.

Колебания в начертании слов, заимствованных из арабо-персидского источника, слов, в которых в арабо-персидском засвидетельствован 'айн или велярный *ق* и которые в хорезмийском пишутся то с 'айном, то с алифом, с велярным *ق* или среднеязычным *ك* — эти колебания могут свидетельствовать о том, что: 1) в хорезмийском не существовало фарингальной взрывной фонемы, что и естественно было предполагать; но что, 2) вероятно, в нем не существовало еще и той фонемы, которая ныне выражается знаком *ق* и существует в языках Средней Азии, в том числе в иранских. Такое же положение было и в согдийском языке, письменность которого

¹ *t* выражает здесь (после звонкого) звонкую взрывную.

знала 'айн только в семитических идеограммах (в согдийско-буддийском), или в словах, заимствованных из сирийского (в согдийско-христианском), а велярного **ق** не было вовсе (наличие буквы **ق** в христианских текстах, написанных сирийским шрифтом, обусловлено лишь сирийским письмом и не свидетельствует о наличии фонемы **ق** в языке согдийцев-христиан); так же точно и некоторые другие особенности в орфографии этой письменности недостаточны для выводов об особой специфике христианско-согдийской фонологии. Такое слово, как персидско-таджикское **نقره** 'серебро', считающееся словом арабского происхождения, звучало по-согдийски *nkrt'k* с *k* средне-небным и иранским суффиксом *-'k* в конце, свидетельствующим о том, скажем мимоходом, что данное слово хорошо обосновалось в Средней Азии и заимствование его непосредственно из арабского должно быть поставлено под сомнение.

Представляя собою тип цокающего языка, как осетинский и ряд других восточно-иранских языков, хорезмийский язык, кроме названной уже глухой палатальной *ç*, обладал соответствующей звонкой *j* только в заимствованных из арабо-персидского источника словах, например: **جك** 'документ'.

Хотя соответствующая глухой зубной аффрикате *c* звонкая *dʒ* не выражена особым знаком, наличие ее в хорезмийском может быть показано на основании косвенных данных. Вероятно, фонема эта была неустойчивой (оглушалась или чередовалась, переходила в другие).

Одной из характерных особенностей восточно-иранских языков является исчезновение в них древне-иранского гортанного спиранта (глухого или звонкого) *h*. Современные живые восточно-иранские языки знают *h* в новых, заимствованных главным образом из таджикского словах (в языках, находившихся в орбите таджикского культурно-экономического влияния); появляется *h* также в новообразованиях, в словах, выражающих повышенную эмоцию, в междометиях; в этих случаях трудно сказать, является ли *h* самостоятельной фонемой (ср. осетинское *ъсэй джиди* и *эй джиди!* 'о! увы!'). Согдийское письмо не обладает особым знаком для выражения звука *h* — этого последнего, по видимому, и не было в языке. Если этот знак *h* и встречается иногда в конце слова, то он служит лишь орфографическим знаком. Как полагают, его назначением было указывать на слова женского рода.

В хорезмийском языке имеется известное количество слов с *h*. Анализ этих слов еще не доведен до конца, и в настоящее время затруднительно сказать что-нибудь положительное о роли этой согласной. Поскольку, например, все хорезмийские числительные показывают закономерное, ожидаемое в хорезмийском развитие древне-иранских числительных и не являются заимствованиями из таджикского языка, то наличие числительного هزار 'тысяча' с *h*, единственного числительного, идентичного с персидским هزار, не давало бы, как кажется, основания считать его таковым заимствованием, а давало бы известное основание заключать о сохранении в хорезмийском *h*. Но исчезновение этого же *h* в другом числительном **اڤر** 'семь' (перс. هفت) и в ряде других слов дает основание судить об обратном.

Сравнительное изучение согдо-хорезмийской морфологии оказалось весьма плодотворным. Морфологические категории хорезмийского языка освещались соответственными, уже отмеченными и разъясненными, согдийскими. Хорезмийские — помогли выявить и определить некоторые факты согдийского языка, засвидетельствованные в текстах, но оставшиеся незамеченными, не зарегистрированными в грамматике или неправильно читавшиеся или истолковывавшиеся.

Наши хорезмийские материалы позволили без особого труда отметить в этом языке наличие артикля, уже засвидетельствованного в согдийском, категории, хорошо представленной в этих языках несколькими местоимениями, с различными оттенками ослабленной значимости основной местоименной функции. Обнаружение артикля в хорезмийском языке выяснило особый характер анлаута в хорезмийских словах, начинающихся с *y*, приведенных Бируни. Этот анлаут оказался артиклем *i*, *yā*, абсорбированным словами, начинающимися с гласного. Эта абсорбция вызвала в свою очередь возникновение постпозитивного артикля *ی*. Последний легко может быть показан в согдийских текстах, но до сих пор не отмечен в грамматике.

Склонение имен существительных показывает наличие нескольких падежей (трех или четырех); оно представляет редукцию древне-иранского склонения, развивающуюся по тому же пути, что и в согдийском, с родительным падежом на *i*; винительным на *u* — в коротких основах и, вероятно, без оформления в долгих основах и с местным падежом, формальное отличие которого от родительного не поддается пока более точному определению (не лишним будет отметить при случае, что в осетинском языке родительный и местный падежи ед. числа совпадают и что разъяснение осетинского locativ'a должно идти по тому же пути, что и в хорезмийском и согдийском, а не выводиться из genitiv'a). Потребности уточнения падежных отношений вызвали появление новых аналитических образований с предлогами и послелогами, в большинстве известными по согдийскому и другим восточно-иранским языкам (предлоги *pa*, *fi*, послелоги *sar*, *δāra*). Категория рода точнее определяется артиклем. Слова женского рода (вероятно, определенная группа этих слов) оканчиваются на *a*. Распределение слов по родам в целях выяснения генезиса этой категории в хорезмийском языке в связи с древне-иранскими еще не производилось. Для других иранских языков подобная работа уже осуществлена в советской науке и оказалась плодотворной.¹

После утери показателя категории множественности древне-иранских языков (окончания имен. п. мн. ч.) эта категория могла не обозначаться вовсе, и неоформленные имена могли и могут обозначать множественное число и согласоваться со сказуемым во множественном числе в том случае, если эти слова выражают понятия собирательные. По этому пути шло в иранских языках развитие новых показателей множественности; в этой

¹ Л. А. Хетагуров. Категория рода в иранских языках. Учен. зап. ЛГУ, № 20, Л., 1939.

функции стали выступать различные форманты, образовывавшие собирательные имена, и таким образом возникла единая категория слов со значением коллективности-множественности, с формантами коллективности или без них. Такого происхождения персидско-таджикский формант *ه*, восходящий к древне-иранскому форманту *-dva*. Таков и восточно-иранский показатель *-t*, восходящий к древне-иранскому *-tū*, рядовой показатель множественности в согдо-ягнобском и осетинском (*-ma*) языках. Этот же показатель с указанным раньше смягчением *t* в *s* налицо и в хорезмийском: *ای رعیتخیه* 'его подданные', *ای خواجته* 'его ходжи', *ا فروغ* 'брови'. Причастно-пассивная конструкция переходных глаголов в прошедшем времени, которая была свойственна древне-иранским языкам, возымела глубокое влияние на изменение структуры иранских языков, поставив логическое подлежащее в косвенном падеже. Таким образом, падежом субъекта становился бывший косвенный падеж, в большинстве иранских языков родительный.

Окончание род. п. мн. ч. в древне-иранских гласных основах *-ānām*, *-īnām*, *-ūnām*, несколько редуцированное, дало средне- и ново-иранское окончание мн. ч. *-ān*, *-īn*, *-ūn*. Оно хорошо известно из персидского *-ān*. Изредка встречается в согдийском и ныне засвидетельствовано в хорезмийском *-na*: *pi sid dīnārna* 'за сто динаров', *hazār parasna* 'тысяча разводов', *نايناه* 'его наибы'.

Аналитический строй особенно ярко обнаруживается в хорезмийском глаголе. Несмотря на относительно небольшое количество сохранившихся фраз, благодаря тому, что в них содержатся разнообразные условия, формулы, в последних довольно богато представлены временные и даже модальные категории. Мы не только получаем известную картину хорезмийского глагола, но, как и в других частях речи, лучше уясняем себе и структуру согдийского глагола. Засвидетельствованы следующие временные и модальные образования в хорезмийском языке: настоящее время изъявительного наклонения — эта форма продолжает собою соответственную древнюю; обращает на себя внимание довольно большое количество некаузативных глаголов по классу на *-aya-* (*δāriyat* и т. п.); это заставит внести некоторый корректив, диалектально уточнить демаркационную линию в известной карте распределения основ на *-aya-* и *-a-* в иранских языках, согласно которой класс на *-aya-* представлен в основном западно-иранскими, а класс на *-a-* — восточно-иранскими языками. Одной из глагольных категорий в хорезмийском языке, а именно образованию прошедшего времени, уже была посвящена статья в «Ученых записках ЛГУ» (№ 60, 1940 г.). В этой статье были показаны три типа образования прошедшего времени от основы настоящего. Хорезмийский язык вместе с согдийским (согдо-ягнобским) являются единственными иранскими языками, сохранившими это старое образование (в других языках, как уже было сказано, старое прошедшее время было вытеснено конструкцией с субъектом в косвенном падеже). В них (в хорезмийском и согдийском языках), по указанной

выше причине, меньше отразилась перестройка предложения. В этой статье было показано сохранение аугмента и своеобразное развитие его в определенной группе глаголов, имеющих в первом слоге гласный *a* или *r* *sonans* (они удлиняют этот гласный в прошедшем времени: *расуāz* — || *рāsуāz* — 'принимать'), — развитие параллельное, но не идентичное согдийскому; на последнее уже было обращено внимание ранее Рейхельтом.¹ О живучести аугмента в средне-азиатских иранских языках свидетельствует сохранение его по сей день в ягнобском языке, притом в форме, совершенно идентичной с древне-иранской (*kinām* 'я делаю', *akunim* 'я делал'). В статье было показано и разъяснено образование прошедшего времени во второй группе основ (в основах, начинающихся с гласного). Эти глаголы имеют в прошедшем времени в анлауте согласный *m* (*mikkin* 'я делал' от *ikkām* 'я делаю'). Была показана природа этого форманта, ее происхождение из индо-иранского наречия-частицы (авест. *mat*, санскр. *sma*), имевшей модально-временное аналогичное значение в санскрите: *prativasati sma* 'жил, проживал'. Это дало возможность объяснить и соответствующую группу согдийских глаголов, имевших *m* в прошедшем времени.

В парадигмах глаголов обращает на себя внимание окончание 2-го л. ед. ч. прошедшего времени и желательного наклонения *-ix*, конечный согласный которого *-x* представляет отражение древне-иранского optativ'a от глагола *ah-* 'быть' (соответственная форма **haih* — форма, сохранившаяся в таких сочетаниях, как средне-персидское *hē* (*guft hē*), ново-персидское *gufti* (так наз. *yāi šart*, *yāi hikāyat*). Эта форма с конечным *-x* также может быть показана в согдийском, но она равным образом до сих пор не отмечена. Окончание 1-го л. мн. ч. *-mana*, *-mini* (чередование гласных вызвано здесь, вероятно, модальными оттенками), известное из сакского языка — *hāmāmane*, представляет, вероятно, отражение древнего медиального причастия (ср. соответственное окончание 2-го л. мн. ч. в латинском языке — *proficiscimini*). И это окончание может быть показано в согдийском *βur'umn*,² и оно также не отмечено. 3-е л. мн. ч. обоих времен: — наст. и пр. вр. — оканчивалось на *-ān*. Окончания с *-r*, известные в индо-европейских языках, начиная с хеттского языка, засвидетельствованы в латинском, псевдо-«тохарском», из иранских — в авестийском, сакском и в современном ягнобском. Окончания с элементом *-r* в хеттском языке связываются с так называемым гетероклитическим чередованием в склонении *r* || *n*: в именительном — *-r-* и *-n-* в косвенных падежах.

На этих соображениях, приведших к весьма интересным исследованиям в области индо-европейской грамматики, здесь останавливаться не место. Для нашей цели достаточно здесь указать на наличие этого окончания в иранских языках, начиная с авестийского, и на то, что оно засвидетельствовано в восточно-иранских языках.

¹ H. Reichelt. Beiträge zur soghdischen Grammatik. Studia Indo-Iranica. Leipzig, 1931.

² H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I. Heidelberg, 1928, стр. 32.

Аналитические образования в хорезмийском глаголе весьма богаты, хотя соответственные формы и не могут быть, как естественно ожидать, представлены целыми парадигмами. Они особенно пригодны для выражения различных оттенков модальности и вида. Таков, очевидно, их генезис во всех языках.

Будущее время образуется, как и в согдийском, сложением форм настоящего времени с частицей (неизменяемой формой) — основой глагола *kām* со значением 'желать': *ikkām kām*. Наряду с этим, эта же частица может присоединяться и к желательному наклонению, образуя особое сложное желательное наклонение: *ikkix kām* (2-е л.), оттенок значения которого в данном скудном материале пока не удалось выяснить. Эти формы желательного наклонения, простая и сложная (*ikkix* и *ikkix kām*), засвидетельствованы в наших фразах вследствие того, что значительная их часть представляет различного рода условные предложения, условия реальные и ирреальные.

Сложное желательное наклонение, аналогичное хорезмийским образованиям, имеется и в согдийском (*δβr'y k'm*), но опять-таки не отмечено в грамматике. В согдийском языке имеется даже повелительное наклонение с частицей *k'm* (*'s k'm*), также не отмеченное в грамматике.

Близкое по значению и аналогичное по образованию к формам желательного наклонения представляет образование, состоящее из личной формы прошедшего времени и неизменяемой частицы *منشاخ*, восходящей к причастию прошедшего времени (3-му л. пр. вр.) от глагола *mān* — 'оставлять, оставаться'.

Сложные образования с глаголом *mān* — известны из средне-персидского (манихейско-гурфанского) и таджикского языков, где они, несколько другого типа, чем в хорезмийском (любая личная форма от глагола *mān* + причастие прошедшего времени глагола), выражают законченность начавшегося действия.

Указанная хорезмийская форма выражает, повидимому, так наз. второе будущее, *praeteritum futurum* — прошедшее в будущем, особый вид условного наклонения типа немецкого *er wird gesagt haben*. Эта хорезмийская форма и переводится соответственно по-персидски вторым будущим: хорезм. *فلان را آواز داده باشم*, перс. *یا نانانی زار مرغندنا منشاخ*, 'я позвал бы, я позову'.

Модальное значение (потенциальности) имеют в хорезмийском, как и в согдо-ягнобском и сакском языках, сложные образования, состоящие из причастия прошедшего времени и личных форм от глаголов со значением делать: в хорезмийском *ikk-*, в ягнобском *kun-* (оба < *kar-*), в согд. *wn-*, в сакском *yan-*, например *نیتیکیش* 'не может взять'.

Богатое развитие имели, как показывают остатки в наших фразах, сложные прошедшие времена типа западноевропейских форм с *haben*, *avoir*, а также *sein* и *être* (менее богато представленная категория).

В хорезмийском и согдийском вспомогательным глаголом служил глагол *δ'γ-* 'иметь'. Он образовывал перфект и прежде-прошедшее время, притом как от переходных, так и непереходных глаголов, например *ايرك ذاريد* 'пришла (раньше)'. Засвидетельствовано от этих форм в хорезмийском не только изъявительное, но и желательное наклонение. Последняя форма представлена и в согдийском *'krtw δr'n*; она также в грамматике не отмечена.

Краткий обзор диалектальных отношений в рамках сообщения не позволил остановиться на других моментах, имеющих значение в показе общности структуры обоих языков.

В частности, здесь не рассмотрены местоимения и числительные, не показана и лексика. Более обстоятельный анализ будет сделан в другом месте.

Основное, чего хотелось достигнуть, это показать научно-теоретическое значение сравнительного изучения двух языков. Параллельное изучение обоих языков помогло освоить новый хорезмийский языковой материал и отметить и разъяснить неясное, не разъясненное до сих пор в согдийском.

Ленинград
Июль 1941 г.

Артикль в хорезмийском языке¹

Обогащение иранского языкознания новыми средне-восточно-иранскими материалами на согдийском и сакском языках поставило на очередь и позволило решать ряд новых проблем иранского языкознания. К числу последних относится проблема артикля в иранских языках. Практические задачи дешифровки и анализа согдийских и сакских документов привели к установлению наличия этой категории в названных языках. Назрела уже и новая углубленная постановка вопроса об артикле и в западно-иранских языках и об исторических корнях этой категории в иранских языках в целом.

В отношении артикля в согдийском и сакском языках заслуга постановки этого вопроса принадлежит двум ученым, оказавшим (помимо Р. Готью) наибольшие услуги делу изучения согдийской грамматики, — П. Тедеско, труды которого лежат в основе современных представлений о строе восточно-иранских языков и иранской диалектологии, и Э. Бенвенисту, автору 2-го тома согдийской грамматики² и целого ряда других первоклассных работ по иранскому языкознанию. Вопрос об артикле поставлен П. Тедеско в его работе о склонении в восточно-иранских языках³ и Бенвенистом в его согдийской грамматике, в разделе, посвященном артиклю и указательным местоимениям (стр. 121—131 согдийской грамматики).

Артиклем (определенным) служат в сакском, как показано уже в цитированной работе Тедеско, указательные местоимения *ši*, *ša* (имен. п. ед. ч.) и *tt-* (основа остальных падежей обоих чисел и всех родов). В согдийском языке артиклем служит в основном в имен. п. ед. ч. *γw*, *'γw*, восходящее к авест. *hāu*, др.-перс. *hauw*, и в имен. п. мн. ч. *γ'*; в косвенных падежах обоих чисел — разные формы от др.-ир. основы *ava-*:⁴ *γ' pryštyt* 'ангелы'; *ZKh* (идеограмма, отражающая *γh*) *pr''mnt* 'брахманы' (артикль имен. п. мн. ч.); *'γw 'βč'nrδ'y γwyštr pr'γ'z 'w δrm prβ'yrt* 'господин мира начал

¹ Институт востоковедения Академии Наук СССР предпринял издание арабского документа с хорезмийскими глоссами. Пишущему эти строки поручена работа по исследованию языка этих глосс. Настоящая статья примыкает к этой работе. См. Зап. Инст. востоков. АН СССР, VII, 1939.

² E. Benveniste. Essai de Grammaire sogdienne, 2-me partie (Morphologie, syntaxe et glossaire). Paris, 1929.

³ Paul Tedesco. Ostiranische Nominalflexion. Zeitschrift für Indologie und Iranistik, Bd. 4., H. I, Leipzig, 1926, стр. 94—166.

⁴ Примеры из грамматики Бенвениста, проверенные по соответственным текстам.

излагать закон' (вин. п. ед. ч.); 'w ČWRH¹ βrβwδn βyrt δ'ry 'ты приобрел тело благоухающее' (вин. п. ед. ч.); rtyšy 'rw kršn 'ywywnčyδ 'y č'n'kw ny 'wy rwyr βyу 'и его красота была такого рода, как (красота) бога солнца' ('rw — артикль имен. п., 'wy — род. п.); rtyšy rw kršn m'yδ γ'y č'n'kw ny ZKн βyу 'и его красота была такой, как (красота) бога' (rw — артикль имен. п., ZKн — дат. п.); rty 'rw ZKw γr'ywch 'wy z'yh pyz 'и он бросился на землю' (ZKw — артикль вин. п., 'wy — косв. п.); L' wynnδ' ZKw ppyw 'BY' ZY 'w ppyh m'th — 'не видите милого отца и милой матери (своей)' (ZKw и 'w — артикль вин. п. ед. ч.); 'wy 'yšktyh ... pr'm'y 'приказал женщинам' (здесь 'wy — артикль дат. п.); rty 'rw βr' nm'čywo wysn βγ'n ZY 'wyn 'BY' ZY 'wy m'th prn 'и он воздал почтение во славу богов, отца и матери' (wysn — артикль род. п. мн. ч., 'wyn и 'wy — косв. п. ед. ч.); rty ZK 'wy t'yw'kt L' pr'δt 'и он не продавал детей' ('wy вм. 'w — артикль вин. п.); 'wy knδyh 'в городе' ('wy — артикль косв. п.); 'wyh s'ykn 'во дворце' ('wyh — артикль косв. п.); 'wy rryh 'на горе'; 'wy tmyh 'в аду'; 'wy zm'k 'зимой' ('wy — артикль косв. п.); ZNh mrym'tt 'люди' (ZNh — артикль имен. п. мн. ч.); 'pZY ZNh mz'yuk 'nw'z'k ... n'y'wš'nt 'pZY šw'nt 'чтобы великое собрание... выслушало... и пошло' [ZNh — артикль в имен. п. мн. ч. и сказуемое (по-согд.) во мн. ч. при собирательном подлежащем — 'собрание'].

Реже встречается в согдийском языке артикль, восходящий к другому указательному местоимению: др.-ир. *ayam, iyam*; вин. п. *ītam, imām*: 'my n'β rwyštr 'господин народа' ('my — артикль косв. п.); 'myn rwyštry ZKw nm'ywny wnty 'он причиняет обиду господину' (myn — арт. дат. п., ZKw — арт. вин. п.); myšnw mrym'ty 'ns'rty rurt δβ'rt 'он дает людям охлажденную пищу' (myšnw — артикль в косв. п. мн. ч.); myšnw pwtystβt 't pwt'yšty δβ'r δβ'ry 'дающий дары бодхисатвам и буддам' (myšnw — артикль в косв. п. мн. ч.).

Среди небольшого количества хорезмийских слов, сохранных Бируни в его «Хронологии», засвидетельствовано одно *yāraḫ* ياپاخن² — название восьмого месяца и десятого дня месяца хорезмийского календаря, которое соответствует персидскому *Ābān* и согдийскому 'rwx.³ Наличие в хорезмийском слове начального *y* затрудняло установление исторической связи с его персидским и согдийским эквивалентами — с 'водами', которым этот месяц и день были посвящены в иранском календаре.

Новые хорезмийские материалы позволяют и здесь с полной уверенностью внести необходимое исправление в расстановку точек у Бируни и обосновать сближение хорезмийского слова *yāraḫ* с согдийским 'rwx и персидским *ābān*. Нарращение в хорезмийском согласного *y*, которое здесь

¹ Идеограмма.

² В издании Бируни с неправильной постановкой точек ياپاخن. Dr. C. Edward Sachau. The Chronology of ancient nations. An english version of the arabic text of the Athār-ul-Bākīya of Albiruni. London, 1879, стр. 57.

³ W. B. Henning. Zum soghdischen Kälender. Orientalia, VIII, Fasc. 1/2, Nova series, Roma, 1939, стр. 95.

наблюдается перед словом *ār* 'вода', может быть указано и для других слов в наших новых материалах, например в слове *باسم* 'небо'. Это наращение не вызвано чисто фонетическими причинами, появлением спиратного *y* перед начальным гласным, в данном случае перед *ā*: в наших материалах достаточно слов с любым гласным анлаутом, например *utak* 'ты', *aciva* 'а что' и т. д., в которых подобного наращения нет. Начальное *y* в цитированных словах представляет собою начало слова с ослабленной семантикой, а именно начало бывшего указательного местоимения, превращающегося в определенный артикль (мужского рода — *i* и женского — *yā*), легко сливавшегося в благоприятствующей этому процессу фонетической обстановке со следующим словом, начинающимся с гласного (в особенности с *a*), в одно слово: *yā āraḥ* > *yāraḥ*; *yā āsm* (или *i āsm*) > *yāsm*.

Подобная абсорбция препозитивного артикля, превратившегося в служебное слово, следующим словом, с которым артикль и составляет одно смысловое целое, имеет место и в других языках, ср., например, арабско-перс. *لیوان* из *الايوان* 'портик', исп. *lorpio* из лат. *orium*.

Частые случаи подобной абсорбции препозитивного артикля вызвали в хорезмийском языке появление нового артикля, постпозитивного *نی nī* и *ناو nāv*, представляющего собою так же, как и препозитивный *ای ī* и *یا yā* указательные местоимения с ослабленной семантикой.¹ Наши документы представляют стадию развития хорезмийского языка, в которой слова могут определяться одновременно обоими артиклями: препозитивным и постпозитивным.

Примеры

А. Препозитивный артикль

а) мужского рода ед. и мн. ч. *ای ī* < *ayam*.

ای زرد	<i>i zarḍ</i>	'сердце'
ای معنای	<i>i ma'nāy</i>	'смысл тот'
ای جک	<i>i jik</i>	'документ'
ای فندک دار	<i>i bindik dāra</i>	'богу'
ای مراده	<i>i murādihī</i>	'желаемое ею'
ای پشام	<i>i picami</i>	'мой отец'
ای زادکم	<i>i zādikam</i>	'дитя мое'
ای مرغ	<i>i marc</i>	'человек'
ای خوارزم	<i>i x'ārazm</i>	'Хорезм'

¹ Указание на аналогичный процесс в болгарском языке см.: А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, т. I, Казань, 1918, стр. 208—209.

ای حلال	<i>i halāl</i>	‘дозволенное’
ای رمضان	<i>i ramazān</i>	‘Рамазан’
ای نانام	<i>i nānām</i>	‘такой-то (определенный)’
ای واد دار	<i>i vad dāra</i>	‘ветру’
ای چرمین	<i>i čarmīmna (car- mīmna)</i>	‘наши кожи’
ای سارخرته	<i>i sarxutihi</i>	‘ее голову’
ای ارذن دار	<i>i arđan dāra</i>	‘стороне (?)’
ای نانام دار	<i>i nānām dāra</i>	‘такому-то’
ای فتُمیثک سِرْد	<i>i fitmick sirđ</i>	‘первый год’
ای ملک الموت	<i>i malak almaut</i>	‘ангел смерти’
ای جان	<i>i jān</i>	‘душу’
ای محمد	<i>i muhammad</i>	‘Мухаммед’
این ای همک	<i>nin i hamk kāfirānak</i>	‘это тот самый нече- стивый взгляд’
کافرانک رای	<i>rāy</i>	
ای کتن	<i>i ktan</i>	‘дела’
ای رسولم	<i>i rasulmi</i>	‘(БЫЛ) МОИМ ПОСЛАН- НИКОМ’
ای بیندکم	<i>i βindikmi</i>	‘(БЫЛ) МОИМ БОГОМ’
ای قاص	<i>i qāss</i>	‘рассказчик’
ای نغوش	<i>i niyōsic</i>	‘слушатели’
ای نکنخ	<i>i nikanc</i>	‘колья’
ای سپرخ	<i>i sparc</i>	‘щиты’
ایاسم	<i>yāsm < i asm [?]</i>	‘небо’
ای سغاوخیк	<i>i saγāvcīk [?]</i>	‘прибыль’
??		
ای راغیان شغلان	<i>i rāyiyān šaylān dāra</i>	‘для полевых работ’
ای ذار		
ای خواجیمه	<i>i xʷājčīhi</i>	‘его хаджи’
ای الله	<i>i allāh</i>	‘бог’
ای نایبناه	<i>i nāyibnāhi</i>	‘его наибы’
ای مشرفناه	<i>i mušrīfnāhi</i>	‘его мушрифы’

ای رعیتچییه	<i>i rayīcīcīhi</i>	‘его подданные’
ای خدمتکارچییه	<i>i xidmatkārčīhi</i>	‘его слуги’
ای شافار ¹	<i>i šāfār¹</i>	‘свидетель’
یا پرپو	<i>yaparēv < i aparēv [?]</i>	‘другой’
ای قبالتک	<i>i qabālak</i>	‘квитанцию’
ای زرینی	<i>i zirni</i>	‘золото’ (вин. п.)
ای فایدک	<i>i fāidak</i>	‘прибыль’ (вин. п.)
ای شکود	<i>i škūd</i>	‘расстроенное’
ای وصیتیه	<i>i vasiyathi</i>	‘его завещание’
ای پرذار	<i>i pur dāra</i>	‘сыну’
ای جفت دار	<i>i juft dāra</i>	‘мужу’
ای مهره	<i>i mahra</i>	‘махр’
ای وصی	<i>i vasiy</i>	‘наследник (?)’
ای ذک ذار	<i>i xidak dāra</i> (ср. осет. <i>jaxædæx</i>)	‘себе’

б) женского рода ед. и мн. (?) ч. یا *yā*.

یا نانام	<i>yā nānāma</i>	‘такая-то’
یا دغد	<i>yā duḡd</i>	‘дочь’
یا جفت	<i>yā juft</i>	‘сунруга’
یا وُد	<i>yā vud</i>	‘жена’
یا ت	<i>yātti < yā atti [?]</i>	‘губа (?)’
یا دست	<i>yā dast</i>	‘рука’
یا خوبام دغد	<i>yā xūbam duḡd</i>	‘хорошая моя дочь’
یا غد	<i>yā ḡda</i>	‘срок’
یا ذوان دار	<i>yā duvān dāra</i>	‘обоим (?)’
یا نانامی دار	<i>yā nānāmi dāra</i>	‘такой-то’
یا نانامک	<i>yā nānāmak</i>	‘такую-то’
یا ناناوک	<i>yā nānāvāk</i>	‘такую-то’
یا پوخاه	<i>yā pūcahi</i>	‘его борода’
یا مغک	<i>yā maḡak [?]</i>	‘ямка (затылочная)’

¹ Искаженное شاهد *šāhid?*

يا خِرْخِ عِلْم	<i>yā xirc [xuc?] 'ilma</i>	'кайма, шитая из золота'
يا وارمِينِخ	<i>yā vārmēnc</i>	'дождевик'
يا مادَك	<i>yā mādak</i>	'капитал'
يا سِغَاوْخِيَك	<i>yā</i> (или <i>i</i> по другим рукописям) <i>saḡāv-cik [?]</i>	'прибыль'
يا رَشْتَمِينِخ	<i>yā raštmēnc</i>	'продолговатая (дыня)'
با خربزغون	<i>yā xarbuzyōn</i>	'дыневидная (?)'
يا رَاخْمَان	<i>yā rāxmān</i>	'рахман (сорт дыни)'
يا تَرَازَك	<i>yā tarāzak</i>	'весы'
يا جِفْتَام	<i>yā jiftami</i>	'моя жена'
يا غَرِيو	<i>yā ḡrīva</i>	'себя, свою душу' (ср. согд. ḡr'yw)
يا جِفْتِي بِشَخَاس	<i>yā jiftē picxās</i>	'одежду жены'

Б. Постпозитивный артикль

Слова с постпозитивным артиклем определяются одновременно и препозитивным.

1) Постпозитивный артикль *ni* для обоих родов и чисел восходит к косвенному падежу древне-иранского указательного местоимения *ana* 'тот' и стоит по преимуществу при прямом объекте, представляя как бы его характеристику.

а) мужского рода

ای شغل نی	<i>i šuḡl nī</i>	'это дело' (вин. п.)
ای زر نی	<i>i zirnī nī</i>	'это(?)золото'(вин. п.)
ای نامک نی	<i>i nāmāk nī</i>	'это имя'
ای کالک نی	<i>i kālak nī</i>	'эту вещь' (вин. п.)
ای برذبزک نی	<i>i parḏēzak nī</i>	'этот баштан'
ای قاغک نی	<i>i βāḡāk nī</i>	'этот сад' (вин. п.)
ای سکند نی	<i>i sukand nī</i>	'клятву' (вин. п.)
ای هونزادک نی	<i>i hūnzādak nī</i>	'этого раба' (вин. п.)

б) женского рода

یا هونان نی	<i>yā hūnāna nī</i>	'эту рабыню' (вин. п.)
یا هونان نی	<i>yā hūnāna nī</i>	'эта рабыня'.

2) Постпозитивный артикль *ناو nāv* засвидетельствован при трех словах:

ای توتو ناو	<i>i tūtū nāv</i>	‘эти туты’,
ای شغل ناو	<i>i šuyl nāv</i>	‘эти дела’,
ویاروخ ناو	<i>vyārūc nāv</i>	‘эти тыквы (дыни).

3) Постпозитивный артикль *وان vān* встречен при одном слове:

یا فسناخ ¹ وان	<i>yā fasnāc¹ vān</i>	‘женщина’.
---------------------------	----------------------------------	------------

Из отмеченных последних четырех случаев в одном, *vyārūc nāv* ‘эти тыквы’, представлен постпозитивный артикль без препозитивного. Количество засвидетельствованных случаев с постпозитивными артиклями *nāv* и *vān* слишком незначительно для того, чтобы можно было сделать далеко идущие о них заключения. Можно только отметить, что все три примера с *nāv* представляют слова во множественном числе. Случаи с постпозитивными артиклями *نی nī* и *ناو nāv* при одном и том же слове *شغل šuyl* ‘дело’, с противоположными значениями ед. и мн. ч.:

ای شغل نی	<i>i šuyl nī</i>	‘это дело’
-----------	------------------	------------

и

ای شغل ناو	<i>i šuyl nāv</i>	‘эти дела’,
------------	-------------------	-------------

при наличии двух других случаев:

ای توتو ناو	<i>i tūtū nāv</i>	‘эти туты’
-------------	-------------------	------------

и

ویاروخ ناو	<i>vyārūc nāv</i>	‘эти тыквы (дыни)’
------------	-------------------	--------------------

во мн. ч. могут дать некоторое основание для утверждения, что постпозитивный артикль *ناو nāv* употребляется в языке наших документов при словах во множественном числе, выражая как бы категорию множественности.

Все отмеченные артикли: *i, yā, vān* — могут быть охарактеризованы по степени ослабления их первоначальной роли, как самостоятельных указательных местоимений, до полной утраты этой значимости и превращения их в настоящий артикль. К последним следует отнести изменяющиеся по роду артикли *i* (м. р.) и *yā* (ж. р.). Превращение этих бывших указательных местоимений в настоящие артикли с крайне ослабленной самостоятельной значимостью обнаруживается прежде всего в случаях абсорбции этого артикля (таких, как в названии месяца *yāraḥ* или в слове *yāsm* ‘небо’), абсорбции, первым условием становления которой и является крайнее

¹ *basn* < др.-ир. **hata- radni*- ‘жены одного мужа’.

ослабление самостоятельной значимости. Вторым показателем ослабления их значимости является возникновение вторичных, постпозитивных артиклей: *nī*, *nāv* и *vān*, функция которых заключалась в подкреплении определенности сопровождаемого ими имени существительного после ослабления значимости препозитивного артикля. Место, занимаемое артиклями *nī*, *nāv* и *vān* после слова, к которому они относятся, и сочетания их с препозитивным артиклем (засвидетельствован лишь один случай без препозитивного артикля: приведенное выше *vyārūs nāv* 'эти тыквы, дыни') — все это утверждает роль этих слов как артикля.

نی *nī* в качестве самостоятельного указательного местоимения не встречается. Оно может употребляться в этой функции лишь в сложении с другим местоимением نين *nin* 'этот'.

Может быть указан в наших материалах один случай употребления نāv *nāv* в качестве самостоятельного указательного местоимения, в недостаточно ясном, правда, контексте اخابت نāv *acātti nāv*, что может быть переведено как 'что есть это'.

Этот случай может быть приведен в качестве доказательства употребления نāv *nāv* как самостоятельного местоимения, так как и в качестве артикля примеров для этого слова в наших материалах весьма немного (при словах: *tūtū* 'туты', *šur* 'дела' и *vyārūs* 'тыквы'). На неослабленную значимость *nāv* может указать употребление этого постпозитивного артикля в одном случае без препозитивного: *vyārūs nāv* 'эти тыквы'.

Nāv и *vān* — образцы многочисленной, хорошо представленной и в наших материалах, и в согдийском, и ягнобском языках из группы скифских категории сложных местоименных образований из двух и более основ.¹ Они состоят из основ указательного местоимения: др.-ир. *ana* и *ava*. «Таинственное» согдийское местоимение *γwny* 'этот' отныне должно потерять свою таинственность: оно представляет сложение из *γw* и *ny*, т. е. состоит из трех основ *γw* < *haw*, *na* < *ana* и *γw* < *haw*. Христ.-согдийское *xwny* состоит из *xw* + *ny*; в последнем следует видеть косвенный падеж указательного местоимения, идентичного с хорезмийским نی *nī*. Весьма вероятно, что часто встречающаяся в согдийских текстах частица *ny*, которую принято было считать идеограммой ZY, окажется при проверке во многих случаях в действительности тем же указательным местоимением, что и приведенное выше *ny* из сложения *xwny*. К таким примерам можно отнести два предложения из VJ, цитированное выше: *rtyšy 'γw kršn 'ywnšpšud 'y š'n'kw ny 'wy γwyr βwy* 'и его красота была такого рода, как та (красота) бога солнца'. Функция этого местоимения полностью совпадает с соответственной немецкой или французской: *et sa beauté était pareille à celle du dieu soleil*. Другой пример почти идентичен с первым:

¹ Ср. выше *nānācak* 'такой-то'.

rtu šy rw kršn m'ud r'y č'n'kw ny ZKn βry 'и его красота была такой, как та (красота) бога'—*et sa beauté était comme celle d'un être divin.*

Данные примеры увеличивают число совпадений строя согдийского и хорезмийского языков. На близость структуры обоих среднеазиатских скифских языков и вытекающую отсюда, естественно, пользу сравнительного их изучения, уже нами указывалось ранее, последний раз в статье под заглавием «Согдо-хорезмийские диалектологические отношения».¹

¹ См. Сов. востоков., т. IV, 1944.

**ХОРЕЗМИЙСКИЕ ГЛОССЫ В СОЧИНЕНИИ «ҚЫНЙАТ
АЛ-МУНЙА . . .» ('ПРИОБРЕТЕНИЕ ЖЕЛАННОГО. . .')
ХОРЕЗМИЙСКОГО ЗАКОНОВЕДА XIII В. НАДЖМ АД-ДИН
АБУ-Р-РАДЖА МУХТАР ИБН-МАХМУД АЗ-ЗАХИДИ
АЛ-ГАЗМИНИ¹**

ГЛАВНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Gr. и Gr., II — E. Benveniste, *Essai de Grammaire Sogdienne. Deuxième partie.* Paris, 1929.
вах. — ваханское.
барт. — бартангское (цитаты из работы И. Зарубина «Бартангские и рушанские тексты и словарь», Л., 1937).
сак. — сакское.
руш. — рушанское.
ZfI — *Zeitschrift für Indologie und Iranistik.*
VJ — *Vessantara Jataka*, éd. Gauthiot J. A., 1912.
язг. — язгуемское.
мундж. — мунджанское (цитаты из работы И. Зарубина «К характеристике мунджанского языка». Л., 1927).
шугн. — шугнанское.
SCE — *Le Sutra des Causes et des Effets* éd. R. Gauthiot, P. Pelliot et E. Benveniste. Paris, 1929.
V. — *Vidēvdāt (Vendidad).*
R., I, II — H. Reichelt. *Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I und II Teil.* Heidelberg, 1928—1931.

¹ Настоящая статья, подготовленная к печати в 1940 г., является результатом частичного выполнения поручения, возложенного на автора Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1936 г., когда в Рукописное отделение Института поступила рукопись этого сочинения. Оно представляет собою собрание фетв о браке, разводе, клятве и т. п. К основной рукописи припита тетрадь, заключающая три сочинения Джелал-ал-Ймадй, в том числе перевод указанных глосс на арабский, частью на персидский язык. Предварительным сведениям об этом источнике и хорезмийском языке посвящены две статьи в VII т. Зап. Инст. востоков. АН СССР, 1939 г.: С. Л. Волина, «Новый источник для изучения хорезмийского языка» и А. А. Фреймана «Хорезмийский язык». Издание самого сочинения как источника нашего исследования поручено выполнить С. Л. Волину. Это издание ныне печатается отдельно, так как оказалось более целесообразным отделить издание текста от исследования заключающегося в нем хорезмийского языкового материала, ввиду того, что не для всех читателей, интересующихся хорезмийским языком, может представлять интерес весь текст «Қынйат ал-мунйа. . .» и, наоборот, не все читатели «Қынйат ал-мунйа. . .» с одинаковым интересом отнесутся к лингвистическому анализу хорезмийского материала. На основании подготовленного к печати С. Л. Волиным критического издания этого источника, с его переводом, автором этих строк, помимо указанной выше предварительной статьи о хорезмийском языке, помещенной в VII т. Зап. Инст. востоков. АН СССР, напечатаны статьи: «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке» (Учен. зап. ЛГУ, 60, 1940), а также «Согдо-хорезмийские диалектологические отношения» (Сов. востоков., т. IV, 1947) и «Артикль в хорезмийском языке» (Сов. востоков., т. V, 1948).

I. كتاب النكاح — КНИГА О БРАКЕ

اخيؤ قارىغ ما برا ذينار

asiva βārīx(x)a mā para dīnāra ‘нашла ли ты согласие на это за динар?’
точнее: ‘а что, приняла (взяла) ли ты меня за динар?’ перс. راضى شدى با
من يافتى نو رضا بيك دينار

| *a* — вопр. част., خيؤا civa — вопр. мест.; ср. согд. *šw.* (Gr., 132).
قارىغ βārīx(x)a — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *βar* — ‘получать, принимать, брать’, согд. *βyr-* с закономерным в хорезмийском языке удлинением гласного *a* в основном слоге для образования основы прошедшего времени: *βar* : *βār*. Это закономерное удлинение гласного *a* для образования основы пр. вр. в хорезмийском языке является отражением древнего аугмента, до сих пор сохранившегося в полной мере в ягнобском языке (*t'far-* : *at'far-* ‘давать’) и засвидетельствованного также в согдийском. В последнем он выразился, между прочим, подобно хорезмийскому языку в удлинении гласного *a* (*ββr-* : *ββr-* ‘давать’).¹ *-īx(xa)* в форме *βārīx(xa)* представляет окончание 2-го л. ед. ч. conjunctiv'a и пр. вр.; оно восходит к **hait* (ср. перс. *hē*) — личной форме optativ'a глагола *ah. mā* — вин. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. ‘меня’. برا para — предл. ‘за’. *dīnāra* ‘динар’. Ввиду непоследовательности огласовок наших рукописей, выражающих вин. п. через фатху, дамму или без огласовки над последней буквой, трудно с уверенностью определить окончание вин. п. ед. ч.; повидимому им был редуцированный гласный, восходящий к *-u* < *-am*, ср. согд. *-w* < *-am*.

قارين

βārin(na) ‘я приняла, взяла’.

Окончание 1-го л. ед. ч. пр. вр. *-in*. Наличие конечного согл. *-n* в этом окончании, а также в соответственной форме conjunctiv'a [*ikkā(n)*] ‘(если) я буду делать’, является одной из особенностей, сближающих хорезмийский язык с осетинским, где также 1-е л. ед. ч. пр. вр. и conj. оканчивается на *-n* (кодтон ‘я делал’ и кенон ‘я буду делать’). Гласный *-ī* окончания *-īn* пр. вр. хорезмийских глаголов отражает конец основы большинства хорезмийских глаголов, образовывавших наст. вр. по классу *-aya-*, *-iya-* (*dāriyāt* ‘имею’ и т. д.).

¹ Ср.: Gr., стр. 46, и в особенности статью Рейхельта «Beiträge zur soghdischen Grammatik» (Studia Indo-Iranica — Ehrengabe für Wilhelm Geiger, Leipzig, 1931, стр. 248—249); см. теперь также указанную выше статью автора «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке».

اخيو قاريخ ما فنكاح

asiva ʃarix(xa) mā finikāha ‘согласилась ли ты на брак за столько?’
точнее: ‘приняла ли ты меня в брак?’, перс. راضی شدی بنکاح بجندين.

فنكاح finikāha ‘в брак’. Предлог *fi-*, чередующийся в этом значении с *pi* (ср. согд. *py*, ягноб. *pe*), выражает направление, нахождение в чем-нибудь, орудие, близок по значению к персидскому *be*, с которым он связан исторически. Не ясно, имел ли здесь место переход в начале слова *p* в *f*; как в осетинском (ср. осет. *ʃanda* ‘путь’), что было бы единичным явлением, так как в хорезмийском начальное *p* сохранилось (ср. *پنداک pindāk* ‘путь’), или же здесь можно отметить изменение (графическое?) под влиянием арабского *في فنكاح* (встречается и в написании *نکاح*) ‘брак’ — заимствование из персидско-арабской религиозно-бытовой терминологии.

آز فامس باخغازين

az ʃāmis rāsyāzīn(a) ‘я также пожелал тебя’ точнее: ‘принял’, перс. *من نیز خواستکاری کردم ترا*, ср. согд. *ʃsʹz* ‘принимать, получать’.

آز или *از az* ‘я’ — личн. мест. 1-го л., ср. осет. *æz* и т. д. *فامس ʃāmis* ‘тебя также’. *فا* или *قا*, как дальше в других местах. *ʃā* (или с глухим *fā*) вин. п. личн. мест. 2-го л. ‘тебя’ < др.-ир. *ʃvāt*. *مس mis* ‘также’, ср. согд. *mʹud* ‘так’, барт. *mis*. *باخغازين* с *ب* в м. п., как часто здесь. *rāsyāzīn(a)* — с удлинением гласного *a* для образования прошедшего времени, см. выше.

اما پاسندخ پی سید ذینارن (فی سد ذینار)

amā pāsindixa pi sid dīnārna ‘довольна ли ты мною за сто динаров?’, перс. بسندی مرا بصد دینار؟ مرا قبول کردی بصد دینار؟

اما amā: вопр. част. *a+mā* — вин. п. личн. мест. 1-го л. *pāsindixa* (перс. بسندی) 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a*, см. выше. *سید sid* ‘сто’ ср. согд. *stw*, осет. *sædæ*, перс. *sad*. Гласный *i* < *a* под влиянием предшествующего *s* или же кесра здесь, как и в ряде других случаев, выражает *ě*. *d < t* в положении после сонорного закономерно в хорезмийском. *ذینارن dīnārna*: *-na < -nām* — показатель косв. п. мн. ч. Употребление мн. ч. при числительном (здесь *sid dīnārna, hazār parācna* ‘тысяча разводов’, как далее) отмечается здесь наряду с ед. ч. (*sid dīnār*) в другой рукописи.

اقارِ نانی (نان)

aβāri nān(i) 'пусть будет так'.

aβāri — 3-е л. мн. ч. (медиального залога?) от основы *aβa* 'быть'. Составитель словаря различает, как следует из цитаты ниже, окончания *-āri* и *-āra* (с кесрой и фатхой), а также окончание *-ār*. Последнее является окончанием наст. вр., а первые два — *conjunctiv*'а, притом *-āri*, повидимому, медиального, а *-āra* активного залога. В хорезмийском языке, таким образом, сохранились древние окончания 3-го л. мн. ч. с элементом *r*, представленные среди иранских языков: в авестийском (*ānhāire* 'сидят' 3-е л. мн. ч. медиального перфекта), ягнобском (*akunor* 'они сделали') и сакском (*bvāre* 'они понимают' 3-е л. мн. ч. наст. вр. медиального залога). Форма 3-го л. ед. ч. пр. вр. этого глагола *مقبیل maβīd* 'он был' (см. ниже), характеризующая начальным *m-*, который является признаком пр. вр. лишь в глаголах, основа наст. вр. которых начинается с гласных, с очевидностью свидетельствует, что основа этого глагола в хорезмийском языке, восходящего к др.-ир. **bav-*, начиналась с протетического гласного *a*: *aβa*. Следует поэтому считать, что и в согдийском 'β' 'был' начальный гласный *a* — не аугмент, как сказано в согдийской грамматике (Gr. II, 45) и за ней в цитированной выше работе Рейхельта (стр. 248), а протетический гласный, как в соответственной основе хорезмийского глагола. *nān(i)* — косв. п. указ. мест. 'этот', в адвербиальном значении 'так'.

هاقِرِيندِ يَا ذُعْدَامِ پِي سِدِ دِينَارُنْ كَابِينْ

hāβ(i)rindi yā duydāmi pi sid dīnārna kābīna 'я дал тебе мою дочь за сто динаров махра', перс. *دادم دختر خود را من بصد دینار کابین*.

hāβ(i)rindi 'я дал тебе': *hāβ(i)rin* 'я дал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного основы от глагола *haβar*, сак. *haur*, согд. *ϕβr*, ягноб, *tifar*. *di* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. < *tai*. *یا yā* артикль женского рода, соответственная форма мужского рода *ای ī*. Наличием названного артикля в хорезмийском языке и случаями его абсорбции следующим за ним именем (что значительно облегчалось гласным исходом артикля) может быть объяснено появление таких форм, как *yāsm* 'небо' (из *yā āsm*). Абсорбция артикля (явление хорошо засвидетельствованное в ряде других языков, ср., напр., *الیوان* из *الیوان* 'портик') вызвала впоследствии в свою очередь появление постпозитивного артикля *نی*, о чем речь будет ниже.

ذُعْدَامِ duydāmi 'мою дочь': *duydā* 'дочь' — закономерное соответствие ав. *duyadar-*, *duydar-*. *mi* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. 'меня, мой'. *کَابِينْ kābīn* 'махр, выкуп за невесту, калым'.

هاقِرِيندِ فِي نِكَاحِ

hāβ(i)rindi fi nikāha 'я дал тебе в брак'.

آهی هافرغ

āhi hāβ(i)rīx(a) 'отдал ли ты ее', перс. آهی ؟ ادادی (вар. اهی).

āhi — вопр. част. ā + hi — вин. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. hāβ(i)rīx(a) 'ты отдал' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинненным гласным a основы от haβar, ср. согд. θβr и окончанием īx(a); ср. выше.

هافرین

hāβirīna 'я отдал' (вар. هافرین) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от того же глагола.

شماذ

Значение этого слова не ясно. Объяснение в тексте: «Значение его — согласие на обещанное. Это — согласие (если оно сказано) во время заседания, не после него». 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a от какого-то глагола (?), испр. на شماغ 'вы' (?) или šavād 'пусть будет' (?).

امیه هافرغ ای زرد فی نکاح

amihi hāβ(i)rīx(a) ī zirð fi nikāh 'дала ли ты мне (его) сердце на брак?' (т. е. 'имеешь ли ты склонность к браку со мною?'), перс. دل داری . بین بنگام (вм. ادادی?)

amihī — вопр. част. a + mī — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. 'мне' < mai + hi — вин. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. 'его' < hai. hāβ(i)rīx(a) 'ты дала' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от haβar. ای ī — артикль м. р. zirð < av. zərəd, согд. (с перестановкой) drz. fi nikāh(a) 'на брак'.

لا محال

lāmhāl арабск. 'неизбежно' — адвербиальное выражение.

هآ hā 'да' (?).

فی جفتاوك فی حلالاوك اهافرغ

fi juftāvak fi halālāvak ahāβ(i)rīx(a) 'отдал ли ты в состоянии дозволенности и способности к браку (твою доверительницу)?'.

جفتاوك juftāvak — абстрактное имя от juft (перс.) 'супруг, супруга', с суффиксом абстрактности -āvak. juftāvak 'брачность, способность к браку', ср. средн.-перс. суффикс абстрактности -ēvay (framanēvay 'поручительство'), осет. -у(æ)н (хистарууаг 'свойство, обязанности старшего'). حلالاوك halālāvak 'состояние дозволенности' — абстрактное имя с суффиксом -āvak от арабск. حلال 'дозволенный'. اهافرغ вм. اهافرغ ahāβ(i)rīx(a) 'дал ли ты' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от haβar с вопр. част. a.

حلال مى پاروژد

halāla mī pārvozda 'разрешенной мне стала', перс. حلال شد مرا.

حلال *halāla* 'разрешенная' — с показателем ж. р. *а*. *м* — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л., ср. согд. *my. pārvozda* 'стала' < *par + vart* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* первого слога и обычным для хорезмийского и отчасти для согдийского (в особенности христианско-согдийского) выпадением *r* в группе согласных¹ образует страдательный залог.

حفتخيا کام کّم حلال پروژاخين

c^uiγ^uciyakāma kāmī halāla parvozācīna 'как только станет такая-то дозволенной мне'.

c^uiγ^uciyakāma: *kā* — временной союз с оттенком значения многократности: 'когда, всякий раз когда', перс. هرگاه. *c^uiγ^uciyakāma kā* < *c^uiγ^u(d)-ciyakāma kā*. *ciya* — вопр. мест., ср. *ciya*, ср. согд. *čw*, 'čw, осет. *ц*₁, *ц*₂. *γ^u(d)* — прич. пр. вр. от безличного глагола *γau* 'долженствовать, недоставать', ср. согд. *γw-*, см. Gr., II, 9 (где исправить значение 'désirer' на 'manquer, être necessaire, falloir'), ср. осет. *γæууи*, *γ^u(d)* — в значении имени: 'необходимый срок, время', ср. осет. *γуд*, *æмγуд*. *kāma* 'желание, воля' — в функции обобщительной частицы, ср. лат. *libet*: *ciyakāma* || *quodlibet*. *kā* — союз 'когда, если'; *c^uiγ^uciyakāma kā* 'всякое (любое) время, когда; каждый раз, когда; когда'; *-mī* (с удвоением *m* после гласного) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. 'мне'. *п*₁*р*₁*о*₁*ж*₁*а*₁*х*₁*и*₁*н*₁ — два слова: глагол *parvozās* и мест. *īna*; *parvozās* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a в придаточном предложении времени от ранее засвидетельствованного глагола *parvoz*; колебание огласовки в первом слоге *a* | *u* — под влиянием губного согласного; *ژ* вм. *ز* — не ясно (быть может *ژ* выражает *dz*?). Признак conjunctiv'a — долгое *a*, как в согд., перс. и осет. *кæмон*, *кæнам*, *кæна*. *-c* — оконч. 3-го л. < *ti*, в хорезмийском закономерно, аналогичный переход в согдийском *t(i)* > *č* спорадичен, ср. согд. *γčy*, *βwčy*. *īna* — указ. мест. 'эта, такая-то'.

کاه فزولیک نکاح اگا

kāhhi fuzūlik nikāh ikkā 'если я женюсь (сделаю бракосочетание) на ней браком фузули' (значение не ясно).

kā — союз времени, условия 'если, когда', *hi* (с удвоенным после гласного *hkāhhi*) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. 'ей, ее'. *fuzūlik* — образо-

¹ Ср. согд. *prw'st* в том же значении: Gr., II, 22 и К. Г. Залеман, Изв. Российск. Акад. Наук, 1913, стр. 1128.

ванное суффиксом *-ik* прилагательное от *fuzūl*. اِكَّا *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conjunctiv'a от глагола *ik* 'делать', с протетическим гласным $\langle kar \parallel k^{\circ}r^{\circ}$, ср. согд. 'krt, ягноб. *ikta* 'сделанный'.

كَلِّمَ بِأَنَا مَ وَذَ أَفَاغِ

kāmmi yā nānāma vid aβ(β)ās 'если мне такая-то женой будет'.

نَانَام *nānāma* — мест. ж. р. وَذَ *vid* 'жена, женщина', ср. согд. *wōw*, мундж. *wəla*; افَاغِ *aβ(β)ās* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a от *aβ* 'быть'.

II. كِتَابُ الطَّلَاقِ КНИГА О РАЗВОДЕ

هَفَّغَ دِي پَارُوزَدَ

hiβca dī pārvuzda 'дан тебе'.

hiβca — прич. пр. вр. от *haβar*, *hiβar* 'давать' (согд. *θβr*) с выпадением *r* в группе согласных, ср. выше *pārvuzda*; *-c* в слове *hiβc* $\langle -t$. *دِي* *dī* косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л.

هَفَّغَ هَيْدَ عَفِّي

hiβc(a) hīda γiβya 'думай, что дан', перс. داده گیر.

hīda — не ясно, допускает двойное толкование: 1) *hīda* — энкл. мест. *hi* 'его' + *d(a)* частица, союз, соединяющий два предложения, вводящий главное предложение, ср. согд. *rty*: *hiβca hīda γiβya* (букв.) 'данным его да считай (думай)'; 2) *hīda* (или *hēda*) — указ. мест. = согд. *γud* 'этот'. عَفِّي (с выпадением *r* в группе $\langle *γrβya$ по классу *на-ya*) — пов. накл. = перс. گیر 'возьми, думай', ср. согд. *γrβ-id*.

а) خُرْحِي نَادِ إِسْبَامِي

xurciya nāda ispāmiya

б) خُرْحِي نَادِ عَفِّي

xurciya nāda γiβya

'думай, что поклялся'

Xurciya — вин. п. ж. р. от причастия *xurc* 'съеденный' $\langle x^{\circ}art-$, ср. согд. *γwr*, осет. *xуэрун*. *nāda* — не ясно, допускает различные толкования: 1) указ. мест., состоящее из двух основ: *nā* $\langle ana + da \langle ta$ — 'это'; 2) указ. мест. *nā* + союз *d(a)* $\langle rty$ (см. выше) и 3) прич. пр. вр. 'взятый', ср. ягноб. *nāta*, сак. *nāta-id*. Предложения *xurciya nāda ispāmiya* и *xurciya nāda*

riβya почти идентичны по значению: 'думай (считай), (что) поклялся' [собств. 'съедены' (клятвы) о трех разводах]. Текст говорит: «Человек может знать различие между этими двумя словами только, если он знает по-хорезмийски...» Пов. накл. *riβya* передается персидским گير 'считай', а *ispā-tiyya* — انگار 'воображай'. Эти оттенки значения автор передает словами: «слово غيَ *riβya* употребляется только по отношению к существующему», т. е. *riβya* имеет отношение к более конкретному пониманию, убеждению, чем *ispā-tiyya*; это и выражено персидским переводом گير 'считай' (собств. 'держи') и انگار 'воображай'. *ispā-tiyya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *us-pati-tā(y)* соответствовало бы этимологически персидскому پيمودن.

هزار پراخنَ في بُخكوسادِ فانشينَ

hazār paḡāсна fi bučkōsadi βāncīn (перевод в тексте:) 'я привязал тысячу разводов к краю твоего покрывала'.

هزار *hazār* 'тысяча'. Это слово, как и ряд других, свидетельствует о наличии и сохранении в хорезмийском *h* в противоположность другим восточно-иранским языкам, в том числе соседним: осетинскому и согдийскому; нет оснований считать *hazār* заимствованием из таджикского, тем более, что и другие сохранившиеся и засвидетельствованные здесь числительные — не таджикские, а закономерные для хорезмийского языка отражения древне-иранских числительных. پراخنَ *paḡāсна* — косв. п. мн. ч. от *paḡāс* 'развод', восходящий к род. п. мн. ч. В другом месте приведена другая форма этого слова *paḡād*. Чередование в этом слове *s* и *d* указывает на происхождение здесь *s* из *t*. Вероятная этимология этого слова **apa+rāta* 'отданный' < ав. *rā*, ср. вах. *rāud*, *rāt* 'давать', осет. *paḡd* 'отданный'. فانشينَ *fi bučkōsadi*; بُخكوسَ ср. средн.-перс. *paḡgōs*, армянское заимствование *paḡgos* 'область'. di — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л., *fi bučkōsadi* 'к области твоей'. Предлагаемый перевод: 'я привязал тысячу разводов к твоему краю(?)'. فانشينَ *βāncīn* 'я привязал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. по классу на -(a)ya- от *band* с удлинением основного гласного *a* и переходом зубного в *s* перед *i*, ср. согд. *βnt*.

خفادَ هزار پراخنَ دنا في بُخكوسَ قنشيَ

xafāda hazār paḡāсна danā fi bučkōsa βinciyya (перевод текста:) 'возьми тысячу разводов и привяжи их к нему'.

خفادَ *xafāda* 'возьми' — 2-е л. пов. накл. от *xaf-*, согд. *γrβ* по классу на *a* с выпадением *r* в группе и оглушением согласных. *xaf-* представ-

ляет параллельное образование к *γiβya* от того же корня, др.-ир.* *grab-*, но по другому классу, классу на *a*. Разные основы, повидимому, имеют и различные значения: *xafa* 'брат', *γiβya* 'считать', как это представлено выше в примерах; *da* (в сочетании *xafāda*), вероятно = согд. *rty. 𐭎 nā* — указ. мест. *قَنْحِي* *βinciya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. Огласовка в первом слоге изменилась под влиянием следующего гласного. Первоначальная основа звучала *βanc-*, как следует из формы пр. вр., образованной с удлинением гласного: *βāncin* 'я привязал'. Буквальный перевод фразы: 'возьми (да) тысячу разводов да их к области (стороне) привяжи'. *puskōsa* — вин. п.

اما هازِي شِي

ammā hāziya šē(šī?) [исправить *هازي* на *باري* *bārē(?)*; см. *Islamica* III, 2, 197] 'напротив, конечно, три'.

امّا ammā 'напротив' — арабск. (?) *هازي* исправить на *باري* 'конечно'. (Ср. *Islamica* III, 2, 197). *شِي šē(šī)* 'три' — закономерное, подобно позднесогдийскому (ср. *dry* 'три', **štyk* 'третий'), развитие в хорезмийском *š* из *θr*: *šē(šī) < θray*. Наряду с переходом *θr* в *š*, могут быть отмечены отдельные (основанные на диалектном смешении или различном положении в слоге?) факты перехода *θr* в *rt*, как это имеет место закономерно в осетинском и в отдельных случаях — в согдийском, ср. хор. *ارخېك arcīk* (или *arcyuk?* аналогично перс. *سهبک?*) 'треть' (здесь *c < t* перед *i*), осет. *æртæ* 'три', согд. *mrtš'r* 'сюда' < **imadrasara*, а также в *hr > r*, ср. *purak* 'сын'.

اِي مَعْنَايْ كَا هُو قَيْر

i(ē?) ma'nāy kā hū βīr 'смысл тот, чтобы они получились'.

اِي i(ē) — указ. мест. или артикль м. р. *مَعْنَايْ ma'nāy* — арабск. 'смысл'.

ك kā — союз, вводящий придаточное предложение времени, условия, цели.
هو hū — личн. мест. 3-го л. мн. (?) ч. 'они' (?), ср. согд. **γw* (ед. ч.?) < др.-ир. *ahan*. *قَيْر βīr* — 3-е л. мн. ч. наст. вр. от **β* 'быть' с отпадением протетического гласного после слова (*hū*), оканчивающегося на гласный; *-īr* — окончание 3-го л. мн. ч. наст. вр., см. выше.

امّا اِقْدَاخْ بَاوَر هُو قَارِ

ammā iβdāc yāvar hū βāri (текст указывает определенно на огласовку последнего гласного последнего слова: «с кесрой буквы *r*») 'напротив, чтобы получилось семьдесят раз'.

اِفْدَاغ *iβdāc* ‘семьдесят’ < др.-ир. *haptāti*, ср. осет. *æвдæм*. В хорезмийском *iβdāc* отпало начальное *h*, как закономерно в осетинском. *بَاوَر* *yāvar* ‘раз’, ср. согд. *y’wr*, средн.-перс. *yāvar id. قَارِ βāri* — 3-е л. мн. ч. (*medii?*) (см. выше) *conjunctiv*’а от ’β’ ‘быть, становиться’.

أَوْتَاكَ مَاغَ شِيَاوَر

ūtak māc(i) šiyāvar(a) ‘ты от меня трижды’.

أَوْتَاكَ *ūtak* — личн. мест. 2-го л., образованное с перестановкой (из *tava*) и субстантивированное именным суффиксом *-ak*, который придал ему большую экспрессивность: *ūtak* ‘ты, (именно ты), ты (в противоположность другому лицу)’, фр. *toi*, ср. аналогичное по образованию и значению согд. мест. *t’β’kh*, «*toi, ta personne*» (Gr. II, 111). مَاغ *māc(i)* — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. *ta* + послелог *-ci* ‘от меня’, ср. согд. *mč*, язг. *minjə*, *minja*. شِيَاوَر *šiyāvar(a)-ši* ‘три’ + *yāvar(a)* ‘раз’.

پَرَاغَ

paḡāssa — прич. пр. вр. ж. р. < **apa + rātā* ‘разведенная’, см. выше.

كَتَبِيَامِهِ

kaṣiyāmihī ‘даю (развод)’, (в сноске перевода точнее:) ‘бросаю’.

kaṣiyāmihī — 1-е л. ед. ч. наст. вр. *causativ*’а от *kaft* ‘падать’. *kaṣiyām*, с выпадением щелевого согласного (*f*) в группе, как часто здесь, и переходом *t* в *s* перед *i*; *hī* — косв. п. энкл. мест. 3-го л. ‘его’. *kaṣiyām(i)hī* ‘бросаю его’.

پَرَاغَ هَاقَبِيخَ

paḡāssa hāββix ‘пусть будет тебе развод’ (точнее:) ‘будь (да будешь) разведена’.

paḡāssa — прич. пр. вр. ж. р., см. выше. هَاقَبِيخَ *hāββix* ‘будь’ — 2-е л. ед. ч. *conjunctiv*’а от ’β’ ‘быть’ с окончанием *-ix*, где *x* < **hait*, см. выше. Не ясно начальное *ه* *hā*. Оно должно быть поставлено в связь с *هو* *hū* формы *hūβir*, которое было объяснено выше как указ. мест. и поставлено в связь с согд. *’gw*. Поэтому и *hā* должно было бы быть понято как указ. мест. ж. р.(?). Возможно также было бы видеть в *hāββix* соединение двух основ близкого значения *ah* и ’β’ ‘быть’, обеих в *conjunctiv*’е. Недостаток материала не позволяет пока уточнить этот вопрос.

مُخَّاسِنَافِ

muxxässinaf 'я отпустил тебя'.

muxxässinaf — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *muxxässin(a)* + вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. $f(a)$, $\beta(a) < \text{ḡvāt}$. Глаголы, основа настоящего времени которых начинается с гласного, образуют основу прошедшего времени посредством присоединения в начале согласного *m*-. Подобное образование прошедшего времени было отмечено (без объяснения) К. Г. Залеманом в 1913 г. (Изв. АН, стр. 1144). Залеман определил согд.-христ. форму *m'γwnt* 'одел' как imperfectum definitum в противоположность формам с частицей длительности *-sq* (= согд. буд. *skwn*), которые названы им imperfectum continuum. Определение форм с начальным *m*- как прошедшего определенного, т. е. законченного, едва ли правильно ввиду того, что законченное действие выражают и глаголы в прошедшем времени без приставки *m*-. Залеману не было вполне ясно, что приставка *m*- присоединяется в прошедшем времени лишь в глаголах, основа которых начинается с гласного. Во всяком случае за ним остается заслуга определения *m*- как частицы, образующей прошедшее время. Шагом назад является объяснение этой частицы в согдийской грамматике Бенвениста (Gr. II, 59—60), где формы: *mnč'y-* и *'nčy-*, *mnz-* и *'nuz-* объясняются как параллельные, и в этих глаголах, начинающихся с *'n*, предполагается наличие удвоенной приставки **(h)am-* *an-*. Бенвенист не заметил, что формы с *m*- все в прошедшем времени. В хорезмийском языке достаточно глаголов, не начинающихся с приставки *an-*, основа которых начинается с гласного. Все эти глаголы *مِكِّينِ mikkin* 'я сделал' от *ik-*, *مُخَّاسْتِ muxxüst* 'устал' от *ixxāh < vxāh*, *xvāh-* (ср. осет. *xyaiyn* || *xyast*, средн.-перс. *x^aast*, н.-перс. *خسته*), *مِيْنِ miyin(a)* 'я был' от *-y-*, *مرغزندا marγundin(a)* 'я позвал' от *arγund*, ср. осет. *унæргзун*; *مِيْدَا miyida* 'пошла' от *i-*, *مَقْبِلِ maβid* '(он) был' от *αβa-* (отсюда можно заключить, что и в согд. *'β* 'был', в противоположность высказанному в Gr. II (стр. 45) мнению, начальное 'не аугмент, а протетический гласный (см. выше), *منغزند manγundid* 'надел' от *anγund-*, ср. согд.-христ. *m'γwnt*, *مُخَّيَارِ muxxiyār* 'заплакали' от *'xx'* < *γrz* (с оглушением звонкого *γ* и выпадением согласных в группе и с протетическим гласным), *مَاسِنِ mās(i)n(a)* 'я взял' от *ās-*, *منغست manγast* 'дошло' ('поднялось') от *anγaz*, ср. согд. *'nuz-*, *مسپامينا mispāmin(a)* 'я вообразил' от *us + pa + māy-* и др. имеют в основе настоящего времени в начале гласный, так же как и согдийские глаголы с этим префиксом *m*-: *mnč'y* || *'nčy*, *mnz* || *'nuz*. Префикс *m*-, сохранившийся перед гласными, восходит к др.-ир. частицам *mā* или *mat* < *hmat*, ср. др.-инд. *sta*. Частица *mā* усиливала логическое ударение слова, при котором она стояла, наречие *mat* означало, между прочим, 'всегда'.

постоянно' и могло поэтому употребляться для выражения длительности действия, т. е. вида, модальности, а впоследствии для выражения времени; ср. такой переход функции в перс. частице *mē*; др.-инд. частица *sma* могла употребляться для выражения понятия прошлого, напр. *prativasati sma* 'жил' (глагол в наст. вр. с частицей *sma* в значении пр. вр.). К категории этих частиц и относится наше хорезмийско-согдийское *m-*, восходящее к *mā*, *mat*. Будучи слабо ударным, как и ее древние прототипы, оно могло сохраниться лишь в благоприятных условиях, в данном случае перед гласными. Функция этой частицы-префикса в хорезмийско-согдийском заключалась в подчеркивании претеритального характера глагольной основы. Это было особенно необходимо в данных языках, которые в противоположность другим сохранили древнее образование прошедшего времени от основы настоящего времени.¹ *Muxxāssinaf* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *muxxasin(a)* 'я отпустил' + *f(a)* < *dvām* — вин. п. личн. мест. 2-го л. ед. ч. 'тебя'. *Muxxassin* < *vi + hrz*, ср. согд. *wyšmnty* 'освобождение'. Начальное *vi-* дает в хорезмийском *u-*, ср. *اوسپ* < *vispa* 'весь'.

اونك شياور پراغ

ūtak šiyāvar(a) parāc(ca) (paruc) 'ты трижды разведена'.

شباور ماغ پراغ

šiyāvar(a) māc puruc 'трижды от меня на месте'.

В колебании *parāc(ca)*, *puruc*, возможном при быстрой речи, заключается игра слов, которую приводит текст. Написание этих слов: *parāc(ca)* и *puruc* отличается лишь в надстрочных знаках. *پراغ* «с даммой буквы *پ*», как определенно говорится в тексте, представляет имя существительное *اُغ* *uc* 'место' и предлог *par* 'в, на', перс. *بر*, в котором гласный уподобился гласному следующего слова *uc*. *اُغ* *uc* 'место', где *c < t*, известно нам из согдийского *wtt* мугских документов, *wt'k*. *اونك* *ūtak* — субстантивированное личн. мест. 2-го л. 'ты', ср. согд. *t'β'k* id. *ماغ* *māc* — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом *c*, ср. согд. *mč* id. 'от меня'.

افاغ بات يا جفت شياور پراغ

aḫāc(i)uāt yā juft(a) šiyāvar parāc(ca) 'есть ли от тебя жена тремя разводами'.

¹ См. по этому вопросу: А. А. Фрейман. Образование прошедшего времени в хорезмийском языке Учен. зап. ЛГУ, вып. 60, 1940.

اقاغ *aβāc(i)* 'от тебя'. *a* — вопр. част. *βāc(i)* — косв. п. личн. мест.

2-го л. + послелог *c(i)*. يَات *yāt* 'есть' — 3-е л. ед. ч. наст. вр.; ташдид над *ت* — удвоение конечного согласного вследствие выпадения *s* (?), ср. шугн. *yast*, но ср. согд. *γcy* 'есть'. جُفت *juft(a)* 'супруга' заимствовано из таджикского.

با وڈ شياور پراغ

yā vid šiyāvar(a) paḡāc(sa) 'жена тремя разводами'.

وڈ *vid* 'жена', согд. *wδw*. شى پراد

šī paḡād 'три развода'.

paḡād || *paḡāc* — чередование *d* || *c* обусловлено положением перед следующим гласным: *t > c* — перед передними гласными (напр. перед *i*, *e* — окончанием косв. п. ед. ч.), озвончение *t > d* после сонорных.

„Сказали ему (арабск.): «есть ли у тебя жена». Он сказал (арабск.): «Нет». Сказали ему: اقاغ *aβāc(i)* يَات *yāt(i)* 'есть ли от тебя' и он сказал: يَات; если он показал на свою губу и взял ее рукой, ему следует верить, что он не подразумевал жену, потому что значение (слова) آت по-хорезмийски 'губа'“. Заключенное в выше цитированном отрывке условие основано на сходстве слов يَات 'есть' и آت 'губа'. Согд. *y't* 'тело, мясо', ягноб. *yāt* id. позволяет предположить, что в приведенном слове *atti* 'губа' в действительности скрывается *yātti* 'мясо'. Составитель текста считал начальное *y* артиклем.

اقاغ يِت اى جُفتد

aβāc yitt(i) i (ошибка вм. *yā*, слово женского рода) *juftadi* 'есть ли от (у) тебя жена'.

يِت то же, что выше يَات. اى جُفتد يَات 'жена твоя, жена у тебя'. اى — артикль м. р. вм. با (ошибочно?), *di* — энкл. мест. 2-го л.

اما اُخسد

amma uxssad 'напротив, шестьсот'.

اما *amma* арабск. заим. اُخسد *uxssad* 'шестьсот', ср. согд. *wywsšw* 'шесть', *stw* 'сто'. В хорезмийском обычный переход *š > s*, как в осетинском *uxs < uxš*.

بیر بوش سن

‘ты разведена’ — тюркская цитата в тексте (говорится о тюрках) свидетельствует о распространении тюркоязычного населения и тюркского языка в XIII в. в Хорезме.

شی شی

ši(šē) šī(šē) ‘три три’.

کاندی ابو غواشی خرنَاه کاندی شی غواری خرنان

kāndī ēv γavāci xurnāhī kāndī šī(šē) γuvāri xurnāna ‘если тебе нужен один развод, я съел его (т. е. поклялся, подразумевается «клятву» съел, как в перс. سوگند خوردن); если тебе нужны три, я съел их’.

کاندی *kāndī* ‘если тебе’, *kā(n)* — союз условия, времени. ابو *ēv* ‘один’, ср. средн.-перс. *ēv*, осет. *ey*, *uy*, согд. **yuv* id. غواشی *γavāci* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv’a, др.-пр. **γavāti*, ср. осет. *γæууи* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv’a *γæууа*, согд. *γw-* id. (в Gr., II, 9, неверно «désirer» вм. «falloir, manquer» и «participle» вм. «3 p. s. ind.»). خرنَاه *xurnāhī* ‘я съел его’, *xur(i)n* — 1-е л. ед. ч. пр. вр., *hi* — косв. п. энкл. мест. 3-го л. غواری *γavāri* — 3-е л. мн. ч. conj. خرنان *xurnāna* из *xur(i)nāna* (?), *nāna* — вин. п. мн. ч. указ. мест. ‘их’.

کا وساخی حلال د حلال اود کا وساخی حرام د حرام

ka vasāci helāla dⁱ helāla ūd ka vasāci harāma dⁱ harāma ‘когда скажет: разрешенная, так разрешенная, когда скажет: запрещенная, так запрещенная’.

وساخی — 3-е л. ед. ч. conj., ср. согд. *wys-*. حلال и حرام заимствовано из арабского, конечное *a* — показатель ж. р. اود *ūd* ‘и’ < др.-пр. *utā* > согд. **t*, *dⁱ* || согд. *rtu*.

اوساخی

usāciya ‘помиришь’ — 2-е л. ед. ч. пов. накл. *usāciya* — *vi-sac*. по классу на *-aya-*.

پنداک وا اینغ

pindāk vā inc ‘пути (к) ней нет’.

pindak ‘путь’, ср. осет. *фæндаг*, *vā* — вин. п. направления (?). < *avāt* — указ. мест., ср. *βā*. اینغ *inc* ‘нет’ < *na + yaⁱ*.

كس مبه نيهقرارِ بياری دوا بنداك انخ

kas mīhi nehīḡrāri biyāri dī vā pindāk inc ‘если мне ее не дадут в эту ночь, так нет пути к ней’.

ka(s), *ka(n)*—союзы условия, времени ‘если, когда’; к истории частицы *-s* ср. барт. *mis*, *das* ‘так’, где *mi-* и *da-* местоименные основы. *مبه* *māhi* ‘мне, ее’, *mī*—косв. п. энкл. мест. 1-го л., *hi*—энкл. мест. 3-го л. *نی* *nē*, *nī*—отрицание при личной форме глагола. *هقرارِ* *hiḡrāri*—3-е л. мн. ч. conj. от *haḡar* ‘давать’, согд. *ḡḡr*. *بیاری* *biyāri* ‘вечер’, ср. ягноб. *wiyor*, *dī* || согд. *rtu*.

فامادُ وا پنداكِ يِتّ خيمو فانان انخ

fā mād vā pindāk yittī cīva fā nān(a) inc ‘к матери путь есть, а что (почему?) к ней нет’.

فا *fā* (с последующим дальше послелогом)—предлог направления. *مادُ* *mād* < *mātā* ‘мать’. *وا*, *vā*—послелог направления(?). *يِتّ*, ср. *ياث* ‘есть’, *نان* *nān(a)*—указ. мест. *خيمو* *cīva* ‘что? почему?’.

نازْدِي [؟نازود ... و؟] شی پُرادیك

вм. nāz vudē šī (šē) purādīk (согласно переводу в тексте: ‘я женщина разведенная тремя разводами’).

ناز *nāz* ‘я’ ср. *از*, *āz* id. Возникновение согласного *n* перед *az* вызвано междусловной фонетикой (*sandhi*) от сочетаний, в которых предшествовавшее *az* слово оканчивалось на *n*; к таковым сочетаниям должны относиться, напр., 1-е л. ед. ч. пр. вр. любого глагола + *az*, ср. засвидетельствованное в наших цитатах сочетание *از مگن* *mikkīn az* = *mikkīn naz* ‘я сделал’. Часто повторявшееся подобное сочетание и вызвало появление формы *naz*. *نازْدِي* в переводе ‘я женщина’, очевидно, следует исправить, вставив после *ز* — *و* — *ناز ودی* *nāz vudē*. *شی پُرادیك* *šī (šē) purādīk* — оформленное суффиксом прилагательного *-īk* сложное слово *šī(šē) purādīk* ‘три развода’, *šī(šē) purādīk* ‘с тремя разводами, разведенная тремя разводами’.

وَابَا پُنخاسُ پُرادیك وَا اُخخِيسُ پُرادیك

vābā pincās purādīk vābā uxhīc purādīk ‘или разведенная пятьюдесятью или шестьюдесятью’.

وَابَا *vābā* 'или' < др.-пр. *vā*, осет. *yæ*⁺? др.-ир., осет. *ба*?. *pinčās purādīk*, *uxxičpurādīk* — образования, аналогичные *šīpurādīk*. پِنچَاسُ *pinčās* 'пятьдесят' < *pañčasat*. اَئْبِخْ *uxxič* 'шестьдесят', ср. اُخْسَدُ *uxxsad* 'шестьсот', согд. *wywsšw* 'шесть', ав. *xšvaštay*- 'шестьдесят'.

وَابَا پِنچَاسُ يَاور

vābā pinčās yāvar 'или пятьюдесятью разами'.

اَمَّا هَزَارٌ يَاورِيرٌ

ammā hazār yāvēr 'напротив, тысяча раз'.

hazār 'тысяча', ср. согд. *z'r*, сак. *ysar*, осет. *æpзæ* (в эпосе) *id* < **hazhra*.

هَزَارٌ يَاورٌ كَيَاهِ حَرَامٌ

hazār yāvar kiyāhi haḡāma 'тысяча раз, что ты запрещенная'.

kī — союз причины, относительное местоимение يَاهِ *yāhi* — 2-е л. ед. ч. 'еси', ср. يَا تِ 3-е л. ед. ч.

اُئْبِدِ يَوْثُ (вар. وَثُ ВМ. يَوْثُ) يَتِّ شُبُهَتِّ

ačidi⁺vuθ (глухой θ в м. общ. звонкого δ, يَوْثُ в м. يَا وَثُ или وَذُ) *yitti šubhutti* 'а что у тебя жена (есть) в сомнении?' (*šubhutti* косв. п.?).

a — вопр. част. *ci* — вопр. мест. *šubhutti* — арабское заимствование.

فَا جَفْتِي اَنْبِخْ بُوَارْخِيْمِيْن

fā jiftē (гласный после *j* изменен под влиянием *j*, конечное *ي* в слове *جَفْتِي* выражает косвенный падеж?) *anbic ruvārgsčimmani* 'с супругой мы отделились (друг от друга)'

اَنْبِخْ — فَا *fā* — *anbic* — предлог и послелог — соединение, значение

которого определяется главным образом послелогом; *anbic* выражает совместность 'с'. Огласовка *i* в слове *anbic* по связи с глаголом *band*, спрягающимся по классу на *-aya-*, с именами *bind*, *bindak*. *anbic*, ср. согд. *'nβ'nt*.

بُوَارْخِيْمِيْن *ruvārgsčimmani* < *aravart* — 'отворачиваться', *ruvārgsčimmani* — 1-е л. мн. ч. пр. вр. медиального залога с удлинением гласного *a* для

образования пр. вр. Окончание 1-го л. мн. ч. *-manī* восходит к др.-ир. медиальному причастию *tana* и засвидетельствовано в функции окончания 1-го л. мн. ч. conj. в сакском языке *hātātane* 'да станем' и может быть засвидетельствовано в согдийском языке (не отмечено до сих пор), например *βur'umn* 'мы получаем'.¹ Таким образом, это окончание засвидетельствовано для всех средневосточно-иранских языков для 1-го л. мн. ч. Это же окончание *-mini* служит в латинском языке для образования 2-го л. мн. ч. *medii: laudamini* (в последнем *i* является, конечно, окончанием мн. ч. причастия).

چَانِقَادَ

čārβāda 'бейте в ладоши' (?), ср. тадж. *чон*, согд. *β'δ*.

مانبا کیمیه حلال اگتیکام دوا انغوسامکام

manbā kimībi halāla ikkiββīkām d^uvā anγōssām kām, перс. *اگر مرا ویرا*
حلال کنند شوم 'если мне ее сделаете дозволенной, то послушаю' (т. е. 'соглашусь'). (Следует исправить перс. *کنند* на *کنید*).

مانبا *manbā* — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом 'мне'. *ک* *ki* — союз времени, условия 'если, когда'. اگتیکام *ikkiββīkām* — 2-е л. мн. ч. буд. вр. 'вы сделаете'. Будущее время в хорезмийском языке образуется, так же как и в согдийском, присоединением к спрягаемой форме настоящего времени неизменяемой частицы *kām*; *ikkiββī* — 2-е л. мн. ч. наст. вр. Окончание *-βī* восходит к основе косв. п. мн. ч. личн. мест. 2-го л., ср. *βana* 'вам, вас', ср. мундж. *tof yāsaf* 'вы берете'. دوا *d^uvā* 'то, это (?)' *dⁿ < rty, vā* — указ. мест. انغوسامکام *anγōssām kām* — 1-е л. ед. ч. буд. вр. с окончанием *-ām*, как в согдийском 'послушаю' ('соглашусь'), ср. осет. *ннзгосун* 'прислушаться'.

أوفانی کیمی حلال میت

ufāniya kimī halāla miytt^a 'в то время, когда (она) была дозволенной для меня'.

أوفانی *ufāniya*, ср. осет. *афон* 'время', *أو* — указ. мест. *<ava. میت*
miytt^a 'была' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с префиксом *m-*, ср. 3-е л. ед. ч. наст. вр. *بیت, بات*.

¹ H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

نَاوِ خِکَامِ يَدِّ

nāv cikām(a) yiddi, перс. اینها بسیار اند 'их много есть (суть)'.
 نَاوِ *nāv* — указ. мест., состоит из двух основ < *ana* + < *ava*. Сложные местоимения засвидетельствованы в данном хорезмийском документе в достаточном количестве, ср. نانام и др., ср. соответственные образования в согд. яз. خِکَامِ *cikām(a)* 'много', собств. 'сколько угодно': *ci* 'что', *kām(a)* 'желание' — неопр. мест., ср. лат. *quodlibet*. يَدِّ *yiddi* 'суть' — 3-е л. мн. ч. наст. вр. с выпадением *n*, ср. сак. *indä*.

پَارِ پَارِغِ نِثَامِنَ

pār pārci nīṭātna, перс. از یکدیگر جدا شدیم 'друг от друга отделились' (собств. 'отдельно' [-*pār pārci*-, перс. پاره پاره 'сели'). *nīṭātna*, ср. согд. نُود 'садиться'? *pār pārci* — мн. ч. с показ. *c(i)*? *nīṭātna* 'сели' — 1-е л. мн. ч. пр. вр. акт. зал. с окончанием *-tna*. Окончание *-tni* медиального залога?, ср. сак. *-tane* (?).

خَاكِ وَيَاكِ

cāk vyāk 'полным домом', перс. یک خانه پر طلاقها т. е. 'один дом, полный разводов'.

خَاكِ *cāk* 'полный', ср. перс. چاک (?). وِیَاكِ *vyāk* 'дом' собств. 'место', ср. согд. وی'к 'место', средн.-перс. وی'к, н.-перс. جا *id*.

خَاكِ سُكْرُنُكِ پَرَاخِنَ

cāka sukurnuk pirācna 'полной миской разводов'.

خَاكِ *cāka* — прил. ж. р.?. سُكْرُنُكِ *sukurnuk* 'миска', ср. перс. سُكْرُو *id*. پَرَاخِنَ *pirācna* 'разводов' — род. п. мн. ч. с оконч. *-na* < *-nāt*. О категории числа говорит текст в этом месте: «... слово множественного числа по-хорезмийски — я подразумеваю پَرَاخِنَ — падает на два, и нет у него (хорезмийского языка) двойственного числа».

أَوْتَاكَ شِيَاوَرِ

ūtak šiyāvra 'ты тремя разами', см. выше.

أَيِ حَلَالِ مَآبِرِ أَيِ حَرَامِ

ī halāli (halāla?) mābir ī harāma, перс. حلال بر من حرام 'дозволенное — для меня запрещенное'.

ای \ddot{a} — опред. артикль м. р., ср. осет.-диг. и (напр. и ләг 'мужчина').
 مَابِر $mābir$ (или $māpar$) — вин. (направ.) п. лич. мест. 1-го л. с послелогом,
 ср. согд. - pr .

سُكَنْدُ خُرَّ خَانْدِ سَكَنْدِ غَوَاغْ

sūkand xura cāndi sukandi $\gamma^u vāc$. 'клятву ешь (клянись), сколько
 клятвы нужно'.

سُكَنْد $sūkand$, перс. سوگند $id.$ خُرَّ $xura$ — 2-е л. ед. ч. повел. накл.,
 перс. خور. خَانْدِ $cāndi$ 'сколько', ср. согд. $\dot{c}ntn$. غَوَاغْ $\gamma u vāc$ 'нужно будет' —
 3-е л. ед. ч. соңј. от γau , ср. осет. $zæuun$, согд. γw

خَوَاهَاوِغْ مَبِسَ الْكَ دَا نَازِ حَدِيثِ الْكَآ

xuvāhāvc(i) mīmas ikka da naz hadīs ikkā 'позволь мне, чтобы я рас-
 сказала'.

$xuvāhāvc$... $ikkā$ 'позволь' — сложный глагол, состоящий из абстрактного имени $xuvāhāvc$ и 2-го л. ед. ч. повел. накл. от глагола ik 'делать' < kar ; согд. $'kr$. В слове $xuvāhāvc$ $-(ā)vc$ — суффикс, образующий абстрактные имена, ср. аналогичный (с перестановкой) суффикс в парфянском языке $-ft$ < $-dva$. Основа наст. вр. $xuvāh-$ заимствована из зап.-ир. 'желать' (?) или k < $vīhrz-$ 'пускать' (?), ср. $mīxāsīn$ 'я пустыя' — не ясно. مَبِسَ $mīmas$ 'мне', точнее: 'мне' — $mī + mas$ 'так', ср. барт. $mīs$ — основа указ. мест. < ima + суф. s , ср. здесь часто kas 'когда', cas 'что, сколько': $دا d^a$ || согд. rtv . نَاز naz 'я' — личн. мест. 1-го л., см. выше. حَدِيثِ $hadīs$ 'рассказ' — заимств. из арабск. الْكَآ $ikkā$ — 1-е л. ед. ч. соңј. $ikkān$ $id.$

مَكَّنَازِ دَخَانْدِ الْكَ دَنَا الْكَ

mikkinaz dⁱ candi ikki dⁱ nā ikka 'я позволил (собств. 'я сделал', подразумевается 'разрешение' $xuvāhāvc$), 'сколько (что) расскажешь' (собств. 'сделаешь', подразумевается 'рассказ' $hadīs$), 'то' d^i 'это' $nā$ 'расскажи'.

$mikkin$ — 1-е л. ед. ч. пр. вр. Соединение в контексте слов, подобных $mikkin$, с конечным n и мест. az и вызвало возникновение параллельной к az формы naz . الْكَ $ikki$ — 2-е л. ед. ч. наст. вр. نَا $nā$ — указ. мест. < ana .

خَوَاهَاوِغْ مِي الْكَ دَ دِي شَاهِيدِكْ (?) الْكَآ

xuvāhāvc mī ikka d^a dī šābīdīk(?) ikkā 'позволь мне, чтобы я сделал действие, вредное для тебя'.

دَ *d̄* < *rty*. دِي *dī* 'тебе' < *tai*. *šāhīdīk* заимствовано из арабского شاهد с суф. *īk*(?), не ясно ввиду расхождения значений: арабск. شاهد 'свидетель' [переход значения через перс. شاهدبان 'любовник'(?)]

ای فیندیک ذار ما فتح

ī *βēndīk* (*βīndīk*) *ḍāra mā βaxxa*, перс. مرا بخدا بخش 'подари меня богу' (т. е. 'прости меня'). *βēndīk*, перс. خدا собств. 'господь' (первон. знач. 'господин') в противоположность понятию الله — 'бог'. *βēnd* (встречается ниже) 'муж' < *band* 'связывать', *βēndīk* 'связывающий', 'бог'. *βēnd* 'связь, супруг'. Относящаяся к этому месту цитата в рукописи Д: این شوهر که داری بن بخش 'этого супруга, которого имеешь, подари мне', может быть понятна при предположении, что переписчик смешал *βēndīk* с *βēnd*. ذار *ḍāra* — показатель косв. доп., дат. п. < *rdāra*, напр. *marḍāra* 'мне' < др.-пр. послелого *rādi*, с перестановкой и удвоением, ср. соответственные отражения этого послелого с тем же значением в других иранских языках: барт. *-re*, *-r^e*, *-rō*, руш. *-(a)re(d)*, вах. *-ar*, *-r*, *-rak*, перс. *rā* и т. д. ما *mā* < *mām* 'меня' — вин. п. личн. мест. 1-го л. فتح *βaxxa* < *βaxš* 'подари' — 2-е л. пов. накл.

فاختانی

βāxhanaβa 'я подарил тебя' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением *a* в коренном слого для образования прошедшего времени. *βā* < *βvām* — вин. п. личн. мест. 2-го л. 'тебя'.

یا دست مازد (مارد) انبز مع اک

yā ḍist (*ḍast*) *mārḍa* (*māzda*) *anbaz mac ikka*, перс. دست از من کوتاه بکن 'сделай от меня короткой руку (т. е. не прикасайся ко мне)'.
با — опред. артикль ж. р. *ḍist* (*ḍast*) 'рука' согд. *ḍst*. *mārḍa* (*māzda*) — сокр. вм. *māḡḍāra* (?) 'мне'. *anbaz* < *anbarz* с выпадением *r* (?) 'короткий', ср. согд. *murzsk* id. مع *mac* — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом 'от меня', ср. согд. *mē*, id.

أوتك مازدار في جفتاوك نی شای

ūtak *mārḍāra* *fi jūftāv* *k nī šāyī*, перс. تو مرا بجفتی نی شائی 'ты мне не подобаешь в супружество (не годишься в супруги)'.

أُونَك *ūtak* — личн. мест. 2-го л. 'ты', ср. согд. *t'β'k*. مَارْدَارَ *mārdāra* — дат. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. от основы косв. п. *mā* + формальный показатель *-rdāra*, ср. выше. جُفْتَاوَك *juftāw(a)k* — образованное суффиксом *-āwak* от слова *juft* абстрактное имя. فِي *fi* — предлог. نِي *nē* — отрицание при изъяв. накл. شَايَ *šāyī* 'подобает' — 2-е л. ед. ч. наст. вр.

حرام يا أُونَك

harām(a) yā (вм. *yāhi*) ūtak, перс. حرام تویی 'ты (только) запрещенная'.

دَامَ وَذُو حَلَالٍ مَا أَقَاغُ

dammi vuḍ halāla mā aββās, перс. پس خاتون بر من حلال مبادا 'так да не будет мне жена дозволенной'.

دَا *da* < согд. *rty. mi* (с удвоением начального *t* после гласного, как часто здесь) — энкл. мест. 1-го л. مَا *mā* — отрицание при сож. < ир. *mā*, ср. осет. *ma* и т. д. أَقَاغُ *aββās* 'да будет' — 3-е л. ед. ч. сож.

كَلْنَا خَيْبِرَ (?) زَبُوكَ سِرَى هَقَى اخَوَازِيَا د شِيَاوِرَ پَرَادِكِ أَقَاغُ

kā βanā sipar (?) ēv katar (?) haβi (?) acvāziyā d* šiyāvar parādik aβās 'если к вам кого-нибудь... введу, то трижды разведенным пусть будет' — не ясно, чтение конъектурное.

كَا *kā* — союз условия, времени. كُنَا *βanā* — косв. п. мн. ч. личн. мест. 2-го л., новообразование аналогично *tanā* для 1-го л., по именному склонению с окончанием род. п. мн. ч. *-na* (ср. *parāсна* 'разводов') от основы косв. п. мест. 2-го л. *βa: βanā* 'вас'. *sipar* (ср. согд. *šwpr*) — послелог: *βanāsipar* 'к вам' (?). هَقَى *haβi* (??) — преф., ср. согд. *βy-*. اخَوَازِيَا *acvāziyā* (если) введу' — 1-е л. ед. ч. сож. от \sqrt{vaz} — понудительная форма с преф. *ac* < *ati*. پَرَادِكِ *parādik* 'разведенный': *parād* < *para + rā* + суф. прил. *-ik*. أَقَاغُ *aβās* — 3-е л. ед. ч. сож.

نَادِيَا شِيَاوِرَ پَرَادِ

nādiya šī parādi, перс. دار سه طلاق را 'держи три развода'.

نَادِيَا *nādiya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. по классу на *aya*, ср. ягноб. *nāi*, сак. *nāta* 'брат'.

مَكْنَاهِ اِي مَرَادِهِ دَا سِه تَبْرَكِكِ أَقَاغُ

mikkimnahi i murādhi dashi tabarrukak aβās 'мы сделали желаемое ею и да будет благословенно для нее'.

مَكْنَاهُ *mikkimnahi* — 1-е л. мн. ч. пр. вр. от *ik-* с *m* формантом пр. вр. в основах, начинающихся с гласных, + *hi* — энкл. мест. 3-го л. اى *ī* — опред. артикль м. р. مرادِه *murādihi* ‘ее желание’: *murād* — заимств. из арабск. + *hi* — энкл. мест. 3-го л. داسِه *da* — союз ‘и’, -s — усилительная частица, ср. здесь *kas, cas*, барт. *mis, das* и т. д. تبرڪك *tabarrukak* арабск. заимствование.

خَامٍ فِي مِلْكَ يَاهَاغِ حَلَالٍ دَحْرَامِ اِقَارِ

cammi fī milka yahās halāl(i) d^a haḡām(i) aβāri ‘что есть в моем владении из дозволенного, да будет запрещенным’.

خَامٍ *cammi* ‘что у меня’ — вопр.-относит. мест. *ca*, согд. *čw* + энкл. мест. 1-го л., удвоение *m* после гласного. مِلْكَ *milka* — вин. (?) п. после предл. *fī*. يَاهَاغِ *yahās* — 3-е л. ед. ч. соңj. от *yah-* < ир. *ah-* ‘быть’. حَلَالٍ *halāli* — род. п. части (gen. part.) (?). اِقَارِ *aβāri* — 3-е л. мн. ч. соңj. от *aβa* ‘быть, бывать, становиться’.

اود مادابر خار

ud māḡabar xāra, перс. و نواز من بگذر ‘а ты от меня отступишь’.

اود *u | < utā* ‘и’. مادابر *māḡabar* — *abar* (*apar*) — послелог. *māḡ^a* (ср. дальше аналогичную форму мест. 2-го л. *βāḡ^a*) — личн. мест. 1-го л. в косв. п. под ударением, восходит к засвидетельствованному в согдийском *t'm* с перестановкой по аналогии с *č'm'kh* || *mč* — *t'm'kh* || *mt*, ср. дальше *βāḡ^a < t'β^a*. *xāra* ‘отступишь’ (собств. ‘двигайся, иди’), ср. согд. *γr*.

خارنا فادابير

xār(i)n(ā) fā(βā) dabir ‘я отступился от тебя’.

خارنا *xār(i)n(ā)* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a*. فادابير, см. выше.

اکی قَا ذَارِئِحَا خِيزَدَ فَا زِينْدَا اودِ فِي چَاهِ اِي

akē βā ḡārēc(a) xēza d^a fā zēndā ud fī čāha iya, перс. کی می دارد ترا ‘кто тебя держит, встань и иди в тюрьму и в колодезь’ (в персидском переводе пояснение: «т. е. в черную землю». Но ср. осет. *зиндон* ‘ад’).

اکی *akē* — вопр. мест. с протетическим гласным ‘кто’, ср. согд. *ky id*.

قَا *βā < βwāt* — вин. п. личн. мест. ‘тебя’. ذَارِئِحَا *ḡārēc(ā)* — 3-е л. ед. ч.

наст. вр. 'держит', ср. согд. *δ'r-id*. خیز *xēza* — 2-е л. ед. ч. пов. накл.
 ср. перс. د *d*^а — союз 'и' < согд. *rty*. فا *fā* — предлог, выражающий
 направление, место. زندا *zēndā* < *zēndān* — заимств. (?), перс. زندان
 'тюрьма', ср. выше осет. *зимдон* 'ад'. چاه *čāh* 'колодец, яма' — заимств. из
 перс. ای *iya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *i-*, *ay-*, ср. перс. آی.

نیسی غو

nēmī γivī (γavi), перс. مرا نمی بایی 'ты мне не нужна'.

nē — отрицание. *mī* — косв. п. личн. мест. 1-го л. 'мне'. غو *γa'vi* —

2-е л. ед. ч. наст. вр. 'ты нужна', ср. осет. *ъæуун*, согд. *γw-*

غاز خاك ناك

γāza sakkī, nākka 'иди (ступай) и все, что хочешь, делай' (точнее:
 'иди (ступай), что делаешь, то делай'.

غاز *γāza* — 2-е л. пов. накл., ср. осет. *ъæзун* 'танцевать, играть'.
sakkī 'что (са) ты делаешь (*ikkī*). *nākka* 'то (*nā*) делай' (*ikka* — пов. накл.).

أخواسيام

uxxvāsīyāma, перс. مرا رها کن 'отпусти меня'.

uxxvāsīyā 'отпусти' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *vi + hrz*, ср. *mix-*
xāsīn — 1-е л. ед. ч. пр. вр. 'я отпустил'. *-mā* 'меня' — вин. п. личн. мест.
 1-го л.

غاز خاك ناك

γāza sakkī nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

غاز خاك ناك

γāza sakkī nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

غاز خاك ناك

γāza sakkī nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

پا هتخ کابین

pā haṁsa kābīna 'с этим (же) махром (венном)'.
hamca kābīna — ж. р. (?). *hamca* — перс. همان < *ham-ĉit* 'тот же'.

بیزار فا اگمی پا شیک د می چک اگ

bīzār (bezār) βā ikkāṁ(i) pā šik d' mi ĉik ikka 'освобожу тебя за три и сделай мне документ'.

bīzār... ikkāṁ(i) 'я освобожу' — сложный глагол *bīzār* — тадж. заимств. 'беззаботный, свободный'. *فا βā* 'тебя' < *dvām*, см. выше *اگمی ikkāṁ(i)* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. *i* — остаток древнего оконч. < *mi*, или *medium* (?). *شیک šik* — субстантивированное числит. 'тройка, трое, три'. *چک ĉik* 'документ', ср. арабск. صك, перс. چک, европ. 'чек', в неизданном согдийском документе Мугского собрания *ĉtt* — источник заимствования (?). *اگ ikka* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

بیزار فا مکن خى حق پى سکند

bīzār βā mikkin ci hak pi sukand 'я освободил тебя от права за клятву' (клятвой).

مکن mikkin — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ik* 'я сделал'. *خى ci* — 'от', согд. 'ĉ'. *حق hak* — арабск. заимств. 'право'. *سکند sukand* 'клятва', ср. перс. سوگند.

د ما اخواسی

d' mā axhvāsiya 'так освободи меня'.

d' — согд. *rtv* 'и, так'. *ما mā* — вин. п. личн. мест. 1-го л. 'меня'.

اخواسی axhvāsiya (uxhvāsiya) 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *vi + hvz* 'освободи'.

د ما بر سکند خر

d' mābar sukand xura 'так надо мною клятву съешь (поклонись)'.

ما بر mābar — личн. мест. 1-го л. вин. п. с послелогом *par, bar*. *sukand*, см. выше. *خر xura* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'съешь', ср. согд. *xwr-*, перс. خور *id.*

د می ای چک اِکَّ

dⁱ mī i čik ikka 'так сделай мне документ'.

č — опред. артикль м. р., см. выше. اِکَّ ikka — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

اَقَاغْ

aββās 'пусть будет' — 3-е л. ед. ч. conj.

شیک قابر خرامکام و ابا خرغ پاروزد

šik βābar xurāmkām vābā xurc pārvuzda, перс. سه طلاق بر تو بخورم 'я три (развода) в отношении тебя съем или съедены'.

شیک šik — субстантивированное числительное, употребляемое самостоятельно, — 'тройка, трое, три' — числительное شی šē(šī) + именной суффикс -a(k). قابر βābar (βābar), (-par) 'над тобою' ('в отношении тебя') — вин. п. личн. мест. 2-го л. < θvāt с послелогом -bar, -par. خرامکام xurāmkām 'съем' — 1-е л. буд. вр., образованное, как указывалось выше, присоединением к соответственной форме настоящего времени частицы kām, как в согдийском языке, ср. согд. γwr и т. д. و ابا vābā — союз 'или', ср. согд. β', осет. уа и т. д. خرغ پاروزد xurc(a) pārvuzda 'съедено' — страд. зал., образованный, как постоянно здесь, соединением причастия спрягаемого глагола xurc(a) 'съеденный' и соответственной (личной) формы глагола pārvuz- < par-vart- 'превращаться, становиться', پاروزد pārvuzd(a) — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного a.

کا پرا پنام سکند نی خرینخی دخی پرمک خر

kā parā panāmi (pināmi) sukundⁱ nē xurixi d^a ci pirmak(a) [parmak(a)] хига 'если ты не съешь клятву о моей сопернице (другой жене, араб.-перс. ضره), то съешь обо мне'.

parā — предл. panāmi — косв. п. от panām(a) < patināta, перс. بنانج, тадж. палонч id. خرینخی xurixi — 2-е л. ед. ч. conj. xi, ср. перс. hē. ci parmak(a) — сложный предлог, ci par (перс. ازبر) + личн. мест. 1-го л. с именным суффиксом -ak, ср. согд. č'm'kh;

خرناغ

xur^{nas} 'я съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. xur(i)n + усилит. част. -as, ср. согд. rty.

فا(وابا) برمك سُكُنْدُ خُر وَابا پرا پنام

fā (vā bā) parmak(a) sukund xur vābā para panāmi 'или надо мной съешь клятву или над моей соперницей'. Колебание в рукописях в первом слове между فا (*fā*) и وا (*vā*). وَابا (*vābā*) отражает действительное колебание в произношении между губно-губным и губно-зубным спирантом, ср. согд. β' и осет. уæ.

خرناخ

хi гнас 'я съел', см. выше.

اهاڤيخ پراڤخ كلهي مَكَّا مَنخَا

ahāβix parāss(a) kāhī mikkiḫā mincā 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это'.

اهاڤيخ *ahāβix* 'будешь ли ты'. *a* — вопр. част., *hāβix* 2-е л. ед. ч.

conj. от *ава* 'быть', см. выше. مَكَّا مَنخَا *mikkiḫā mincā* 'если ты сделаешь', перс. пер. کرده باشی — conditionalis, 2-е будущее, praeteritum futurum. Эта форма, многократно здесь засвидетельствованная, образуется сложением прошедшего времени спрягаемого глагола (с алифом в конце *الشباع* (?)) и частицы مَنخَا *mincā, mancā*. Последняя, по всей вероятности, восходит к глагольной основе *tand-*. Сложные глагольные образования с глаголом *tānd(an)* представлены в средне-персидском языке, где они (прич. + пр. вр. глагола *tāndan*) выражают действие, длившееся некоторое время и прекратившееся (ср.: Сов. востоков., т. V, 1948. стр. 297. и ZII. 9, 2, 246). Аналогичное значение имеют эти образования в современном таджикском языке *уфта монд* 'он сказал, высказал' (говорил некоторое время и перестал, закончил свою речь). В согдийском языке, несмотря на бедность письменных памятников, могут быть также отмечены сложные глагольные образования со значением conditionalis, praeteritum futurum 2-го будущего. Это — образования с частицей *kām*, которая, будучи присоединена к настоящему времени, образует в согдийском и хорезмийском языках будущее время, присоединяясь к optativ'у или к прошедшему времени (optativ, как известно, в согд. яз. употребляется для выражения длительного, итеративного пр. вр., ср. ZII, II, 296), эта частица образует praeteritum futurum. Ср. с optativ'ом VJ, 100: *č'n'kw ZY 'zw nwr čnt'wsyrt'p'zn δβr' δβr'y k'm rty ms w'nw 'γδ'kw β'ty 'PZY...* 'так как я теперь с чистым сердцем милостыню давать буду, то пусть сбудется то желание, чтобы...' [перевод Готью (Gaüthiot) подлежаит исправлению]; Vaj., 7—8:

rt̄y pyšt̄ k̄d̄ "mtyčw 'prs'yk'm nyst w'td'r "zwn ZKZYn wydy'y¹ 'и затем, если бы ты спросил об истине, (то) нет существа живого, которое бы исчезло'; с пр. вр. может быть приведен пример из собрания согдийских документов с горы Муг № 1 (не издано): *rt̄k̄d̄ pts'r kw t'β'k s'r myd̄ p̄wstk̄ L' βr'yšt̄ 'yw č'nk̄w ZY kw t'm'k s'r βr'yšt̄w d'rty rty 'zw myd̄ p̄wstk̄w 'kw t'β'k s'r βr'yšw k'm* 'и если бы затем тебе этой книги (письма) не послал бы, как он послал мне, то я эту книгу тебе послал бы...'

اهاڤيخ پراخ کاهي ني ماکھا منځاه

ahāβix parāc kāhi nē mikkixā mancāhi 'будешь ли ты разведенной, если ты не сделаешь этого', см. выше.

اهاڤيخ پراخ کاهي ماکھا منځاه

ahāβix parāc kāhi mikkixā mancāhi 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это', см. выше.

اياہ پراخ

ayāhi parāc(a) 'разведена ли ты?'

a — вопр. частица, *yāhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'еси'.

اماڤ اياه شياور پراخ کبا دهناناد

amāc(i) yāhi šiyāvar(a) parāc(a) kibā dihnānadi перс. هستی تو از من اهری (последнее сочетание не вполне ясно, нуждается в исправлении) 'разведена ли ты от меня трижды, с тем, что я бил тебя'.

amaṣ(i); *a* — вопр. част., *māc(i)* — краткая форма косв. п. личн.

мест. 1-го л. с послелогом, согд. *mč*, язг. *munjə*. *yāhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'еси' < *ahi*. *ك* *ki* — союз, вводящий придаточное предложение.

bā *bā* — (?) вм. *βa(?)* 'тебя'. *دهناناد* *dihnānadi* — излишен один слог *na(?)*, *dihnadi* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от глагола *dih-*, *dah-* 'бить', ср. барт. *dē-*, мундж. *dē* и др. < индо-ир. *dhā(?)*. Это слово с взрывным *d* в анлауте могло бы указывать на западно-иранский источник заимствования.

اهاڤيخ

ahāβix 'будешь ли ты?'

a — вопр. част. *hāβix* — 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa*, см. выше.

¹ Vajracchedika (H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste..., II Teil. Heidelberg, 1931, стр. 72).

ایاه

ayāhi 'есть ли ты'.

a — вопр. част. *yāhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. *Vāh*. Противопоставляется в тексте *ahāβīx* и *ayāhi*.

سُكُنْدُ خُرِينِ

sukund xurīna 'я съел клятву'.

xurīna 'я съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр., см. выше.

پا جُفْتِ

pa jufta, перс. بر خاتون 'над супругой'.

jufta; *a* — показатель ж. р., перс. заимствование.

III. كِتَابُ الْعِتَاقِ КНИГА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ (РАБОВ)

با نانِي هونانِي دَارَ پارِدا اِنْعُ

yā nāniya hūnāniya dāra pārdā inc, перс. این کنیزک را فروختنی نیست 'нет этой рабыне продажи'.

نونانِي *nāniy(a)* — сложное указ. мест. в косв. п. с оконч. *-iy(a)*. هونانِي *hūnāniy(a)* 'рабыне' — косв. п. с тем же оконч. *-iy(a)*. دَارَ *dāra* — послелог косвенного дополнения, см. выше پارِدا *pārdā* 'продажа', ср. согд. *pr'dt* 'продавать', руш. *pardad* и т. д. < *para-* *dā*. اِنْعُ *inc* 'нет' < *nēitti* с перестановкой и *t > c*, ср. согд. *γcy* 'есть', осет. *нæи* 'нет'.

زادکاوِي هِي واخِيانَمَنَ يا هُنَانِ نِي (هونان نِي)

zād(i)kāvya hī vāxhiyāma yā hūnāna nī, перс. برای فرزندی کلان 'мы воспитали эту рабыню вместо (своего) ребенка'.

زادکاوِي *zād(i)kāvya* 'в сыновстве' — местн. п. от абстрактного имени с суффиксом *āvak*: *zād(i)k* — 'сын', согд. *z'tk*; *zād(i)kāvak* 'сыновство', ср. дальше соответств. местн. п. خاماوی *xātāvya* 'в сырости, неотесанности, невежливости, грубости' (от *хам* *xāt* 'сырой'). دیناوی *dināvya* (от *dīn* 'религия') داماوی *dātāvya* (от *dāt* 'мир'). هِي *hī* — энкл. мест. 3-го л., авест. *hē*.

وَأَخْبَانِ *vāx̄xiyātma* 'мы вырастили' — 1-е л. мн. ч. пр. вр. < *vaxš* с ассимиляцией согласного *š* в *x*; долгий гласный *ā* — признак *causativ'a* или удлинение *a* при образовании основы прошедшего времени; окончание *-tma*, см. выше. *يَا هُونَانَ نِي* *yā hūnāna ni* 'эту рабыню': *yā hūnāna* — ж. р. с артиклем *yā* и постпозитивным артиклем *ни ni*. Появление постпозитивного артикля в хорезмийском языке при членном имени (*يَا هُونَانَ*) вызвано, очевидно, частыми случаями абсорбции препозитивного артикля в словах, начинающихся с гласных, напр. *بِأَسْمَ* *yāsm* 'небо', ср. арабск. *ليوان* из *ايوان* 'портик', исп. *lorpio* из лат. *orium* и др. Ослабленная вследствие этого значимость артикля *اي i*, *يَا yā* и вызвала возникновение другого, постпозитивного артикля *ني ni* и (реже) *ناو nāv = na+av* (мн. ч. ?), ср. *اي شغل نِي* *i šūyl ni* 'это дело', *اي فاغاك نِي* *i fayāk ni* 'этот сад', *اي سكند نِي* *i sukand ni* 'эту клятву', *اي زرنی نِي* *i zirni ni* 'это золото', *اي توتو ناو* *i tutū nāv* 'эти туты', *اي شغل ناو* *i šūyl nāv* 'эти дела'.¹

أَبَابَ

abāba 'эй, отец'.

a — восклицание. *bāba* 'папа, отец' — детское слово.

دا

hā 'да', ср. осет. *zo*.

إِيَاغِ كِفَا اِي بِخَامِ گَوژِيخَا (گُوخاس)

iyāc(i) kifa i picām(i) gvažēs(a)(?), перс. *بیا که بدر من ترا آواز می دهد*, 'подойди, отец мой зовет тебя'.

إِيَاغِ iyāc(i) 'иди' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *i-*, *-c(i)* — част. согд. *-ty*. *كُ كِ ki* 'ибо' — союз, вводящий придаточное предложение причины. *فَا fā (βā)* 'тебя' — вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. < *dvāt*, см. выше. *بِخَامِ picāmi* 'мой отец': *pic* 'отец' < *pitā*, ср. осет. *фидæ*, — *(a)mi*- энкл. мест. 1-го л., притяжательная форма. *گَوژِيخَا gvažēs(a)* 'зовет' — 3-е л. ед. ч. наст. вр., заимств. из западно-иран. (?), ср. белуч. *gušt* 'сказал'.

يَا خُوبَامِ دُغْدَا

yā xūbāmi duḡda, перс. *دختر خوب من* 'хорошая дочь моя'.

¹ См. об артикле в хорезмийском языке статью в: Сов. востоков. АН СССР, т. V, Перепечатана в данном издании, стр. 42—50.

خوبام *xūbāmi* 'хорошая моя': *xūb* — перс. заимств. ذَعْدُ *duyda* 'дочь', ср. согд. *duyδ'r*, *δywt* 'дочь', ср. осет. *ходыгъд* 'золовка'.

مُخَّاسَتَ اى زَادِكُمْ

muxxāsta i zādikam, перс. مانده شد فرزندم 'устал сын мой'.

مُخَّاسَتَ *muxxāsta* 'устал' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. Начальное *m-* — префикс, формальный признак пр. вр. глаголов, основа наст. вр. которых начинается с гласного < авест. *xvah-*, осет. *хуайун*, *хуаст* > основа наст. вр. **uxah-* (с обычной перестановкой и вокализацией *v*).

اى عاشگم زادىك خوبم زادىك

ai āšikam zādīk xūbmi zādīk перс. اى فرزند عاشتم اى فرزند خوبم 'о дитя мое любимое, о дитя мое хорошее'.

عاشگم *āšīkam* 'любимый мой', ك в слове عاشگم может указывать на отсутствие в хорезмийском языке согласной фонемы ق.

كلس اى مرخ اى خوارزم وساخ فى غشباک فى زفانک فى ترکانک آر اغلم اوداس
هېخ کد امکام واخ نکور نى قاشخ پا غشباکوى آخ ابخکام شى نان لفظ عتق وا
کزاک

kās i marc (mirc) i xvārazm vasāc fi yaššiyāk fi zⁿfāk (zⁿβāk) fi turkā-
nak «*ar uylum*» *udas hēc kadāmkān vāc nkūr (?) nē βāc pā yašiyākāvya aci*
iyeckām ci nān lafz itk vā kadāk 'если человек хорезмиец скажет в ласке
на языке тюркском (к своему рабу) *ar uylum* ('сын мой'), и никакого наме-
рения(?) не будет в ласковости, (то) что же выводится из этих слов осво-
бождение или нет?'

مرخ *mirc (marc)* 'человек' < *martiya*; *t* > *c* перед (под влиянием) *i* —
возможное изменение огласовки в первом слоге. وساخ *vasāc (vusāc)* — 3-е л.
ед. ч. сопж. от *vas-*, ср. согд. *wys-*. زفانک *zⁿfāk (zⁿβāk)* 'язык', согд. *zβⁿk*,
осет. *ævzal*. ترکانک *turkānak* 'тюркский'; *-ānak* — суффикс прилагательного.
کدامکام *hēc kadāmkān* — неопр. мест. 'какой-нибудь', с отрицанием
'никакой', هېخ; перс. کدامکام *kadāmkān*, лат. *quodlibet*. نى قاشخ *nē βāc* —
3-е л. ед. ч. сопж. 'не будет', гласный *a* в слове *ава* 'быть' выпал после *nē*,
которое фонетически составляет с *βāc* одно слово; по этой же причине
далее ниже в пр. вр. *nē βa* 'ты не был'. غشباکوى *yašiyākāvya* — местн. п.

от *غشباكاوك*, ср. выше *zādīkavya*. *اغ ac(i)* — вопр. мест. 'а что?', *اتخكام iyeeskat* — 3-е л. ед. ч. буд. вр. < *i*. *وا va* — союз 'или', ср. согд. β , осет. *уа*. *كذالك kadālk* — отрицание 'нет'.

ما خواساريك

mā x^vvāsārik, перс. *رها کرده شده* 'освобожденный', *بيخداوند* 'без хозяина', тюрк. *بولارغو* 'вольнотпущенник, прибудный' — 'он сказал рабу своему по-хорезмийски *mā x^vvāsārik*, тот не становится освобожденным... потому что это перевод (слова) бесстыдник и это вместо ругани'. Но в следующем предложении *x^vvāsāra* переводится 'свободная'. Кажущееся разногласие объединяется этимологией этого слова *x^va* 'свой' и *sār^a* 'голова'; *x^vvāsāra* и (с суф. *-īk*) *x^vvāsārīk* 'свободный', и (с пренебрежительным оттенком) 'вольнотпущенник, без хозяина, бродяга' и т. п. *ما mā* 'ну-ка', ср. ав. *mā*, барт. *ma* 'вот, на!', осет. *ma* 'еще, ну-ка'.

دخواسارا پروز

d^a x^vvāsāra pirviza, перс. *آزاد شو* 'стань свободной'.

d^a, согд. *rty*. *پروز pirviza* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *par-vart-*.

IV. كِتَابُ الْاِيْمَانِ КНИГА О КЛЯТВЕ

نذر مكن

nizr mikkin(a) 'я обещал' — сложный глагол.

Нет достаточных данных для суждения о качестве согласного в слове *نذر*; следует тем не менее полагать, что арабские слова проникли в хорезмийский словарь в общем через таджикское посредство и произносились в хорезмийском языке с изменениями, внесенными этой средой; на этом основании *نذر* транскрибируется *nizr*. *مکن mikkin(a)* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ik* 'делать' с приставкой *m-*, см. выше.

الله نيواريام

illāh nēvāryām, перс. *خدا را نشناسم (اگر فلان کار کنم)*.

الله 'бог' — арабск. заимств., ср. *فيندك βēndik* id. *نيواريام nēvāryām* 'не знаю' (собств. 'не верю', т. е. 'не буду верить', если я такое дело сде-

лаю, то я неверный) — 1-е л. ед. ч. наст. вр. с отрицанием *nē* и поглощением первого слога от глагола *yāvār* ‘узнавать, познавать, быть уверенным, верить’, ср. ниже *يا واریخ* *yāvārīx* ‘ты узнал’, ср. согд. *yw'r* (с ослабленной семантикой ‘но’, ‘верь, что’ > \sqrt{var} - с абсорбированным артиклем?).

زینهار

zēnhār ‘безопасность, убежище, защита’. Ср. сак.-хотан. *ysīnīta*, согд. *zuyuh* ‘порученное охране, защите’.

ای رمضان ماخِ مِنْدَائِنِكَ

i ramazān māc(i) mindāyink, перс. *روزه ماه رمضان ازمن نابدرفته* ‘рамазан от меня не идет (т. е. не принят)’.

رمضان ramazān — арабск. заимств. через таджикский язык. *ماخِ*

māc(i) — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом, согд. *mč*, см. выше.

مِنْدَائِنِكَ mindayink ‘не идущий’ (перс. перевод *رمضان ازمن ناروا* в рукописи G точно передает хорезмийский оригинал) — отглагольное прилагательное от *i* || *āy* ‘итти’ с отрицат. част. *mind-* + согд. *mnt* и суф. *-ina-k*.

ای قیندِکِ می خِصْمِ

i βēndik^a mī xasm (xism) ‘бог — мой враг’ (если я сделаю...).

قیندِکِ βēndik (βīndik) ‘бог’ < *βand*, собств. ‘связывающий’, ср. согд.

βynt-, шугн. *wind*. *خِصْمِ* арабское заимствование, проникшее через религиозно-бытовую практику в язык. *می mī* — энкл. мест. 1-го л.

ای بِخِیَاکْدِ می قیندِکِ

i paciūākdi mī βēndik, перс. *روی تو خدایم باشد* ‘перед тобою мой бог’.

بِخِیَاکِ paciūāk, согд. *pt'yč*, ав. *pa'tika* ‘перед’ — предлог < *pati* с именным суффиксом *-āk*, *c < t* перед *i*. *د di* — энкл. мест. 2-го л.

فی الله انبِخِ شرطِ مِکِنِ

fī 'llāh anbič šart mikin(a), перс. *با خدا شرط کردم* ‘я сделал условие с богом’.

انْبِغْ *anbic* — послелог 'с', согд. *nβ'nt id.*, ср. выше. شرط *šart* 'условие'
арабо-перс. заимствование.

کان ای نانام فیند نیکبخام

kān i nānām βēnd nēkīxkām, перс. اگر فلان را شوهر نکنی 'если ты не
выйдешь замуж за такого-то' (если такого-то мужем не сделаешь).

کان *kān* — союз: *kā* + част. *-n(d)*. نیکبخام *nēkīxkām* — 2-е л. ед. ч.
особой формы conjunctiv'a (conj. + *kām*), см. выше. فیند *βēnd* 'супруг'.

کا فیند نیکبخام

kā βēnd nēkīxkām 'если ты не выйдешь замуж', ср. выше.

ثَغْبِیَاکَام

siγsiyākāma 'каждый раз как'.

siγudsiyākāma (соотв. лат. *tempore quolibet*), т. е. в 'любое (*kāma*)
время'; *γud*, ср. осет. *γуд*, *амγуд* < прич. пр. вр. от *γсγуун*, 'когда'.
Дальше в тексте разъясняется различие между выражениями *کا ثَغْبِیَاکَام*,
перс. هر گاه که 'каждый раз, как' и *کا یَا غُر* *yā γud kā* (лат. *illo + tempore*),
перс. وقتی که 'в то время, когда'. Это рассуждение, несмотря на трудность
его понимания без историко-лингвистического анализа, показывает, однако,
что составитель отчетливо разбирался в этих выражениях, см. ниже.

المنصور انقیس

Аль-Мансуранвиши — географический термин — «селение из главных
селений Хорезма».

ثَغْبِیَاکَام کَاوْثِیَا

siγsiyākāma kāvvasiyā 'каждый раз, как я войду в него'.

siγsiyākāma kā, см. выше. *vasiyā* — удвоенный *v* после гласного, как
часто здесь; *ثَغْبِیَا* *siyā* — 1-е л. ед. ч. conj. *siy-*, др.-инд. *ś'yavati*, др.-перс.
š'yāvati (*ašiyāva* 'пошел'). Хорезм. *siyā*, осет. *цсγуун* 'итги', курд. *чуйин* —
языки, в которых *s* перед *y* не изменилось в *š*, в противоположность пер-
сидскому, авестскому и соседнему согдийскому, где соответственно: *ašiyāva*,
šyav- (гат.), *šav*, и *š'w-*; *va* — префикс (?); *vasiyā* '(если) войду', ср. осет. *yo*
(диг.), *y* (прон.) < *ava-*, ср. осет. *yодайуун*, *yодайым* 'мочить, пропитывать
влагой'.

يا غَدَّ كَاوْخِيَا

yā ɣuda ka'vasiṽā 'во время, когда войдү' (в определенное время).

Этот оттенок значения передан членностью *yā ɣudā* (ж. р.) в противоположность *siṽakāma (ɣudā)*. *ɣuda* 'срок, время', осет. *æнӕуд*, см. выше.

يا غَدَّ كَسَّامِ دِي دِينَارِ هَقْرَامَكَا

yā ɣuda kāsikām dī dīnāra hiβrāmkā, перс. *هر گاه که بیائی ترا*

'как только (когда) ты придешь, я дам тебе динар'.

assikām 'ты придешь' — 2-е л. ед. ч. буд. вр.; *assi* < *as* + *kām*, ср. мундж. *as*- id., ср. согд. *'ys*-. *هَقْرَامَكَا hiβrāmkā* — 1-е л. ед. ч. буд. вр. от *haβar* 'давать'. *دِينَارِ dīnāra* — вин. п. ед. ч.

خَغْتِيَاكَا كَسَّامِ دِي دِينَارِ هَقْرَامَكَا

siṽsiṽakāma kāsikām dī dīnāra hiβrāmkā, перс. *هر بار که بیائی*

'каждый раз, как ты придешь'.

خَغْتِيَاكَا كَانْدِ نِكَاحِ اِكَا

siṽsiṽākāma kāndi nikāh ikkā 'как только я женюсь на тебе'.

كَانْدِ kān 'когда'; *د di* — энкл. мест. 2-го л. *اِكَا ikkā* — 1-е л. ед. ч. сопж.

Этой форме противопоставляется *اِكَايِ ikkāyi* следующего предложения — *اِكَايِ ikkāyi*, притом указывается, что перевод обоих выражений (*nikāh ikkā* и *nikāh ikkāyi*) на арабский язык один и тот же '(как только) я женюсь'. Повидимому *اِكَايِ ikkāyi* есть optativ, ср. согд. *zr'ymč'y* (VJ, 102) '(чтобы) я освободил', *βr'y* (VJ, 176) '(чтобы) я дал'.

هَمَّكَ يَا سَوِيكَا دِ مَايْرِ اِي حَلَالِ حَرَامِ هَمَّكَ يَا سَوِيكَا

hamk yāsvikām d' māpir i halāli harāma hamk yāsvikām 'как только пойдешь, то разрешенное для меня — запрещенное, как только пойдешь'.

هَمَّكَ hamk 'как только', перс. *همان که*. *يَا سَوِيكَا yāsvikām* — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от глагола *yāsv*, этимология (?), контаминация двух корней (?), ср. согд. *'ys* 'приходить', ср. хорезм. *as* 'приходить'. Отношение этих глаголов друг к другу не ясно.

كِهَمَّكَ يَا سَوِيكَا

kihām k yāsvikām 'что таки пойдешь'.

شیاور پُراخِ یاهِ کینَ هافرینخ

šiyāvra purāc yahi kīna hāβrīxa, перс. سه طلاق می که دادی آنرا (hē) 'трижды ты разведена, что ты дала то'.

šiyāvra purāc — сложное слово 'трижды разведенная'. ياهِ yahi 'ты еси'. کینَ kīna : inna — указ. мест. 'то'. هافرینخ hāβrīx 'ты дала' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* первого слога от *haβar* 'давать', согд. *ββr*.

کبا اخوا ما چکیشی

kibā acivā mā čakīšī? 'почему ты обвиняешь меня во лжи?' با < pati (?).

acivā — нар. 'почему', ما mā < mām 'меня' — вин. п. личн. мест. 1-го л. چکیشی (?) čakīšī — не ясно.

کینا با نی هافرینخ منخاخ

kīnā ba. nē hāβrīx mancāc 'если это не дашь'.

kīnā: ki (союз) 'если' + inā — указ. мест. 'это'. هافرینخ منخاخ hāβrīx mancāc — 2-е л. ед. ч. conditionalis, praeter. futurum, см. выше; منخاخ mancāc, конечное *c < t (ty)*.

پراخِ ها اقاخِ شیاور کی کابینِ اگامام

purāc hā aββāc šiyāvra kī kābīna ikkāmkām 'три развода той, с которой сделаю бракосочетание'.

ها hā — мест. ж. р. 'та', согд. *γh*. اقاخِ — 3-е л. ед. ч. 'будет, пусть будет'. کی kī, kē — относит. мест. 'который', согд. 'ky'. اگامام ikkāmkām — 1-е л. ед. ч. буд. вр.

د ماخِ مَافِ (ما اخفا)

d* māci māxfa (mā axfa) 'и от меня не бери (его)'.

ماخِ māci 'от меня' согд. *mč*; مَافِ mā косв. п. личн. мест. + послелог *ci*.

māxfa — ما mā 'не' — при пов. накл. и conj.; مَافِ mā axfa < mā γrβa 'не бери'; axfa — 2-е л. ед. ч. пов. накл. с оглушением *x < γ, f < β* и выпадением *r*.

آغ

āγ, перс. آری 'да'. (Это слово подтверждения и значение его близко к значению 'да').

آغ

āγ 'да'.

اڤاغ یم پراغ ابو

aβās yim paḡās* ēv* ‘разведена ли я от тебя одним разводом’.

اڤاغ aβās; a — вопр. част.; βās ‘от тебя’: βā косв. п. от личн. мест. 2-го л. + послелог (частица) -с. یم yim — 1-е л. ед. ч. ‘я есмь’. ابو ēv(a) ‘один, одна’, ср. перс. ēv, согд. ’yuv, осет. ey, uy.

اما هزار يابوير

amā hazār yāvīr ‘напротив тысячу раз’, см. выше.

اما هزار يابوير ‘напротив, тысячу раз’. Колебание в огласовках yāvār || yāvīr, par || pīr указывает на передний характер гласного a в подобных случаях: yāvār, pār ‘на’.

أبغوسَ وَاَبَا كَذَاكَ فَابْرَه شِيكَ كَاثِمِنَ

abyōssa vābā kiḡāk βābar šik(a) kācīn(a) ‘молчи, а если нет (‘или нет’). я дал тебе три (развода) (‘на тебя три бросил)’.

أبغوسَ abyōssa — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < др.-ир. ara-gauša, противоположное значение с предлогом ni:niγōs ‘послушать, повиноваться’, см. выше. وَاَبَا vābā ‘или’, см. выше. كَذَاكَ kiḡāk ‘не, нет’ восходит к наречью ав. kaḡā ‘как?, когда?’, ср. изменение значения в согд. из вопр. мест. kt’r ‘который’ (‘из двух’ > союз ‘или’). فَابْرَه βābar (βāpar) ‘на тебя, тебе’, см. выше. شِيكَ šik(a) — вин. п. субстантивированного числительного ‘трое’ (‘три развода’), см. выше. كَاثِمِنَ kācīn(a) ‘я дал’ (точнее: ‘бросил’) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. caus. < kaft ‘падать’ с выпадением f и переходом t > c.

كَمِيَه هَفْرِيكَم اِي زَرْنِي نِي د فَاغ اِيو اِشْ خَرَج نِيكَم بَاهِ اِسِنِي خِنَامَكَم

kaṃīhi hiβrīkām i zirni nī dī βās ēv* pša xarj nēkkām bāhi ‘spanī
xinām kām ‘когда мне (его) дашь золото, то из него (так перевод, текст ‘от тебя’; исправить на *هاغ *hāc? или واغ vāc?) ни одного гроша не истрачу, за него железо куплю’.

كَمِيَه kaṃīhi ‘когда мне его’. هَفْرِيكَم hiβrīkām ‘ты дашь’ — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от haβar, согд. θβr, см. выше. اِي زَرْنِي نِي i zirni nī ‘золото’ с препозитивным (i) и постпозитивным (nī) артиклем, см. выше. zirni < ав. zaranu-хорезм. огласовки с i вызваны наличием в ав. слове -y- ابو ēv ‘один’.

см. выше. اِشْ *’pša*, перс. پشیز || پشی ‘мелкая монета, грош’. خَرَجَ نِيكَامَ *’xarj nēkkām* ‘не истрачу’ — сложный глагол: نِيكَامَ *nēkkām* — 1-е л. ед. ч. наст. вр., *ikkām* с отрицанием *nē*. خَرَجَ *’xarj* арабск. заимств. بَاهِ *bāhi* (*’pāhi*) ‘за него’ — предл.: *pā* < *pati* + энкл. мест. 3-го л. -*hi*. اِسْبِنِي *’sranī* ‘железо’, ср. согд. *’sprn*, осет. *æfscæn*. خِنَامَكَامَ *’xināmkaṃ* ‘куплю’ — 1-е л. буд. вр. с выпадением *r* в основе глагола < *xrē*—.

فِي نَانَ وَأَسِيمٍ مَعَامَلِكِ كَمَاثِ اِكِّي دَ مَايِرِ اِي حَلَالِ حَرَامِ كَانْدِي زَبُوكِ فِي
نَبَاكِ اِنْبِغِ اِحْسَنِ هِفْرَاغِ اَمَادِ بِنْبَاكِ

fī nān(a) vāsīma ma’amalik kimaṭ ikkī d’ mābir i halāl(a) harām(a) kāndi ziv’k fī n’bāk anbič ixs’n hiṣrāc āmādi ban’bāk ‘при этом скверном обращении, как ты обращаешься со мною, пусть будет разрешенное запрещенным для меня, если кто-нибудь даст тебе что-нибудь с залогом, особенно же без залога’.

وَأَسِيمٍ *vāsīma* — прил. ж. р. состоит из сокращенного указ. мест. *vā*, авест. *ava(vant)* ‘такой, столь’, которое представлено в качестве первого члена сложного слова (*vā* + имя) и в той же форме в осетинском и согдийском языках (ср. осет. *уанабæрæв* ‘такой необыкновенный’ < *ya* + *æнабæрæв*, согд. *w’rwn’k* < **ava-gaona-ka*) и слова *sīm(a)* ‘потрясение, потрясающий’, засвидетельствованного также в согдийском языке (ср. VJ, 1063) *symh* ‘β’ ‘elle fut éprouvante’, ‘она была потрясена’; (R., I, 10, 148):¹ *KZNH* ‘*PZY* ‘*ymn* ‘*tōrmnw* ‘*wy* p’z’ny *sym* ‘t’ ‘*wyšt* *βwt*’ ‘so dass im Geiste der Teufel Bestürzung und Aufregung ist’ ‘так что в умах чертей потрясение и возбуждение (появилось)’. مَعَامَلِكِ *ma’amalik* ‘поведение, обращение’ — арабск. заимств. с суф. -*ik*. *kimāṭ* : *ki* — относит. мест.; *māḍ* ‘со мною’ (ср. ниже *βāḍ* ‘с тобою’, *vāḍ* ‘с ним’) — краткая форма личн. мест. 1-го л.; *ma* + послелог *ṭ* < *hada*, *hada*, согд. *ḍ’wn*, *ḍnn*, афг. *la*, осет. *æd*. *ikkī* ‘ты делаешь’ — 2-е л. ед. ч. наст. вр. *ziv’k* ‘кто-нибудь’, собств. ‘живущий, живое’, ср. в аналогичном употреблении согд. *zyw’nty* (R., I, 43, 171);¹ ‘*čwtyr nokr zyw’nty* ‘*prs’y* ‘а что же (если) теперь кто-нибудь (< живой) спросит [opt.] «à combien plus forte raison» перевод этой цитаты Бенвениста Ж. А. (т. ССХХІІІ, № 2, стр. 228) верный по существу, не делает необходимым изменение *zyw’nty* на указ. мест. *nyw’nty*, как это он предлагает там же, в особенности ввиду наличия хорезм. *ziv’k*. فِي نَبَاكِ اِنْبِغِ *fī nibāk anbič*

¹ Н. Reichelt, ук. работа, вып. I.

‘с залогом’, *nibāk* < *nirāka* ‘залог’, перс. گرو *guro* ‘хс^a n ‘что-нибудь’, перс.

چيز, согд. *γz* с оглушением и перестановкой, собств. ‘ценность’, ср. ниже *si nāni* ‘*xsan* ‘из этих вещей’. هقراخ *hiβrāc* ‘(если)... даст’ — 3-е л.

ед. ч. conj. от *haβar. āmādi* ‘особенно’, перс. خاصه, ср. согд. ”*mtyc* ‘действительный, настоящий’. *banibāk* (*pa nibāk*) < **apa-nirāka* ‘без залога’.

آمادِ بِنَبَاك

āmādi banibāk ‘особенно без залога’, см. выше.

كُوتْ مِيَّتْ

kūṯ (<ka vaṯ) mīyitta, перс. که در وی بود ‘что в нем было’.

k(a) — союз, вводящий придаточное предложение. *kūṯ* (*ka vaṯ*), *vaṯ* (>*uṯ*) ‘там’, ср. согд. *wdu*. مِيَّتْ *mīyitta* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. глагола *√āh-*, основа наст. вр. ‘*y^a-*; 1-е л. ед. ч. наст. вр. ‘*y^am* и т. д. Начальное *m* в форме пр. вр. указывает на то, что основа наст. вр. этого глагола начиналась с гласного (хотя и редуцированного, возникавшего перед протетическим *y*).

كِفَامَا نِي پَرْدِكِّي

kifāmā nē pardikki, перс. که مرا باز نتوانی; که مرا مانع نتوانی بودن ‘что меня не можешь удержать’.

ك *ki* — союз, вводящий придаточное предложение. *fāmā* *fāmā:fā* — предлог, выражающий место, направление, дательный падеж < *pati*, *mā* — косв. п. личн. мест. 1-го л. в зависимости от предлога *fā*; *fāmā* ‘мне’.

نِي *nē* ‘не’ — отрицание при глаголе. پَرْدِكِّي *pardikki*, *pard* — прич. пр. вр. от глагола **par-* < ав. *par-* ‘препятствовать’: (*pard*) + 2-е л. ед. ч. наст. вр. от глагола *ik-* < *kar-*, *ikki*; *nē pard ikki* ‘ты не можешь воспрепятствовать’ (*fāmā* ‘мне’), т. е. ‘удержать меня’. Причастие пр. вр. + наст. вр. глагола *ik-* ‘делать’ имеет значение ‘быть в состоянии что-нибудь (сделать)’. Ниже представлен еще один пример такого сложного глагольного образования:

نَبْتِكِيغ *nētt kēc* [*nē tta kēc* ‘не может взять’] (*tta-* < ав. прич. пр. вр. *yata-* ‘взятый’). Постановка в обоих цитированных выражениях отрицания в начале, перед причастием, а не перед личной формой глагола (*nē pard ikki*, *nē tta kēc*) может свидетельствовать о понимании носителями хорезмийского языка (так же как и согд. и ягноб. яз., см. ниже) этих образований как единого глагола, где составные части почти не ощущались как отдельные. И в данном образовании, как и в ряде других, хорезмийский

язык идет по пути общему с другими иранскими языками. Подобные образования — причастие прош. вр. + вспомогательный глагол 'делать' или 'быть' в значении 'мочь' — хорошо были известны для согдийского, сакского и ягнобского языков, они известны также для афганского (причастие + глагол *swal* 'становиться'),¹ а инфинитив и вспомогательный глагол — для авестского языка. В научной лингвистической литературе эти образования (для согд. и ягноб. языков) были отмечены в свое время К. Г. Залеманом (Manichaica, Изв. Акад. Наук, 1913, стр. 1140—1141), видевшим, впрочем, в большинстве этих образований не причастие + глагол 'делать', а инфинитив + этот глагол: с глаг. *wn* 'делать' при переходных глаголах: VJ, 311 — *L' βrt wn'y k'm* 'ты не сможешь вынести', 1228 — *L' dryt' wn't* 'пусть не сможет удержать', 1230 — *L' pr''dt wn't* 'чтобы он не мог продать', 1253 — *L' pr''dt wn'y* 'не мог продать'. Эти формы: *βrt*, *dryt'*, *pr''dt* Залеман считал инфинитивами и отличал их, без особого основания, от таких, как VJ, 1273 — *rtu ny ZKw prm'nh L' ptyoštuc wn'nt* 'и они не в состоянии слушаться моего приказа', 691 — *wytw wn'* '(он) мог сказать'. Приведенные там же Залеманом примеры из известных в его время христ.-согд. текстов не вполне показательны по конструкции, ввиду их очевидной зависимости от сирийского оригинала, переводом которого эти тексты являются: *qt' wny... pr sprxšy* 'мог бы служить', *ny qt' wn'q' šm'x pr sprxšy* 'не сможете служить', *ny qt' wn'nq' 'zw... pr qrw'n* 'я не смогу делать', *c'ny qt' wntyq' ... pr qrw'n* 'как он сможет делать'.

В последних примерах, тем не менее, может быть отмечено в значении 'мочь' (что-л.) сложное образование из прич. пр. вр. от глагола $\sqrt{\text{kar}}$ 'делать' и личной формы от *wn*- 'делать' ('сделанное делать') — образование, имеющее аналогию в других иранских языках. Пассивная конструкция в этих образованиях, как отметил там же Залеман, выражается глаголом *βw*- с тем же прич. пр. вр.; также выражается возможность и при непереходных глаголах, что не отмечено Залеманом для согдийского; напр. VJ, 370 — *wyspy šyr'k βyrt βuty rty pyšt z'tk L' βyrt βwt* 'все хорошее может быть приобретено (обратно, вторично), но сын не может быть приобретен (обратно)'. Залеманом отмечены там же эти образования (в страдательном залоге и при непереходных глаголах) и для ягнобского языка, напр. (с сохранением подлинной транскрипции Залемана) *jāft nā wutimt* 'не может быть получено' (пассив), *hičakai na wārd wučī* 'не может быть достигнуто' (пассив), *na ništ wāmišt* 'я не могу сидеть' (непереходный глагол), *na' id wimt* 'не можешь идти' (непереходный глагол). Залеманом не отмечены в ягнобском выражения 'что-нибудь мочь' с глаголом *kit*- 'делать'. Пробел дополнен С. И. Климициким,² приведшим соответственные примеры из собственных записей: *ax hēšī*

¹ Указанием на это я обязан И. М. Оранскому.

² С. И. Климицикий. Зап. Инст. востоков., т. VI, стр. 16—17.

na wōft kuntīšt 'он ничего не может сказать', *mōx īkta kunīm ax nīkta kun* 'мы смогли выполнить, а он не смог выполнить', *axtīt it ark na īkt kunōīšt* 'они не могут выполнить эту работу', *ōdāmt āūtite nē nōt akunōr* 'люди не смогли их забрать', *awōkaī vēk na-š aqudaīrōnt akunīm* 'мы не смогли там переправиться (через реку)', *man iš šūrbo na x^oort kunōmīšt* 'я не могу есть этот суп', *awē hēc čuxse na bizōnt īkta-x* 'его никто не мог узнать'. Рейхельт¹ отличает уже в согдийском языке сложные образования для выражения возможности при переходных глаголах с *wn* и при остальных (непереходных и пассивных) — с *βw*, напр. (при непереход.) (SCE, 380): *KZNH 'PZY 'γw L' n^p'st' βwt* 'так что он не может ложиться', (VJ, 1132-4): *p^r'ZY βγ' 'zw m^s'y m^rty 'ym ny L' 'n^y'št L' ny nystw β^m* 'ибо, о господин, я старый человек и не могу ни подняться, ни сесть'. Рейхельт в этой статье считает вышеприведенные причастные формы, подобные *n^p'st'*, *'n^y'št*, *nystw*, так же как и Залеман, инфинитивами и сравнивает эти образования от непереходных глаголов с ав., где инфинитив с глаголом *bav-* выражает возможность, напр. (V, 15,45): *yavat aēte spāna biš hapta nmāna pa^ri ri tačahi bavan*, 'когда эти собаки смогут обежать кругом дважды семь домов'; (пассив) (VJ, 858-9): *KZNH ZY L' w^rtw L' p^rβ^y'r^t β^y* 'так что невозможно было ни сказать, ни описать'; при переходных глаголах с *wn*, напр. (R., I, 37, 66): *rty čⁿ'w 'yw γⁿ'kh purny wyt wn^y* 'и когда он сможет увидеть один дом полным'. Но уже спустя два года, в цитированный выше статье («Beiträge zur soghdischen Grammatik») Рейхельт отказался от этой точки зрения и считает, что эти образования составлены из причастия с личной формой глагола. Здесь же он указывает на аналогичные образования в сакском языке с глаголом *yan-* 'делать' (ср. согд. *wn*) (Maitr., 236) *uhu hīsu purdu yidānda* 'вы могли победить дух'. Его попытка найти подобное образование в древне-персидском, повторенная за ним в указанной выше статье С. И. Климчицкого (Bh. I, 13), *naiy āha. martiya... kašēiy hya ... gau-mātam... xšad^{am} dītam čaxriyā* 'не было... никого, кто отнял бы власть у Гаумата', должна быть признана неудачной, так как возможность выражена здесь optativ'ом, а не соединением *čaxriyā* с причастием *dītam*. Соответственная форма изъявительного наклонения в соединении с *dītam*: *dītam *čakāra* означала бы только 'он отнял', а не 'мог отнять'. Осенью 1934 года появилось давно ожидавшееся издание согдийских текстов из наследства Фр. Мюллера.² Эти тексты (христ.-согд.) позволили С. И. Климчицкому в указанной статье отметить в значении 'мочь' сложное образование прич. пр. вр. от $\sqrt{\text{kar-}}$ + личную форму того же глагола $\sqrt{\text{kar-}}$ аналогично с приведенным выше в согдийско-буд. прич. от $\sqrt{\text{kar-}}$ + личн. форма от *wn*. Заслугой С. И. Климчицкого является указание там же на параллель к этому

¹ Reichelt. ZII, 7, I, 1929, стр. 147—148.

² F. W. K. Müller. Soghdische Texte, II. Aus dem Nachlass herausgegeben von Dr. W. Lentz. Berlin, 1934.

образованию < *kṛta + kar-* в мунджанском языке со ссылкой на указатель к словарю в работе И. И. Зарубина.¹ На странице 148-й этой работы отмечено *ikar-kən* 'мочь', где *ikar* < прич. пр. вр., а *kən*- основа наст. вр. от глагола $\sqrt{\text{kar-}}$ 'делать'.² Это последнее имеет значение как указание на очевидно широкое распространение подобных сложных образований в восточно-иранских языках. В афганском языке может быть также засвидетельствована категория потенциальности. Формы ее образуются сложением финитных форм глагола *сəz* 'делаться' с распространенной формой причастия прошедшего времени спрягаемого глагола: *zə xat miškāy səm* 'я могу писать письмо'. И. И. Зарубин любезно обратил мое внимание на аналогичные образования и в белуджском языке. Тем самым зона распространения этих образований еще расширяется, перейдя, во всяком случае, на один из западно-иранских языков. (Примеры привожу с разрешения И. И. Зарубина из его записей): *ā vantaḡ na kurt* 'он не мог читать' ($\sqrt{\text{kar-}}$ с прич. пр. вр. переходного глагола), *ā atag na kurt* 'он не мог прибить' ($\sqrt{\text{kar-}}$ с прич. пр. вр. непереходного глагола; в согдо-ягнобском в этих случаях $\sqrt{\text{bav-}}$), *ičč giptaga na bit* 'никак не может быть поймана' ($\sqrt{\text{bav-}}$ с прич. пр. вр. для выражения пассива — то же в согдо-ягноб.).

Приведенные параллели из иранских языков сложных образований, состоящих из прич. пр. вр. глагола и личной формы глаголов: *kar-*, *bav-*, *wn-*, *yan-* и вдвойне сложных (по типу христ.-согд. < *kṛta kar-* и мундж. *ikar kən*) в значении 'мочь (что-нибудь) сделать' — подтверждают правильность чтения хорезмийской цитаты *نی پَرْدِکِّ* как *nē pard ikki* и вынуждают, при данном переводе 'не можешь удержать', видеть в *pard* прич. пр. вр. от глагола < ав. *par-* 'препятствовать'.

کا ای شُغْل نی بوز بیغ

ka i šuyl ni yōzβix 'если вы устроите это дело'.

کا ای شُغْل نی *i šuyl ni* 'это дело' — вин. п., членное имя с препозитивным и постпозитивным артиклем, см. выше, *šuyl* — арабск. заимств. *بوز بیغ* *yōzβix* — 2-е л. мн. ч. согл. от *yōz* < ав. *yaog-* 'запрягать, приучать', ср. согд. *yuc* 'приучать, обучать'; хорезм. *z* в *yōz*, как и в некоторых

¹ И. И. Зарубин. К характеристике мунджанского языка. Иран, I, Ленинград, 1927.

² Пользуюсь случаем исправить опечатку в указанной статье С. И. Климчицкого. Так как цитированная выше посмертная работа Мюллера, использованная автором статьи, вышла из печати во второй половине 1934 г., то, очевидно, статья не могла быть написана 30 апреля 1934 г. В этой же статье ссылка (в тексте) на статью W. Henning (BSOS, vol. VIII, Bd. 3, 1936).

других случаях, < dz — звонкому эквиваленту с(?); -ǰβǰ — окончание 2-го л. мн. ч., ср. выше *ikkǰβǰ kām* 'вы будете делать'. Окончание 2-го л. мн. ч. -ǰβǰ восходит к косвенному падежу личн. мест. 2-го л., к энкл. мест., — категория, которая в ряде средне- и ново-иранских языков служила или служит показателем формы, в той или другой степени сливаясь с глаголом, ср. барт. *tamāš-af-abōxt* или *abōxt-af* 'вы послали', руш. *abōxt-af* 'вы послали', мундж. *vā mən təškāyū tēl'yáf* 'вы моего теленка убили'. *x* — признак вторых лиц, ед. и мн. ч. conj. и пр. вр. < opt. 2-го л. от *ah* — **haih* > *hē*.

کام ای شغل نی بوزیفیغ د حرام افانغ

kāmmi i šuyl nī yōzǰβǰx d harām(a) aβās* 'если вы мне устроите это дело, то пусть будет запрещенным'.

افانغ *aβās* — 3-е л. ед. ч. conj. от *αβα* 'быть'.

اسنادکاستر جفت دارینامی

isnādikastar juft darīnamī(?) перс. پاکدامن و پارساتر شوی می داشتم 'более чистого и добродетельного мужа я имела, чем ты'.

s'nādikastar 'более чистый' — сравнит. степень с суф. *-astar* от отглагольного прил. *s'nādik* 'чистый'. Суффикс *-as-tar* состоит из двух суффиксов сравнения: индо-ир. *-yas-*, ир. *-yah-* (где *-s* сохранилось перед взрывным *-t*) + живой суф. *-tar*, ср. согд. суф. сравнения *-tr*, *-t'r*, *-st'r*, *'tr* < *-ah-* *tar*: *msy'tr* 'больше', *prtr* 'лучше', *pr'wt'r* 'выше', *pntr* 'ближе', *pyrnmst'r* 'ранее', *twytr* 'быстрее', *šy'tr* 'красивый' (?). *sinādik* — отглагольное прил., образованное суф. *-ik* от прич. пр. вр. *s'nād* 'искупанный' от *√snā-* 'купать'. جفت *juft* 'муж' — перс. заимств. دارینامی *dārīnamī* '(я) имела себе (?)': *dārīn* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *dār* 'иметь' + *mī* (себе?).

کاناور اسنادکاستر یاهاغ

kā nāvār 'snādikastar yāhās, перс. اگر او پرهمیزکار و پارساتر باشد 'если он будет более воздержанным и чистым'.

nāvār указ. мест. 'тот, он', ср. ناور *id.?* < *ana + ava*; конечное *-ar* по аналогии с *apara* 'следующий, другой'. یاهاغ *yāhās* — 3-е л. ед. ч. conj. от *yāh* < *ah* < *ahāt*.

ناکش

nākiš 'безпосевный' — перс. заимствование.

ما ناکش نافران

mā nākiš nāβrāγ (?), перс. ای بی کشت و بی درخت 'эй, беспосевный и без деревьев'.

ما *mā* 'эй', ср. ав. *mā*, осет. *ma* 'еще, ну-ка', барт. *ma* 'вот, на'. *nāβrāγ* 'без деревьев'; *βarāγ* 'дерево' (?), согд. *βr'k* 'плод' [не 'без деревьев', а 'бесплодный' (?)].

کفی ای وادذار نی هقرا

kāββa i vād'dāra nē hiβrā 'если я тебя не отдам ветру', перс. اگر ترا
بیاد ندهم

βa 'тебя' < *βvām* — вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. *وادذار* *vād'dāra* 'ветру': *vād* < *vāta*, ср. осет. *yad*, согд. *w't*; *dāra* — показатель дат. п. < *rādiy*, см. выше, ср. согд. *pyd'r* 'ради'. *هقرا* *hiβrā* — 1-е л. ед. ч. соңж. от *haβar* 'давать'.

کا فا ذام نبيخ نی ايخ

kā fa dāma nē yix, перс. اگر بدنبا نروی («это перевод его по-персидски, хотя он и не употребляется среди персов в этом смысле»); 'если ты не пойдешь в мир'.

фа *fa* — предлог направления, места. *ذام* *dām* 'мир', ср. согд. *δ'm id*. *نی ايخ* *nē yix* 'не пойдешь' — 2-е л. ед. ч. соңж. < *i*, *ay*-.

خنما

xunma 'усадьба' (?) (перевод: منزل), перс. خان و مان (?).

کا فاش فا ذام نبا دا ماخی شباور پراغ افیخ

kā βāc(i) fa dāma nē iyā d* māci šiyāvar paγās aβix, перс. اگر از تو
трижды разведена 'если я от тебя не уйду в мир, то ты от меня трижды разведена'.

فاش *βāc(i)* 'от тебя' — косв. п. личн. мест. 2-го л. с послелогом (частицей) исх. п. *نبا* *nē'yā* 'не уйду' — 1-е л. ед. ч. соңж. от < *i* 'итти', *دا* *d** согд. *rty*.

ماشى *māši* — исх. п. личн. мест. 1-го л. 'от меня'. اقبيع *aβīx* 'будешь' — 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa* < *bav*- 'быть'. Исторически данная форма — optativ, согд. β'у.

بدين

badēn (radēn), перс. بی دین 'без религии'.

ماچکچ وید

māčikč(c)a vēda, перс. غر عروس او زن جلب 'жених распутницы или имеющий жену распутную'.

мачкч māčikč(c)a 'распутница', ср. перс. ماج 'поцелуй', ماچیدن 'целовать'; хорезм. *māčik* — отглагольное прилагательное 'целующий', *māčikč(c)a* с суф. ж. р. -*ča* (хорезм. -*sa*?) 'целующая' > 'распутница'. وید *vēda*: *vēd* 'жених' < ав. *vadr̥ya*- 'способный (зрелый) к браку'; конечное *a* в *vēda* — признак зват. п. (?) māčikč(c)a vēda 'о распутницы жених!'

بیاری

biyāriya 'этой ночью'.

biyāriya — мест. п., ср. согд. *γγy* 'на горе', ср. ягноб. *viyora* 'вечер' < *ara-ayar*, ср. осет. *изер* 'вечер' < *из-ayar*.

اود شاغ بیاری

ud šāc biyāriya 'и завтра ночью'.

ауд *ud* 'и' < *utā*. شاغ *šāc* 'завтра' < ав. *uš(ah)* 'утро' + част. *-ty*. Переход значения: 'утро' > 'завтра'.

اود فاذبنك پرم

ud fādēnak param 'до пятницы'.

фадинк *fādēnak* = *fā* + *ādēnak*; *ādēnak* 'пятница' перс. اذینه *id*. پرم *param* — послелог 'до, вплоть до', ср. согд. *prm id*.

خا شی غرک

čā šē(šī) γuduk 'из трех напитков'.

гудук *γuduk*, ср. перс. غدو 'буза' 'potus ex milio' (Vullers).

كَأُخْرَا بِخُنْكَ خُرَا

kā puxtak xurā 'если я выпью вина'.

بُخْتَاك *puxtak* خمر, شربت 'вино' (собств. 'вареное'). خُرَا *xurā* — 1-е л. ед. ч. conj. '(если) выпью'.

بَكْنِين

bakanīna — вин. п. от *bakanīn* 'пиво, буза', ср. перс. سُكْرَه id. بَنِي id., осет. бæнени id.

كَأِزْنَايُ اِكَّا

ka z'nāy ikkā 'если я совершу прелюбоддеяние'.

z'nāy — перс. заимств. *zan* 'женщина' + суф. абстракт. -āy. اِكَّا *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conj. от *ik-* 'делать' < *kar-*.

كَأِجِفْتِ اِكَّا

kā jifta ikkā 'если я женюсь'.

Огласовка в слове *jifta* 'супруга, женщина' ж. р. с *i* из *juft* (перс. заимств.) — под влиянием палатального *j*, как выше.

كَأِهُنَانَ اِخْنَانَ [اِخْنَانَ]

kā hunān(a) ixnā(n) 'если я куплю рабыню'.

ixnā(n) — 1-е л. ед. ч. conj. от *'x'n* 'покупать' < *xrī* || *xrīn*.

كَأِزْنَايُ اِكَّا كَا خَمْرُ خُرَا كَا حَلَالِ اِكَّا

kā z'nāy ikkā kā xamr xurā kā halāl ikkā 'если совершу прелюбоддеяние, если вина выпью, если совершу дозволенное'.

خَمْر *xamr* 'вино' — арабск. заимств., но ср. согд. *xmr* 'вино', в неизданных документах Мугского собрания (идеограмма?). حَلَال *halāl* — арабск. заимствование.

كَأِمَّابَرِ خِيَانَتِ اِكْكَيْخ

kā mābar xiyanat ikkīx 'если изменишь мне' (собств. 'если мне сделаешь вероломство')

خِيَانَت *xiyanat* 'вероломство'. اِكْكَيْخ *ikkīx* — 2-е л. ед. ч. conj.

اود یازی¹ فی نان راون غیرینخ

ud yāzī(?)¹ fi nān rāv^ana γērīx 'и особенно (если) в то поместье вернесья'.

یازی *yāzī(?)* 'особенно' (?) — не ясно, см. выше. راون *rāv^ana* 'поместье, место', ср. осет. *рауаен*. غیرینخ *γērīx* — 2-е л. ед. ч. согд., ср. согд. *γур* 'проходить', мундж. *пэуар* 'выходить'.

کا پختخ خرا اودا بکنین خرا

kā puxtīc xurā udā bakanīn xurā 'если я выпью вина и выпью пива (бузы)'.

پختخ *puxtīc*, ср. выше *puxtak* — здесь именной суф. *c < ċ* с огласовкой *i, -ic*, ср. сказанное выше о передней артикуляции хорезмийского *a* || *ä*. اود || اود *ud(a)* 'и' < *uta*. بکنین *bakanīn* 'пиво, буза', ср. выше.

کا با نانامی دار مرغندنا منخاخ اود ماپش میدا منخاخ

kā yā nānāmiya dāra marγund^anā mancāc udā māpīš miyidā mancāc 'если бы я позвал такую-то и она пошла бы со мною' (E.² перс. пер.

(مرغندنا منخاخ — بانگ کرده باشم).

مرغندنا منخاخ *marγund^anā mancāc* 'я позвал бы' — 1-е л. ед. ч. praeteritum futurum 2-го буд.вр., перс. بانگ کرده باشم. Как указывалось выше, эта форма образовывалась сложением прошедшего времени глагола с частицей *mancāc* от глагола *man-*, ср. согд. *m't*, язг. *mat, mit?* *c < ty*. Пр. вр. глг. *marγund^anā* образовано с преф. *m-* от основы наст. вр. **rγun(d)*, ср. осет. *унерγун* 'подавать голос', ср. перс. بانگ کردن, согд. *wnγr* 'голос': *marγundānā* в согласии с его осетинским эквивалентом — глагол непереходный, как показывает зависящий от него дат. п. *yā nānāmīya dāra*. ماپش *māpīš* 'со мною', ср. *βātpīš* 'с тобою', *hīpīš* 'с нею'. Послелог *pīš < apī + š*, ср. согд. *ptyš, pyš, py*, ягноб. *pi 'c'* (R., II, 32—35). میدا منخاخ *miyidā mancāc* — 3-е л. ед. ч. 2-го буд. вр. от *Vī- miyidā* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с прист. *m-*.

¹ Вар. او یازی *na* на поле (خی و یزی) *شوی* *خپویزی* *یعنی* *بازی* 'конечно'.

² Одна из рукописей, лежащих в основе издания.

کاهی مکننا منخا اود کاهی اکا

kāhī mikkinā mancā ud kāhī ikkā 'если бы я женился на ней и если женюсь'.

mikkinā mancā — 2-е буд. 'сделал бы', подразумевается *nikāh* 'брак'.
hā — энкл. мест. 3-го л.

کا ای چرمین اوزار

kā i ě(c)armīna uvvuzāri 'если кожи наши соприкоснутся'.

چرمین *ě(c)armīna* 'наши кожи', *-na* — энкл. мест. 1-го л. мн. ч.,

ě(c)arm 'кожа', ср. согд. *ĕrt*, осет. *царм*. *اوزار* *uvvuzāri* '(если) соприкоснутся' — 3-е л. мн. ч. conj. medii(?), ср. выше, от < *ava vaz*, ср. согд. *rcwz* 'встречаться'.

کا شی جنگراک اِخفا آماد کاپساوا

ka si ĵunkarāka ixfa āmādi kā pissāvā 'если я возьмусь за ручку (деревяшка, которой вертят ручной жернов), особенно же если я буду молоть'.

ĵunkarāk 'деревянная ручка', ср. перс. چنگال. Предлог *si* придает здесь значение партитивности: 'возьмусь за ручку' (не 'возьму ручку'). *اِخفا* *ixfā* — 1-е л. ед. ч. conj. от **xʃ < grb-*, ср. выше. *آماد* *āmā i* — наречие 'особенно же, не говоря уже о том, что', ср. согд. **mtjē*, ср. выше *پساوا* *pissāva* '(если) я буду молоть' — 1-е л. ед. ч. conj. < *pati-sav-*, ср. перс. *سودن* 'тереть'.

اَفْتَرُ کا پساوید

aftar kā pissāvīd 'раньше чем молот'.

اَفْتَرُ *aftar* 'раньше', ср. согд. *prtr*, др.-перс. *fratarā-*. *پساوید* *pissāvīd* 'молот' — 3-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше.

آماد کا پساوا

āmādi kā pissāvā 'особенно если я буду молоть', ср. выше.

آمد *āmādi* 'особенно, действительно', согд. **mtyc*, ср. выше.

كَنْدِ پَسَاوَا

kāndi pissāvā 'если я буду молотить для тебя'.

كَنْدِ *kāndi* 'если (*kān*) для тебя (*di*)'.

دِ مِی وَكِفِّ اِكْکَامِ اود اَرْخِ

dⁱ mī vakiffi ikkikām ud arx, перс. بس اندوه و رَشَك خورانی مرا 'затем дашь съестъ меня тоске и ревности'.

Перевод хорезмийской фразы точнее: 'и мне такую(?) тоску сделаешь и ревность'.

كِفِّ *vakiffi* 'такую(?) тоску': *va + kiffi(?)*; *va* < авест. *ava-vant*, осет. *ya* (первая часть сложного слова), согд. *w'* id. 'такой' (в начале сложн. слова), *kiffi* — косв. п. от *kif* 'горе' (перс. اندوه), ср. перс. کفا (و رنج و سخنی و) id. (محنت و تنگی) id. اَرْخِ *arx* 'ревность, зависть', ср. согд. **r'skw* (R., II, 32, 5), ав. *araska*, перс. رَشَك id., хорезм. *arx* < *arxš*.

كَنْعِ اَخْنَا

kānci ixnā, перс. اگر خرم 'если куплю'

كَنْعِ *kānci* — *kān* 'если' + *ci* < согд. *ty* — усилит. частица. اخْنَا *'ixnā* —

1-е л. ед. ч. conj.: *xrī* || *xrīnā*, ср. выше.

كَنْعِ يَا نَانَامِكِ پَرِيخَا فِي وَيَاكِ

kānci yā nānāmki pirēxxā fi vyāk перс. اگر فلانہرا بمانم در خانہ من 'если я такую-то оставлю в моем доме'.

كَنْعِ يَا نَانَامِكِ *yā nānāmki* — сложное указ. мест. с артиклем в косв. (вин.) п.

پَرِيخَا *pirēxxā* '(если) оставлю' — 1-е л. ед. ч. conj., ср. согд. *pr'yč* id., хорезм. *x* по аналогии с прич. (= 3-е л. пр. вр.) **pirēxt(?)*, ср. перс. رِيخت *vyāk* 'дом', ср. согд. *vy'k* 'место', средн.-перс. *vyāk*, *vyāy*, н.-перс. جا 'место'.

کَاندِ پَا تَسُوِيْ کَابِيْنَ اِکَا

kāndi pā tusuv'ya kābīna ikkā, перс. اگر ترا بتسو کابین کنم 'если я женюсь на тебе за грош'.

تَسُوِيْ *tusuv'ya* — местн. п. с оконч. *-ya*, ср. согд. *y'*. *tusu*, ср. перс. تسو, арабск. *طاسوج* < средн.-перс. *tasuγ* 'вес четырех зерен ячменя' — шестая часть мискаля, динара. Этимологически *tasu* есть чисто персидское (средне-персидское) слово < др.-ир. *čadru-* 'четыре'.

کَامَابَرُ خِيَانَتِ اِکِيْغُ

kāmmābar xiyānat ikkīx, перс. اگر بر من خیانت کنی 'если изменишь мне'.

kā — союз. *mābar* (с удвоенным *m* после гласного, как часто здесь) — мест. 1-го л. с посл. اِکِيْغُ *ikkīx* — 2-е л. ед. ч. conj., ср. выше. *خیانت* *xiyānat* 'измена' — арабское заимствование.

نَا ز خِي بِيْزَارِ يَمِّ

naz cī bīzār 'y'm^{ma}, перс. من از آن بیزارم 'я свободна от этого'.

نَا *naz* 'я' аз id., ср. выше *mikkīn az* 'я сделал' || *mikkīnnaz* || *mikkīn + naz*. خِي cī 'от этого' — предл. с + *ī* — указ. мест. 'этот'. *بِيْزَارِ* *bīzār* — перс. заимствование. يَمِّ *'y'm^{ma}* 'я есмь' < *ah* — 1-е л. сущ. глагола.

اَفَاخِ بِيْتِ يَا وُدُّ شِيَاوَرِ پَرَاخِ

aβāci 'y't^{ta} yā vud šiyāvra paḡās 'разведена ли от тебя (есть) жена трижды'.

اَفَاخِ *aβāci* 'от тебя ли': *a* — вопр. част., *βāci* — мест. 2-го л. с послелогом. بِيْتِ *'y't^{ta}* 'есть' — 3-е л. ед. ч. сущ. глаг. وُدُّ *vud* 'жена', ср. согд. *wδw*, мундж. *wəla*.

کَزَاکِ

kaḡāk 'нет'.

када-ка 'как' (?) > 'нет', ср. выше.

اقاخ يت

aβāci yⁱt^{ta} 'есть ли от тебя', ср. выше.

يازیا با هزار یاویر

yāzyā bā hazār yāvīr [т. е. *yāvār*, ср. выше] 'особенно (действительно) тысячу раз'; يازیا, перс. بارى, не ясно. [Читать вм. يازیا — بارى?].

يازیا با هزار یاویر

yāzyā bā hazār yāvīr 'особенно (действительно) тысячу раз', ср. выше.

کاندا اوزاخ نین

kānda uzāc nīna 'если выйдет эта'.

کاندا *kānda* — *kān* 'если' + دا *d^a* < *rty*, т. е. 'и если'. اوزاخ *uzāc* — 3-е л. ед. ч. сопж. от глаг. *vaz*, ср. выше *uvvuzārī* '(если) соприкоснется' < *ava-vaz-*. *nīna* — указ. мест. ж. р. 'эта' = *nī* + *na*.

د کاهین نی هفریح

dⁱ kāhīna nē hiβrīx 'и если ты не дашь ей это'.

هفریح *hīna* 'ей это': *hī* — энкл. мест. 3-го л.; *na* — указ. мест. هفریح *hiβrīx* (если не) 'дашь' — 2-е л. ед. ч. сопж..

اخوا ماخ ای خبسک شغل نیکیغ

acvā māci i xubsak^a šuyl nēkkēs, перс. چرا از من کار خود نمبازد یعنی (букв.) 'почему от меня свое дело не делает, т. е. почему он не оставляет меня в покое'.

اخوا *acvā* 'почему?': *a* — вопр. част., خوا *c'va* — ср. согд. *čw*, 'čw. ماخ *māci* 'от меня' — личн. мест. 1-го л. с послелогом *ci*. خبسک *xubsak^a* 'свое' < **x^aарадака*, ср. шугн. *xibaδ* 'сам', согд. *xurδ* 'сам'. В слове *xub-sak*; *s* < *δ*, как в одном из ягнобских говоров (восточном). В каких случаях иран. *δ* > хорезм. *s* пока не ясно (после согласных?). نیکیغ *nēkkēs* — 3-е л. ед. ч. наст. вр. 'не делает'.

کا یا ہنانَ نِ فی بیعامِ خیاغ

kā yā hunāna nī fī bay'am siyās, перс. اگر ببيع در آید, 'если эта рабыня войдет в мою покупку'.

کا یا ہنانَ نِ *yā hunāna nī* 'эта рабыня' — сущ. ж. р. с оконч. *-a* и артиклем, препозитивным *yā* и постпозитивным *nī*; первый изменяется по родам (*i*, *yā*), второй — не изменяется. بيع *bay'* 'покупка' — арабск. заимств.; *-am* — энкл. мест. 1-го л. خیاغ *siyās* — 3-е л. ед. ч. conj. от *siya-* < др.-инд. *śiyāva*, др.-ир. *šiyāva-*, ср. осет. *цауун*, согд. *šw-*; хорезмийский язык в данном случае ближе к осетинскому (с его *c*), чем к согдийскому (с *š-*).

گاهِ نکاحِ اکتکِ ذارییِ اوداِ هیغِ اگا

kāhi nikāh iktak dāriyāyē ud' hīc' ikkā, перс. اگر نکاح کرده باشم و 'если бы я женился на ней и если женюсь на ней'.

اگتکِ ذارییِ *iktak dāriyāyē* — optativus perfecti. Перфект в хорезмийском языке, как видно по этому примеру, образуется, как и в согдийском языке, посредством соединения причастия пр. вр. с наст. вр. глагола *dār-* 'иметь': ذارییِ *dāriyāyē* — optativ от глагола *dār-*, образован посредством присоединения к conjunctiv'у частицы *ē* || *hē* — признака optativ'a. اگتکِ *iktak* — прич. пр. вр. от *ik-*, согд.-христ. *qt*. Значение этой формы (*iktak dāriyāyē*) при союзе *kā* — ирреальное условие (?) هیغِ *hīc'* — энкл. мест. 3-го л.: *hīc'* + част. *c < ty*. اگا *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conj.

گاهِ یوزیانِ ایِ شُغلِ نِ

kāhi yōz'yān i šuyl nī, перс. اگر بسازم این کار را, 'если я устрою (ему, ей) это дело'.

یوزیانِ *yōz'yān* '(если) устрою' — 1-е л. ед. ч. conj. от *yōz* < ав. *yaog-*, согд. *ywč*, ср. выше. ایِ شُغلِ نِ *i šuyl nī* 'это дело' — вин. п. членного имени.

پراغِ هاقاغِ که کابینِ اگامکام

paḡās hāḡās kaḥi(?) kābīn ikkāḡm kām, перс. ملاق اورا باد کی نکاح بکنم, 'пусть будет развод той, на которой я женюсь'.

مافاغ *hāḥāc* ‘пусть будет’ — 3-е л. ед. ч. сопј. от *ава-* ‘быть’ — соединение двух основ: *ah-* и *bav-*, ср. курд. *həvî* ‘был’. Смысловые оттенки форм *hāḥāc* и *аḥāc*, их отношение друг к другу, не ясны (будет и станет?).

خا نكاح اگا د حرام اقار

sa nikāhi ikkā d^a haḡāmi aββāri, перс. *نکاح کرده باشم حرام باشد* ‘брак, который я заключу, пусть будет запрещенным’.

اقار *aββāri* — 3-е л. мн. ч. сопј. (*medii?*).

د شياور پرادك افاغ

dⁱ šiyāvāra parādak aββāc ‘то пусть будет разведена трижды’.

پرادك *parādak* — прич. пр. вр. с суф. *-ak* < **apa-rāta-ka-*.

د حرام نيٚ كام

dⁱ haḡāma nīḡi kām ‘то ты станешь (собств. ‘сядешь’) запрещенной’ — глагол состояния в функции вспомогательного; ср. аналогичные образования в таджикском языке, *nīḡi kām* ‘сядешь’, ср. согд. *nyd*.

گاه يادوان ذار هقرا

kāhhiyād^avān dāra hiβḡā ‘если ее двум я отдам’.

Следует читать: *kāhhi^aad^avān dāra*, где *y* — переход между *i* и *a* для избежания зияния, *a* в слове *ad^avān* — протетич. гласный, ср. согд. ‘два’. *هقرا* *hiβrā* — 1-е л. ед. ч. сопј. от *haβar* ‘давать’.

امغ

amḡa перс. *مرغ* ‘курицу’ (согл. арабск. переводу *دجاجة*).

amḡa — с протет. гласным и выпадением *r*, ср. согд. *mry*.

شور

šōr ‘соленый’, ср. перс. *id*.

خَا خُشُو خِسَنِ قَاتِحِ نِي خُرَامِ دَخِي اِنْعِ مِيْتَحِيَاهِ خُوبِ خُرْدِ

ca xuššuva xisni βās nē xurām d^a si ēxmēnciyahi cōb xurd^a ‘из тещи вещей от тебя(?) не буду есть, а (из) ледяной ее воды выпил’.

خَا ca ‘из’. خُشُو xuššuva ‘теща’, ср. согд. ’γwšh. خِسَنِ xisni ‘имущества, вещей’ — род. п. ед. ч. от xisn, ср. согд. γnz, перс. گنج, ср. выше. اِنْعِ مِيْتَحِيَاهِ خُوبِ cī ēxmēnciyahi cōb ‘из ледяной ее воды’: cī ‘из’. Колебание огласовки этого предлога, в зависимости от гласного следующего слога, указывает на редуцированный характер этого гласного; ēxmēnca ‘ледяная’, ēx ‘лед’, ср. согд. yudyn (вм. yudn ‘ледник’), осет. йēx, ix ‘лед’ < ав. aēxa-, tēnca — суффикс, образующий прилагательные ср. согд. -tynč id., напр. ’ynčtynč ‘женская’, y’tmynč ‘мясная’, ‘телесная’; ēxmēnciya — косв. п. ж. р. с оконч. -iya, ср. согд. оконч. -y; hi — энкл. мест. ‘ее’; خُوبِ cōb ‘вода’: ēxmēnca cōb ‘ледяная вода’, cōb ‘вода’ < cōb < jōb, перс. جوب || جوی ‘канал’ — старое заимствование из персидского языка. خُرْدِ xurd^a ‘выпил’ — 3-е л. ед. ч. пр. вр.

رُوبِيدِيدِ

rubidīd(a), перс. رُبُودِشِ ‘похитила (его)’.

rubīdīd — перс. заимств. 3-е л. ед. ч. пр. вр., образованное от перс. основы пр. вр. rubīd-.

پِشْمِکَاکِ

picimcāk^a, перс. پِشْمِکَاکِ ‘одевать, одевание’ — инфинитив с оконч. -āk, согд. ’k, ягноб. -ak id., ср. согд. ’wy zβ’k dymčk tmyh ‘в ад вытягивания (где вытягивают) языка’ (SCE, 254-5), ягноб. vīnak ‘видеть’, ср. Gr., II, 57. Gr. Ir. Ph. I, 2, 337, picimcāk < pati-mič-, ср. согд. ptmčč ‘одевать’.

کَانَحِي خِي رِيسَادِ بِشْمِکَاکِ

kāncī si rēsadi picimcā, перс. اِگَرِ بِيْشْمِکَاکِ اَزِ رِيشْنَهٔ نُو ‘если одену из твоей пряжи’.

کَانَحِي kāncī — союз kān + cī < ty, ср. выше. رِيسَادِ rēsadi ‘пряжа (rēs^a) твоя (di)’: rēs, ср. перс. rēs- ‘прясть’. بِشْمِکَاکِ picimcā ‘(если) одену’ — 1-е л. ед. ч. conj., ср. выше.

کانخی شی وژیړ

kānci ci ʿvižir (?) (рук. *vižid*), перс. اگر ببوشم از ریسمان تو 'если одену из твоих ниток', ср. мундж. *wurž*, шугн. *wurʃ*.

کامت شی نورانیان حسن پریختا

kāmmiθ ci nūrāniyān xisn pirēxxā, перс. پیش از امروز اگر باین خانه 'после этого (нынешнего) дня если оставлю (в этом доме) вещь (принадлежащую) другим'.

miθ 'день', ср. согд. *myd*, шугн. *mēθ*, язг. *mīθ* 'день', осет. *met*, *mit* 'снег'. *nūrāniyān* 'нынешний, сегодняшний', ср. подобное сочетание *nwr* и *myd* в согд. 'kw nwr myd 'до сегодняшнего дня' (VJ, 445).

کاتاد دها

kān*di dahā перс. اگر ترا زنم 'если я ударю тебя'.

dahā 'если ударю' — 1-е л. ед. ч. сопж. от *dah-* 'бить' < индо-ир. *dhā-* || *dadhāti* 'класть, ставить'. гр. *τίθημι*; в иран. языках 'бить': ср. мундж. *zə dəm*, *dum*, ср. руш. *də-*, *dey-*, язг. *da*, *de*, ишк. *də*, *ded*, вах. *di döy-* || *döyt*, *dyöt*, барт. *dey* || *det*, перс. *dah-*: *bayārānš farmūd kandar nihēd*, *batīr ū ba žūrīn u xanjar dahēd* 'друзьям своим приказал: «приналягте, стрелами, дротиками и кинжалами (его) побейте (поразите)»'. (Шохнома, изд. Vullers'a, стр. 863, стих 1594).

دی دسته پاروئید

di dastihī pārvuccīd(a) перс. نافت دست اورا 'он крутил ее руку'.

di вм. *diā*, где *d* < *ry* یا *yā* — артикль ж. р. к *dast* 'рука', ср. выше. *pārvuccīd(a)* 'крутил' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *ā* основы от глагола *para-vart-*; тот же глагол в значении 'становиться' — *pārvuz* = согд. *prw'st*.

اود ای سارخونه ای اردن دار هافرَد پشکَب

ūd i sārḫūtili i arḏan ḏāra hāḫird(a) picḡab, перс. سر وی را بدبووار زد 'ударил ее голову об стену'. Буквальный перевод хорезмийского текста не вполне ясен.

sār 'голова', ср. согд. *s'r. xūt* 'сам', ср. согд. *γtw* — согласный *t* не озвончен, вопреки закону хорезмийской фонетики: *t > d* после сонорных; условия этого исключения не ясны, заимствование? *i sār xūtihī* 'ее голова (y)'.
 ذَارَ اى ارذن دَارَ *i ardan dāra* — косв. (дат.) п. от *ardan* — значение последнего не ясно, ср. ав. *aradna* 'локоть (мера)', перс. آرن, др.-перс. *arāšni* (?), т. е. *i ardan dāra* 'на расстояние локтя' или ср. ав. *arəda* 'сторона' —

i ardan dāra 'в сторону' (?). هَابِرْدَا *hāβirda* 'дал' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. پِشْكَبَ *pickab^a* 'стена' (на основании контекста и этимологии) < *pickab^b* < < др.-ир. **patiškamba-*, ср. согд. *ptšknb* (значение согдийского слова, выведенное Готью в издании SCE на основании единичного употребления, следует уточнить согласно хорезмийскому и др. эквивалентам: перс. پشکم 'портик, сени', арм. պատշգամբ — то же, ав. *fra-skamba* — то же.¹

كَانْحِيَرٍ بَيْنِنَا مِنتَخَاخْ وَأَنْحِيَدَ بَا مَاسْنَا مِنتَخَاخْ خِي نَانِ اِحْسِنِ

kāncīd^a pīnīnā (?) *mincāc vāncīd ba māsnā mincāc cī nānⁱ 'xs'n*, перс. اگر چیزی دور کرده باشم یا گرفته باشم از این چیزها или возьму из этих вещей'.

pīnīnā, ср. согд.-ягноб. *pyñ* (?) 'удалить, открывать' < *apa-pay-? kīn-cīd^a* 'если что-нибудь': *kā-n* 'если', *cīd* 'что-нибудь', ав. *cit. vāncīd ba* 'или что-нибудь': *vā-n* 'или', ср. выше *ba* < *pati, māsnā mincāc* — 1-е л. ед. ч. 2-го буд. вр. от *as-* 'брат', ср. выше. 'xs'n 'вещь' < согд. *γnz-*, ср. выше.

كَا اى چرمینَ اُورَارِ

kā i čarmīna uvuzāri 'если соприкоснутся наши кожи'.

uvuzāri — 3-е л. мн. ч. conj. medii, ср. выше.

شِ مَاهِ

ši (šē) māhi 'три месяца', ср. перс. ماه, согд. *m'γ*, осет. *май*.

كَقَاتِ فِي پِشْخَاسِ خِيَا

kāββāð fi picxāsa ciyā 'если я войду в постель с тобою'.

βāð 'с тобою': *ð* — послелог < ав. *hada*, ср. согд. предл. *ð* (*ð'wt dnt*), ср. *tāð* 'со мною', *hið* 'с ним'. *پشخاس* *picxās* 'постель',

¹ Н. Hübschmann. Armenische Grammatik. Leipzig, 1897. — Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1905. — E. Benveniste. Textes sogdiens. Paris, 1940.

ср. согд. *рс'уз* 'опускаться' (?). *خيا* *siyā* '(если) войду (пойду)' — 1-е л. ед. ч. сопј., ср. осет. *цауон* *id.*

كا سَكُنْدُ خُرَا

kā s'kund xurā 'если я поклянусь', ср. выше.

كَفَانِبِشْ كَارْكَرِيكِ اِگَا خَابِر

kā fānpiš kārgirik ikkā sāpar, перс. *اگر بعد ارس با دو کارکر کنم* 'если с тобою полевою работу я буду делать после этого'.

فانبیش *fānpiš* 'с тобою', послелог *piš* 'с', ср. согд. *пуš* *id.* (R., II, 32, 33), ср. выше. *كار كريك* *kārgirik* — абстрактное образование от перс. заимств. слова *کارگر* 'земледелец, батрак' посредством хорезм. суф. абстрактности *-ik*, ср. согд. *-y'k* *id.* *خابر* *sāpar* 'сверх, над > после', ср. согд.-христ. *č'p'r*, перс. *ازیر*.

كا آسِرْدُ كَارْكَرِيكِ اِگَا

kā āsirḍ kārgirik ikkā, перс. *اگر امسال کشاورزی با کدیوری کنم* 'если я в этом году буду делать (обязанности, функции) кишаварза или кадивара'.

آسِرْدُ *āsirḍ* 'в этом году', ср. перс. *امسال*; *sirḍ* 'год', ср. согд. *srd* *id.* *ā* 'этот' — указ. мест., ср. осет. *абон* 'сегодня (этот день)', *азар* 'в этот вечер', *асарды* 'в это лето', *азымеджы* 'в эту зиму', *ауалдзеджы* 'этой весной', *афæззеджы* 'этой осенью'.

آسِرْدُ فَا كِشْتِكِ نِيكَام

āsirḍ fā kištīk nē⁽¹⁾kkām, перс. *امسال کشت نکنم* 'в этом году я не буду делать (собств. 'не делаю') посева'.

kištīk — перс. заимств.: *kišt* 'посев' + хорезм. суф. абстр. *-ik*, ср. выше *kārgirik*. *فا* *fā* — предлог, означает место, направление: *fā kištīk* 'на посева (?) (не буду работать)'.

كا هَيْثُ + اِنْكِشْتَاوُكُ (?) اِگَا

kā hīθ⁺ ankištāv^k ikkā, перс. *اگر انبازی بکنم باو* 'если с ним товарищество (для посевов, см. текст) сделаю'.

hǎθ ‘с ним’, ср. *mǎθ*, *βǎθ* ‘со мною, с тобою’, ср. выше. *انكشتكوك*⁺ *+ankištkaōv* ‘совместный посев, товарищество’ — конъектура; в рукописях: *انكشتكوك*, *انكسوك* и т. п. *an* < *ham*, *kištik* — перс. заимств., ср. выше; *-āv* ‘к’ — суффикс абстрактности.

کا هید ای نانامِ دَارَ اِکْیَغ

kā hēd^a ī nānāmi dāra ikkīx ‘если это такому-то сделаешь (расскажешь)’.

هید *hēd^a* ‘это’ — указ. мест., ср. согд. *γυδ*. *اِکْیَغ* *ikkīx* — 2-е л. ед. ч. усл. накл., ср. выше.

خِرْدَانِ کَا یَاهَامِیْنِ

... *kā yahāmini*, перс. *چندانک مادام کی باشم باهم باشم (باشیم)* ‘пока мы будем (вместе)’. Исправляю первое слово *خِرْدَانِ* (не понятное и не дающее контекста) на *خندان*, для чего требуется лишь перенести точку с *ذ* на предыдущую букву и соединить эту последнюю с *د*. При чтении *sandān kā yahāmini* получается перевод, соответствующий персидской глоссе, соответственно хорезм. *sandān kā*, перс. *چندانک* и согд. *čntn*. *یَاهَامِیْنِ* *yahāmini* — 1-е л. мн. ч. сопж. *medii* (?) от *Vāh* ‘быть’, ср. выше.

ای فِتْمِیْکِ سِرْدِ کِوَا نِغْسَامْکَام

i fitmēck sirḍ kivā niyasāmkā ‘в первый год, что я в него (город?, см. текст) прибуду’.

فِتْمِیْکِ *fitmēck* ‘первый’, ср. согд. *prtm*, *prtmčyk*, *βtm*, согд.-христ. *ftm*. перс.-ман. *afradum* id. < *fra-tama* + суф. *čyk*. *سِرْدِ* *sirḍ* ‘год’, ср. выше, согд. *srḍ*. *کِ* *ki* ‘что (в который)’ — относит. мест., согласовано с *sirḍ*; *وَا* *vā* ‘в него’ — краткая форма косв. п. личн. мест. 3-го л., ср. *mǎ*, *βǎ*. *نِغْسَامْکَام* *niyasāmkā* ‘прибуду’ — 1-е л. ед. ч. буд. вр. от глагола *ni-yas-*, ср. выше *غاز* и осет. *гъазун*.

کَانُورِ فَا مَادَ نِی نَغْسِیَغ

kā(n)nūr fā māda nē niyasīx, перс. *اگر امروز بهادر نرسی* ‘если сегодня не прибудешь к матери’.

См. выше глоссу, где глагол *niyas* имеет значение ‘приходить’. Перевод хорезм. *نور* *nūr* (собств. ‘ныне’), перс. *امروز* ‘сегодня’ указывает, что

здесь подразумевается пропущенное *mið* 'день' (*nūr mið*), как часто здесь и в согдийском. *مَادَ māda* < др.-пр. *mātā*, согд. *m't*. *نی نغسیخ nē niyāsīx* '(если не) придешь' — 2-е л. ед. ч. сопж.

کامث نور اگا فی نان ویاک

kā(m)mið nūr ikkā fi nān^a vyāk^a, перс. *اگر در این خانه باشم امروز* 'если в этом доме буду (собств. 'буду делать' *ikkā*) сегодня'.

میت نور mið nūr 'сегодня' (собств. 'день нынешний'), ср. выше. *ویاک vyāk* 'дом', перс. *خانه*, но ср. согд. *wy'k* 'место, местность', ср. перс. *vyāy* id.

کاس فی پسخات نی افاق

kās fi pīsxāθ nē aβās 'если я не раскаяюсь в этом', (собств. 'если в раскаянии (?) не будет' — 3-е л.).

پسخات (рук. *پسخات* без точек под первой буквой) *pīsxāθ* 'раскаяние', ср. согд. *''γd'k* 'желание'.

کامث یاها

ka maθ yaḥā 'если здесь я буду'.

ماث maθ 'здесь' < *imaḥa*, ср. согд. *mθ*. *یاها yaḥā* '(если) буду' — 1-е л. ед. ч. сопж. от *Vāh-* 'быть'.

کام غویخی

kā(m)mi γāvīxī, перс. *اگر تو مرا می بایی* 'если ты мне будешь нужна'.

غویخی γāvīxī — 2-е л. ед. ч. сопж. от *γav-*, согд. *γw-*, ср. выше.

غویمی

γāvīmī, перс. *می بایی مرا* 'ты мне нужна'.

γāvī — 2-е л. ед. ч. наст. вр., *mī* — энкл. мест. 1-го л.

غوخام می

γūsāmī miyi, перс. *می بایستی مرا* 'ты мне была нужна'.

γūsā — прич. пр. вр. от глагола *γav-*, ср. выше. *miyi* — 2-е л. ед. ч. пр. вр. (без *-x*) от *Vāh-* || 'y 'быть', *γūsā miyi* 'нужная ты была'.

كَلِمٌ غَوِيخٌ

kām̄mi ḡavīxx, перс. اگر مرا بایی 'если ты мне нужна'.

ḡavīxx — 2-е л. ед. ч. сопј. Есть ли разница между ḡavīxi и ḡavīxx?

اَهَامٌ نِي غَوِيخٌ

ahā(m)mi nē ḡavēs; дамма над غ указывает на редуцированный характер гласного, приближающегося под влиянием след. *v* к *u*, перс. چرا نباید مرا, 'почему не нужна мне?'.

ahām ahā(m)mi 'почему мне' — вопр. част. ahā + энкл. мест. 1-го л. -mi.

ḡavēs (ḡvēs) 'нужна' — 3-е л. ед. ч. наст. вр., ср. выше.

كَلِمٌ غَوَاخٌ اُودَاهِ نِكَاحِ اَكَا

kā(m)mi ḡvās uda(h)hi nikāh ikkā, перс. اگر مرا باید و نکاح بکنم 'если мне будет нужна и я женюсь на ней'.

ḡvās — 3-е л. ед. ч. сопј اوداهِ uda(h)hi 'и на ней' — ud 'и', hi

'на ней' — энкл. мест. 3-го л. اكا ikkā — 1-е л. ед. ч. сопј. от ik-, < kar-.

كَلِمٌ غَوَانِي اِقَاخٌ فِي بَحْمَعَدٍ وَاِنِيدِ

kām̄mi ḡvānī aβāc fī pičmūd vānēdi, перс. اگر مرا در بایی بود بجامه تو 'если у меня будет нужда в твоей одежде'.

ḡvānī (ē) 'нужда' — суф. абстр. -ānī (-ē), ср. согд. -wny: 'z'wny 'форма бытия, бытие'; ḡd'wny 'воровство'. ḡvānī (ē) переведено точно перс.

اِقَاخ aβāc — 3-е л. ед. ч. сопј. от аβа- 'быть'. بَحْمَعَد pičmūd 'одежда', ср. согд. ḡt'ym'ynč 'он надел' (VJ, 13), перс. موزه; в слове pič-
mūd — обычное для согд., хорезм. и осетинского озвончение конечного

зубного с предыдущим спирантом, ср. осет. сунзд, авд. вānēdi 'такой' (?) — указ. мест., vāt, ср. согд. w'n'k, w'n'w, w'n'y + мест. 2-го л. Перевод точнее '... в такой твоей одежде'.

كا في (فی) خوب خیا فغنيك و ابا بشمغريك

kā fi (βi) cōb siyā βaγnik vābā ričmuγdik, перс. اگر برهنه باب در آیم یا. بوشيله 'если в воду войду голым или одетым'.

خوب cōb 'вода' — старое заимств. из перс. (?) с оглушением начального согласного < др.-перс. *yauviya* 'канал' > н.-перс. *جوی, جوب* > хорезм. *cōb* 'вода (арыка, канала)', ср. выше. خیآ siyā '(если) войду' — 1-е л. ед. ч. сопј., ср. выше. فغنيك βaγnik 'голый', ср. согд. *βγn'k*, осет. *бaлгнaл* id. بشمغريك ričmuγdik 'одетый' — отглагол. прил. с суф. *-ik* от прич. пр. вр. *ričmuγd. vābā* 'или', ср. выше < *vāpati*.

بشمغريك

ričmuγdik 'одетый', ср. выше.

پرمك واجب (sic!) كيازينك فرامكامی

parmik vājib kiādēnak βarāmkām(ē?), перс. بر من واجب که روز آدینه. روزه دارم 'на мне обязанность, чтобы я постился в день пятницы'.

Написание واجب вм. واجب в заимствованном из арабского языка слове не выражает реально долгого *i*. پرمك parmik 'на мне', ср. *stak* 'от меня'. Союз цели ك ki под влиянием перс. (?) اذينك ādēnak 'пятница', ср. перс. *id.* فرامكامی βarāmkām(ē) 'чтобы я соблюдал (собств. 'нес')' — 1-е л. ед. ч. буд. вр. с част. *-ē* — призн. optativ'a в зависимом предложении (?).

کام غويغ اود کاف ذاربا

kā(m)mi γ"vix ud kāβza dāriyā перс. اگر بیای مرا و بدارم من ترا. غويغ 'если ты мне будешь нужна и я буду держать тебя'.

غويغ γ"vix — 2-е л. ед. ч. сопј., ср. выше. ف fa (fa) — вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. 'тебя' < *θvām*. ذاربا dāriyā — 1-е л. ед. ч. сопј. от *dār* по классу на *-ayā*.

کماپر عدلیه رنگ یاهاغ

kaṁpar adlik rang yaḥās 'если на мне цвет (монеты) адли есть'.

عدلیه adlik: *adl* (арабск. заимств.) — название монеты + суф. прил. *-ik* > *adlik* — определение к след. слову. یاهاغ yaḥās — 3-е л. ед. ч. сопј. от *Vāh-* '(если) будет'. رنگ rang — перс. заимствование.

دَسْكَند خرامكام و ابا خردك پاروزد

d'sⁿkand xurām kām vāba xurdak pārvuzda, перс. سوکند خورم یا خورده شد
'то я съем клятву или съедена'.

خردك *xurdak* — прич. пр. вр. с суф. -ak. پاروزد *xurdak pārvuzda* —
passiv, ср. выше, ср. согд. *prw'st-*, хорезм. *pārvuzi^a*.

شیک خرامكام و ابا خرغ پاروزد

šik (šēk) xurām kām vāba xurc pārvuzd^a, перс. سه طلاق بخورم یا خورده شد
'три развода я съем или съедены'.

شیک *šik (šēk)* 'три, трое' — субстантивированное числ. от *šī (šē)* 'три' + именной суф. -ak. Возникновение дублетов *xurc* (как в этой фразе) и *xurd(ak)* (как в предыдущей) обусловлено фонетически (следующим за зубным гласным), ср. выше.

کا شی خسنیم بردك شيك خرج اكيغ فينی شی نفقت

kā cī xisnīm +yudak c'mak xarj ikkīx finī cī nafakat (испр. بردك на بوزك),
перс. اگر بکسی دیگر از نفقت از چیز خرج کنی بی اجازت من 'если из моих
вещей помимо меня истратишь на другое, кроме как на (твое) содержание'.

خسنیم *xisnīm* 'мои вещи'. *xisn* < согд. *ynz*, ср. выше. *yudak* < *yutak*
перс. جدا 'отдельно'. شيك *c'mak* 'от меня' — предл. c' + личн. мест. 1-го л.

с суф. -ak. اكيغ *xarj ikkīx* '(если) истратишь' — сложный глагол:
خرج *xarj* — арабск. заимств., اكيغ *ikkīx* — 2-е л. conj. فينی *finī* 'на дру-
гое': *fa + īnī*, *īnī* 'другой' < *anya*, ср. осет. *инна*, *анна* id. نفقت *nafakat*
'содержание' — арабск. заимствование.

برذك شيك ای بخاهاوخم

+yudak c'mak raḫāhavcīm (برذك исправлено на بوزك), 'помимо меня —
без моего желания (согласия)'.

+*yudak c'mak*, т. е. (ای — арабск. слово в значении 'т. е.') *raḫāhavcīm*.
yudak c'mak см. выше *راڤاهاوخم* *raḫāhavcīm*: *ra* < *ara* 'без', *xāhavc* —
абстрактное имя с суф. абстр. -āvc || парф. -ft от основы наст. вр. глаг. *x'āh-*
'желать' — заимств. из зал.-ир. яз. (?); *raḫāhavcīm* 'без моего желания,
согласия, разрешения'.

بکفارت

paḫaffāratī 'без искупления'.

pa < *ara*, *kaffarat* — арабское заимствование.

کایا نانامی دار مرغندنا منخاخ اودا مابش میدا منخاخ

kā(y)uā nānāmiya dāra marγund'nā mancās uda māpīš miyidā mancās,

перс. اگر فلان را آواز داده باشم و او پیش من رفته باشد 'если бы я такую-то звал и она пошла бы со мной'.

آواز داده باشم перс. перевод — косв. п. в зависимости от глаг. آواز داده باشم точно передает хорезм. yā nānāmiya dāra marγund'nā mancās, где yā nānāmiya dāra стоит в косвенном падеже, а глагол marγund'nā mancās — непереходный и соответствует перс. آواز داده باشم, и по форме оба глагола (перс. и хорезм.) — 2-е будущее, т. е. прошедшее в будущем; marγund'n(ā) mancās — пр. вр. + част. mancās; глаг. marγund'n(ā) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с преф. m-, который присоединяется для образования прошедшего времени от глаголов, начинающихся с гласного. arγun(d) — ср. согд. иγн 'голос', осет. унер 'гул', унерγун 'стонать', в хорезм. arγun(d) перестановка. mancās < man, ср. выше. yā nānāmiya dāra 'такой-то' — косв. п., в nānāmiya -iya — оконч. косв. п. ж. р., ср. согд. -y'. مابش māpīš 'со мной', ср. выше; pīš соответствует согд. pyš в том же значении, ср. выше; перс. перевод من پیش не точен. میدا منخاخ miyidā mancās 'пошла бы' — 3-е л. ед. ч., 2-е буд. от глаг. 'y- 'итти', образование идентичное с marγund'nā mancās.

اود هیپش فی اشارت ایڑک داریدامی

ud hīpīš fi iṣārat idak dāridamī, перс. وبه اشارت پیش وی رفته بود

'и она уже пошла с ним по знаку'.

Так же как и в предыдущем предложении, перс. پیش неточно передает хорезм. پیش piš (хорезм. hīpīš 'с ним', перс. پیش وی 'к нему'). اشارت iṣārat 'знак' — арабск. заимств. idak dārīd — plusquamperfectum выражает действие, совершившееся раньше другого прошедшего (в предыдущем предложении). Это сложное время образуется посредством сложения причастия с прошедшим временем глагола: dār 'иметь', idak- прич. пр. вр. (с суф. -ak) от глаг. 'y- 'итти' и dārīd — 3-е л. ед. ч. пр. вр. от глаг. dār 'иметь'. Как можно видеть на этом примере, plusquamperfectum и, повидимому, perfectum с глаголом dār- образуется не только от переходных, но и непереходных глаголов. Не ясно امی -(a)mi, стоящее после dārīd в конце фразы: داریدامی dārīdamī, ср. выше dārīnamī 'я имела'. (a)mi — част. пр. вр. (?), ср. m — част. пр. вр. в глаголах, начинающихся с гласных, напр. marγundin. (Быть может, в первоначальном тексте была форма dārīyay — optativ?).

مرغندد اهير

marγundid ahīc 'позвал его'.

marγundid — 3-е л. ед. ч. пр. вр. 'позвал', *d* после *n* обусловлено фонетически, вызвано взрывом между *n* и следующим за ним *i*. اهير (a)hīc — энкл. мест. 3-го л. + частица *c* < *ty*.

V. كتاب الحدود КНИГА О ЗАПРЕЩЕННОМ

[Грубые, невежливые выражения?]

با پوجاه ارتك وار ادبك

yā pūcāhī arḡak(?) adik(?), перс. ریش وی کنده 'его борода вырвана'.

pūca 'борода', ср. перс. بچ id. *arḡak(?) adik(?)*, 'вырвана' — не ясно, быть может к *√ar-* 'молоть' ('смолоута?').

غوث خرين

γūḡ xurīna, перс. گوه می خورنی 'навоз ты ешь'.

γūḡ 'навоз', ср. ав. *gūḡa*, перс. گوه id. *xurīna* 'ты ешь': *xurī* — 2-е л. ед. ч. + мест. (*i*)na 'это', ср. выше *parvuzācinna* 'пусть станет' с тем же мест. придатком после глаг. формы.

اونك نا تغدثم كخی فی عالم نا انغ

utak nā ḡayḡcimī kacī fi 'ālam nā inc, перс. نو چنان سخت چشى كه

'ты такой бесстыдный (букв. 'твердоглазый'), что в мире нет такого'.

اونك utak 'ты' — личн. мест. 2-го л., ср. выше. *nā* 'такой' — указ. мест., ср. выше. *تغدثم ḡayḡcim* 'твердоглазый' — сложное слово: *ḡayḡ* 'твердый, напряженный', ср. ав. *ḡaxta*, перс. سخت, в хорезмийском озвончение конечных *xt* || *γd*, как в осет. и согд. *sim* 'глаз' < ав. *čaštan-* с выпадением согласного *š* в группе, ср. согд. *čšm*, ишк. *com*, шугн. *cēm*, язг. *čāt*; *i* после *ḡayḡcim* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. от *√ah-* — краткая (безударная) форма (связка), параллельная полной *yahī*, ср. выше. *كخی kacī* 'который' — относит. мест., составленное из двух мест., ср. осет. *kæcy* id. *'ālam*

‘мир’ — арабск. заимств. *انغ inc* ‘нет’ — 3-е л. ед. ч. наст. вр. + част. отрицания < **na asi* с перестановкой. ср. согд. *γсу*, где с согд. *ě < t(i)*, ср. выше.

كبادباوك اكيكام دقاغ يا مغك كخيامكام

ka pādabāv^ak ikkīkām dīβās yā maγak^a kasīyāmkān, перс. اگر بی ادبی
 كنى قنات بيندازم ‘если ты сделаешь невежливость, то от тебя (т. е. ‘твой’?)
 затылок (затылочную ямку) брошу (ударю тебя по затылку)’.

بادباوك pādabāv^ak ‘невежливость’ < *pa-adabāv^ak*: *pa* < *apa* — перс. بی
 ‘без’, *adab* — арабск. заимств. ‘вежливость’, *-āv^ak* — суф. абстр., ср. выше.

اكيكام ikkīkām ‘сделаешь’ — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от *ik-* < *kar-* ‘делать’.
قاغ βās ‘от тебя’ — личн. мест. 2-го л. с послелогом *-с*. *مغك maγak^a* ‘(заты-
 лочная ямка), затылок’ — сущ. ж. р. (با مغك), ср. перс. مغاك id., ср. ав.
maγa- ‘ямка’. *كخيامكام kasīyāmkān* ‘брошу (ударю)’ — 1-е л. ед. ч. буд. вр.
 от *kasⁱ* < *kāft* ‘падать’ (с понудительным значением: ‘бросать’), ср. выше,
 ср. согд. *kβt*.

ما

mā ‘ну!’ (текст: ‘слово пренебрежения’), ср. осет. *ma* id., ав. *mā*
 энкл. частица.

كا

kā ‘какая!’ (?).

ما كيربا

mā kirba, перс. زنج مزن ‘не болтай’.

mā — отрицание при пов. накл. *kirba* — 2-е л. ед. ч. пов. накл.
 ‘болтай’ (?).

غفس

γafsa, перс. خب شين ‘молчи’ — грубые выражения, передающие отте-
 нок пренебрежения, вложенный в хорезмийское слово *غفس* (2-е л. ед. ч.

пов. накл.), как и в предыдущем слове. *غفس γafsa*, в этом контексте может
 быть переведено по-русски соответственным грубым выражением: ‘надор-
 вись!’ (‘замолчи’ *خب شين*), ср. согд. *γβs-* ‘утруждаться’ (VJ, 58°, 784, 849;
 R., I, 34, 4): *rtu ’wy p’znu L’ γβs’t* ‘и в душе пусть не утомляется’. К значе-
 нию *γβs-* (см. JA, том 23, № 2, стр. 213).

خزورد

(?), перс. خزر بار کرده 'вставай, груженный осел', خرشو 'стань ослом'. Персидские переводы приблизительны, не точны. Текст говорит: 'перевод... не удался нам'. Хорезмийское быть может следует исправить на خزر خرقار پروزد, т. е. *xēz xarβār parvuzd* 'встань, груженный осел' (?) или خزر پروزد *xēz xarparvuzd* 'встань, превратившийся в осла', и т. п.

اقرومس

aβrūmas 'большебровая' (?), ср. *aβrū* 'бровь', ср. ав. *mas* 'большой'.

ما جابيشك ماء

mā jābicik mā 'ну, ребеночек, ну!'.

mā 'ну!', ср. выше. *jābicik* 'ребеночек', перс. заимств. (старое) (?); *jā* — перс. جان; *bicik* — перс. بچه, ср. осет.-диг. *биццеу* 'мальчик'. *جابيشك jābicik* 'ребенок', ср. выше. *mā* 'ну!', ср. выше.

کس ماث اوتک اسکدر خاسکی شکشیخ

kās maθ utak uskadar cāsikiya škašix, перс. اگر به زبراز شتالنگ من نکری 'если здесь (*maθ*?) ты выше (моих) пяток будешь смотреть'.

kās 'если', ср. выше. *maθ* 'здесь', ср. согд. *mθ id*. *اسکدر uskadar* 'выше' — сравн. степень, ср. согд. 'sk-, ав. *uskāt* 'высоко'. *خاسکی cāsikiya* 'чем пятки': *ca* (перс. از) 'чем' (при сравн. степени) + *askiya* — косв. п. ж. р. от **aska* < согд. 'stk 'кость' (?). *شکشیخ škašix (s-kašix?)* — 2-е л. ед. ч. сопј. '(если) будешь смотреть' < *us-kasya-*, где *sy* > *š*, как в согд., ср. осет. *скасуи* 'взглянуть вверх'.

VI. کتاب السیر КНИГА ОБРАЗА ПОВЕДЕНИЯ

کس مٔیان دار خُشتی افاخ دفا مناخ ای ملک الموت جان نیتکیخ

kās maβiyān dāra xuštī aβāc d'fā manāc' i malak al-maut jān ne'ttakēs 'если будет у нас желание, то ангел смерти не сможет забрать наши (собств. 'у нас') души'.

دار maβiyān dāra 'у нас' — дат. п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. с суф. *dāra*, ср. выше. *مٔیان maβiyān* — косв. (дат.) п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. от основы *ma-* с суф. мн. ч. *βi* < др.-пр. *-biš*, ср. оконч. мн. ч. барт,

-f, мундж. -af+ān, ср. мундж. *tof* 'вы'. *خُشتی xušti* 'желание', ср. согд.-христ. *γwštyq* 'он будет радоваться' (Fr. W. K. Müller, Abh. d. V. A. d. W., 1913, 72, 4, 73, 11). *اِذَاغ aḏāg* '(если) будет' — 3-е л. ед. ч. сопј. от *aḏa*, ср. выше. *فَا ماناḥ fā manāḥ* 'от нас': *fā* — предлог, *c'* — послелог, *mana* — род.-исх. п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. 'нас'. *ای i* — артикль м. р. *ملك الموت malak al-maut* 'ангел смерти' — арабск. заимств. *جان jān* 'душа' — перс. заимств. *نیتکبخت nēttakēc* 'не может забрать' — сложное глаг. образование, состоящее из прич. пр. вр. *'tta* 'взятый' < ав. *yata* + 3-е л. ед. ч. от глагола *ik-* < *kar-* 'делать'. О подобных образованиях в иранских языках см. выше (стр. 88—91) под словом *pardikki* 'ты можешь воспрепятствовать, удерживать', — потенциальное наклонение.

هزار باویر کاما برید

hazār yāvār k^a māpār yaddⁱ, перс. *هزار بار که بر منند* 'тысячу раз, что надо мною суть'.

ید yaddi 'суть' — 3-е л. мн. ч., где *ddⁱ* < *ndⁱ*, ср. согд. *'ynt id.*

چکیش دا ماک

čakiš(?) d^a mā'kka 'не лжи'.

چکیش čakiš(?) 'ложь' (?) — не ясно. *دا d^a* соответствует исторически и функционально согд. *rty*. *čakiš d^a mā'kka* 'лжи да не делай'.

ماک mā'kka 'не делай' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. от *'kk-*, ср. осет. *макæ*.

ناث ارد ای محمد بخغام قرك مکد امد ناز

nāḏard (вар. *nāḏazd*) i Muhammad piçyāmβarak mikkid āmādi nāz перс.

در اینجا محمد پیغامبر کرد فلین من 'в этом месте Мухаммед пророк (с)делал, как же я?'

ناث ارد вар. *ناث ازد nāḏard, nāḏazd* 'в этом месте': *na* — основа указ. мест. 'этот', *-ḏa* — суф. наречия места, времени, образа действия, ср. др.-пр. *yadā, avadā, -rd*, ср. ав. *arədah* 'сторона', осет., *ардæ*, рош. *ared-*. *ای محمد i Muhammad* Мухаммед — собств. имя, арабск. заимств. *بخغام قرك piçyāmβarak* 'посланник', перс. *پیغامبر id.: piçyām* 'послание', *βarak* — прич. наст. вр. от *βar* 'нести'. *piçyāmβarak* — хорезм. подражание (калька) по типу перс. *raiγāmtbar*. *مکد mikkid* '(с)делал' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. от *ikk-*, с приставкой *m-* пр. вр. в основах, начинающихся с глас-

ного. اماد *āmādi* 'как же, в действительности', ср. согд. *am'tyč, ср. выше.
ناز *nāz* 'я' — форма (вм. *az id.*), образовавшаяся в сочетании после слова, которое оканчивалось на *-n*, напр. *mikkīnaz* 'я сделал' > *mikkīnaz*, ср. выше.

نين ای همک کافرانک رای

nin^a i ham^ak kāfirānak rāi, перс. این همین رای کافرانه 'это тот самый нечестивый взгляд?'

نين *nīn^a* 'это' — сложное местоимение. همک *ham^ak* 'тот самый'. کافرانک *kāfirānak* 'нечестивый' — прил., образованное от арабск. заимств. *kāfir* 'нечестивый, неверный' + суф. прил. *-ānak*, перс. *āna id.* رای *rāi* 'взгляд' — арабск. заимствование.

اوش داك كتي مسرماناوك وازيغ

uš da'kka kacī musurmānā'k vāzīxx^a перс. باش هوش که از مسلمانی بیرون آمدی 'опомнись, ведь ты вышел из мусульманства?'

اوش *uš da'kka* 'опомнись' (собств. 'сознание да делай'): اوش *uš* 'сознание' < авест. *uši-*, ср. перс. هوش *id.* الك *ikka* 'делай' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. مسرماناوك *musurmānā'k* 'мусульманство' — абстр. имя с суф. *-a'k* от *musurmān* < *musulmān* — арабск. заимств. 'мусульманин'. Форма *musurmān* с *-r* — вероятный источник русского 'бусурман', об этом см. ZDMG [т. 90 (1936), 4, стр. 30]. وازيغ *vāzīxx^a* 'ты вышел' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* от *Vvaz-*, ср. *parviz*, ср. согд. *ršwz-*, ср. выше.

نوش مکین

nōš mikkīn, перс. نوش کردم 'я хорошо сделал?'

نوش *nōš* 'приятное, хорошее'. مکین *mikkīn*, 'я сделал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше.

ثی قیندک یاود [یاور؟] بینغ

ci βēndak yāvvađa [yāvvara?] rēñix^a 'ты удалила от бога доверие(?), قیندک *βēndak* 'бог' < *band* ('связывающий?'). *yāvvađa^a* 'вера, доверие'(?),

ср. ниже نیواری 'не знаешь (Аллаха)'(?). *yā* — артикль ж. р. بینغ *rēñix^a* 'ты удалила' — 2-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше بینینا *rēñīñā* 'я удалил', этимология < *apa* — *nai*(?).

اوزانغ

uzānc, перс. بیرون آیم 'выйду' ('пусть выйду') — 1-е л. ед. ч. conj. для обозначения будущего времени, к $\bar{V}vaz?$

کافر مین د مسرمان پاروزین

kāfir miyin^a d^a musurmān pārvuzīn 'я был неверующим и стал мусульманином'.

کافر *kāfir* 'неверующий' — арабск. заимств. مین *miyin^a* 'я был' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от 'y- (ср. 2-е л. ед. ч. наст. вр. یاه *yahi* — 3-е л. یات *yatiⁱ*, 3-е л. мн. ч. یَد *yaddⁱ* < *ah-*), ср. выше об образовании пр. вр. глаголов с гласным началом. مُسرمان *musurmān* 'мусульманин', ср. выше. پاروزین *pārvuzīn* 'я стал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* < *par^a-vart*, ср. согд. *prw'st*, ср. выше.

ای کتی ناو ککین اوتک دیما قیندک نیواری

i kitē nāvⁱ kikkin^a utak dⁱ ma βēndak nēvāri 'эти дела, которые ты делаешь, то (поэтому) моего бога не знаешь (не веруешь)'.

ای کتی *i kitē* 'дела' — мн. ч. причастия. *nāvⁱ* 'эти' — указ. мест.: *na + ava*. ککین *kikkin^a* 'которые ты делаешь (их)', *ki* 'которые' — относит. мест.: *'kkin^a* 'ты делаешь (их)' — 2-е л. ед. ч. наст. вр. от *ikk +* указ. мест. اوتک *utak* 'ты' — личн. мест. 2-го л., ср. выше. ما *ma* 'мой' — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. притяжат. мест. قیندک *βēndak* 'бог', ср. выше. نیواری *nēvāri* 'не знаешь (веришь)' < *var(?)*.

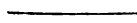
دکافر پروزام کام

dⁱ kāfir^a pārvuzām kām 'так я стану неверующей'.

کافر *kāfira* — ж. р. с окончанием *a*. پروزام کام *pārvuzām kām* 'стану' — 1-е л. ед. ч. буд. вр., ср. выше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Хорезмийский язык	5
Образование прошедшего времени в хорезмийском языке	17
Согдо-хорезмийские диалектологические отношения	26
Артикль в хорезмийском языке	42
Хорезмийские глоссы в сочинении «Кыңйат ал-муңйа...» ('приобретение желанного'...) хорезмийского законоведа XIII в. Наджм ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтār ибн-Махмūd аз-Заҳидī ал-Газмīнī	51
I. Книга о браке	52
II. Книга о разводе	57
III. Книга об освобождении (рабов)	78
IV. Книга о клятве	81
V. Книга о запрещенном	113
VI. Книга образа поведения	115

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Л. П. Пекуровская*
Технический редактор *Р. С. Певнер*
Корректоры *В. Ф. Вещилова* и *Н. А. Малевич*

*

РИСО АН СССР № 4452. Подписано к печати
10/VII 1951 г. М-29894. Бумага 70×108/16.
Бум. л. 3³/₄. Печ. л. 10,27. Уч.-изд. л. 7.
Тираж 2000. Зак. № 1802.
Цена в переплете 8 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
3	4 сверху	языковед	законовед	Автора
17	8 снизу	306—319;	306—319,	»
56	12 сверху	<i>eiγ^ueiyaḱāta: kǎ</i>	<i>eiγ^ueiyaḱāta kǎ</i>	»
56	3 снизу	<i>hǎhhi</i>	<i>h: kǎhhi</i>	»
65	6 сверху	'мне, ее'	'мне ее'	»
66	1 »	<i>ya + ?</i>	<i>ya? +</i>	»
67	10 снизу	в согдийском	в согдийском,	»
68	12 сверху	'садиться'?	'садиться'	»
80	7 »	с гласного <	с гласного, <	»
101	10 »	ذاریبی	ذاریایی	»
101	16 »	ذاریبی	ذاریایی	»